

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО КИЕВА

Вадим Бурлак

ТАЙНЫ СТРАНСТВИЙ

Вадим Бурлак

ЛЕГЕНДЫ
СТАРОВОГО КИЕВА

МИР КНИГИ

Вадим Бурлак

Вадим Никласович Бурлак – писатель, путешественник, организатор и руководитель более 130 экспедиций по нашей стране и зарубежью. Большинство его экспедиций связано с исследованием Глобальной Проблемы Выживания человечества, а также с изучением аномальных явлений и исторических тайн. Автор книг, статей, очерков, рассказов, в том числе для детей, работ по истории и философии, Вадим Бурлак пишет о природе, о тайнах времен и народов, о Глобальной Проблеме Выживания человечества. Его труды опубликованы в нашей стране и за рубежом. В России выпущено 7 аудиокниг с рассказами и повестями Вадима Бурлака, он частый гость на радио и телевидении.

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО КИЕВА

В преданиях древнего и прекрасного города переплелись исторические факты и народные сказки, байки и песни. Какими легендами окружены киевские пещеры? Как веселились киевские ведьмы? Какие воспоминания связаны у горожан с днепровскими водами и островами и кто из знаменитых людей прошлого схоронил клад в подземелье? Тайны киевской старины по-прежнему ждут своих открывателей.

МИР КНИГИ

ISBN 978-5-486-03858-7

9 785486 038587

ТАЙНЫ СТРАНСТВИЙ

Вадим Бурлак

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО КИЕВА

МИР КНИГИ

УДК 908
ББК 82
Б90

Бурлак В.Н.
Б90 Легенды старого Киева. — М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011. — 256 с.: цв. вкл. 16 с. — (Серия «Тайны странствий»).

С достопримечательностями Киева – его улицами и районами, Днепром и Почайной, пещерами и крепостями – связано множество преданий. Некоторые похожи на сказку, другие основаны на реальных событиях. Иногда сказка и быль переплетаются воедино. А древняя киевская земля хранит множество тайн, которые еще можно разгадать.

ББК 82

Днепровские предания

*І блідий місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав,
Ненаге говен в синім морі,
То виринав, то потопав.*

Тарас Шевченко

Звалась река Борисфен

В древние времена у Днепра было множество имен. Эллины и скифы называли его Борисфен и почитали как божество. В мифах говорится, что дочь Борисфена стала женой бога Папая. От этого брака на свет появился родоначальник скифов Таргитай.

В V веке до н. э. знаменитый древнегреческий историк Геродот писал: «...Борисфен — величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила. <...> Борисфен <...> предоставляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится много превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает обильным, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. У устья его сами собой отлагаются огромные за-

пасы соли. <...> Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания».

Рассказ Геродота о Борисфене, возможно, одно из древнейших письменных упоминаний Днепра. «Отец истории» не только дает характеристику великой реки. В его трудах есть сведения и о палеографии, о животном и растительном мире Приднепровья, о нравах и обычаях народов, заселяющих эти земли.

Многие описания, сделанные почти две с половиной тысячи лет назад, кажутся наивными, ошибочными и даже сказочными. Но Геродот, подобно другим ученым древности, был первопроходцем в своих изысканиях, и не стоит живущим в третьем тысячелетии строго судить его за ошибки.

После отступления ледника долина Днепра быстро осваивалась и заселялась людьми. Примерно 30–15 тысяч лет тому назад в Приднепровье еще водились шерстистые носороги и мамонты, пещерные львы и мускусные овцебыки, саблезубые тигры и гигантские олени. Эти животные, как и многие другие, становились добычей людей позднего палеолита.

Археологические раскопки на берегах Днепра свидетельствуют, что человек той эпохи использовал бивни мамонта, огромные рога оленей, кости крупных зверей не только для изготовления орудий труда, украшений, музыкальных инструментов, но и для строительства жилья.

В конце XIX века на Кирилловской улице Киева во время раскопок археологи обнаружили большое количество осколков мамонтовых бивней с резными изображениями людей и животных, а также кости пещерного льва, медведя, росوماхи. Находились они под многометровым слоем земли. По мнению ученых, эти древние останки относятся к послеледниковому периоду, когда человек стал активно осваивать днепровские берега.

Любовь, страх и уважение

Пять тысяч лет назад земли, на которых теперь располагается Киев, уже были густо заселены. На днепровских кручах, расчлененных балками и оврагами, обосновались земледельцы, знавшие и гончарное, и кузнечное ремесло.

И эти люди позднего неолита, и сменившие их другие народы поклонялись великой реке. Возникали новые и забывались старые обряды, связанные с Днестром, но оставались к нему любовь, страх, уважение...

Историк Василий Осипович Ключевский в конце XIX века писал о роли водных артерий в жизни человека: «На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов, и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоемном берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжении значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога. <...> Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она и сама любит порядок и закономерность».

Далее Василий Ключевский отмечал: «Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение».

Конечно же, эти слова Ключевского о реках относятся и к Днепру. На протяжении многих веков с ним связаны миллионы человеческих судеб. Невозможно подсчитать, скольких людей он напоил и накормил, скольких осчастливил и сколько нашли вечный покой в его водах.

Скифы, готовясь к военным походам, омывали в Днепре себя, боевых коней, доспехи и оружие. Славяне окропляли его водой новорожденных и молодоженов во время свадеб-

ной церемонии. На протяжении нескольких тысячелетий эта река являлась важной составной частью многих ритуалов и мистерий. Язычники разных племен обращались к Днепру, как к могущественному божеству, — с молитвами и просьбами, бросали в его воды дары, спрашивали совета.

Археолог и этнограф XIX века Николай Закревский упоминает о таинственном городе на Днепре Азагориуме: «Это древнее, неразгаданное слово, находящееся на произвольной карте египетского географа Птолемея, жившего около 131 года по Р. Христа... Азагориум, который у тогдашних жителей, может быть, назывался Загорьем, был не что иное, как Киев...»

Но убедительных подтверждений существования Азагориума пока не найдено. Есть предположение, что легендарный город существовал более 2500 лет назад. Однако некоторые исследователи считают, что Азагориум возник на пересечении древних торговых путей, на месте современного Киева, гораздо раньше.

Апостол Андрей Первозванный с проповедями христианства много странствовал по Ближнему Востоку, по Балканскому полуострову и в придунайских землях. После посещения северных берегов Черного моря он отправился вверх по Днепру.

Согласно преданию, Андрей Первозванный сделал остановку на кручах, там, где впоследствии возник Киев. Святой странник долго, безмолвно осматривал с высоты окрестности, глядел в величавые воды Днепра, о чем-то размышлял и, возможно, обращался к Всевышнему. Потом Андрей Первозванный воздвиг на холме деревянный крест и провозгласил: «На сих горах воссияет благодать Божия...»

Легендарный основатель Киева, полянский князь Кий, перед началом строительства города, совершил особый обряд. Летней ночью он вошел в реку и стоял по горло в воде до самого рассвета. Неизвестно, о чем он просил Днепр, с какими словами обращался к нему, что обещал принести в жертву.

Утром, выйдя на берег, Кий заявил братьям Щеку и Хориву и сестре Лыбеди: отныне Днепр будет покровитель-

ствовать новому городу. О том ему нашептали — нажурчали — могучие священные воды.

Спустя несколько столетий о тех давних событиях инок Печерского монастыря Нестор в Повести временных лет писал: «И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив — на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город во имя старшего своего брата, и называли его Киев».

Было ли все так на самом деле? Вряд ли удастся живущим в третьем тысячелетии людям найти однозначный ответ.

Крест над рекой

В 988 году произошло крещение Руси. Это важное событие свершилось в водах Днепра. Киевский князь Владимир, прозванный народом Красным Солнышком, повелел жителям своего стольного града собраться на берегу реки. «Кто не придет, тот не друг мне!» — заявил он киевлянам.

Как отмечалось в летописи, сторонники христианской веры уничтожили языческого болвана: «... одного болвана волокли с горы утопити в Днепр и били по чреву, бес в нем кричал ляментуючи. <...> И где того болвана утопили, плынул вниз, и неверные, идучи берегом, плакали и звали, мовячи: "Выдыбай, наш Господару, Боже, выдыбай", то есть выплыви. А той болван выдыбал, албо выплыл аж там на берег, где теперь монастырь Выдубицкий...»

Вначале по приказу князя Владимира христиане расправились с языческими идолами. Деревянные изваяния жгли, рубили и сбрасывали в Днепр. А затем сотни киевлян вошли в реку. Там и свершился над ними обряд крещения.

Новые обряды, прежнее почитание

*...Братия прежде жила в пещере, пошел
же монастырь этот от благословения
Святой горы.*

Летописец Нестор

«Собирательница мудрости и света»

Первые православные подвижники стали селиться в киевских пещерах в конце X столетия. Принявшие постриг уходили от суетного мира в подземелья днепровских круч, где полностью отдавали себя служению Богу.

В середине XI века в Киеве, во времена правления Ярослава Мудрого, преподобными Антонием и Феодосием Печерскими была основана лавра. Она состояла из Ближних пещер и Дальних пещер, Больничного Троицкого монастыря и Великой лаврской церкви. Как отмечали историки и богословы, эта обитель стала духовным центром Киевской Руси, «собирательницей мудрости и света», истинной школой православного монашества.

Ученики Антония Печерского следовали его примеру в служении Богу и своему народу. О самом основателе Киево-Печерской лавры в православной литературе говорится: «К нему, как к све-

тильнику, горящему во мраке только-только еще пробуждающейся от язычества страны, тянулись все: и жаждущие иноческих подвигов, и ищущие утешения, и жаждущие помощи, и потерявшиеся на многотрудном жизненном пути — князья, бояре, воины, священнослужители, купцы, ремесленники, крестьяне, нищие, калеки, бродяги, бесноватые, разбойники... О всех он молился, всем помогал: обличал сильных, укорял слабых, укрощал строптивых, поддерживал падающих, ухаживал за больными — исцелял, назидал, раздавал милостыню; был гоним и обласкан, оклеветан и прославлен... Но, даже выходя из своей земляной келейки, ни на мгновение не прерывал постоянной молитвенной беседы с Богом. И это придавало необыкновенные силы его ученикам и сподвижникам. Они хлопотали, добивались, строили, расширяли — устроили, наконец, великолепную лавру, сами преисполнялись благодатных даров, спасались и спасали других, чувствуя себя в крепкой ограде, возведенной теплыми молитвенными воздыханиями св. старца Антония».

В XIX веке историк, просветитель и литератор Андрей Николаевич Муравьев писал, как во время бури на Днепре «сердитые волны с ревом набегали на длинный мост его <...>, они грызли утлое дерево белой пеною, обозначая непрочную стезю сию на темноте вод. Но идущему по ней, в промежутке молний, когда все погружалось опять из ослепительного света в столь же ослепительный мрак, и ни одной путеводной звезды не блистало на целом небе, — одна лишь, более отрадная, приветливо сияла от горы Киевской — это была мирная лампада, теплившаяся над самым Днепром, при входе дальних пещер Федосиевых, и взор, утомленный блеском молний, искал отдохнуть при тихом мерцании сей лампы, которую молитвенно возжгли святые отшельники в их безмятежной пристани, за много веков и еще на много столетий».

С приходом христианства хоть и перестали обожествлять Днепр, но уважение к великой реке сохранилось.

И в Средние века днепровскую воду люди не только пили и использовали для хозяйственных нужд, но и применяли ее в различных ритуалах и обрядах.

Набег крымчаков

В 1490 году в Киеве был возведен в сан новый митрополит. Произошло это, когда славный город на днепровских кручах лежал в развалинах.

После огненно-кровавого татаро-монгольского нашествия Киев долго не мог восстановиться. Его жители бедствовали и голодали, поскольку в окрестностях города орудовали отряды вражеского войска. Они сжигали селения, грабили и оскверняли храмы, уводили в рабство людей, отбирали съестные припасы и скот.

Митрополит Макарий Киевский, как мог, помогал нищим, голодным, раненым, отчаявшимся, бездомным. Согласно преданию, после утренней молитвы он обычно отправлялся на берег Днепра и какое-то время стоял там в одиночестве, будто мысленно о чем-то беседуя с рекой. Макарий не раз советовал киевлянам «очищаться» днепровской водой.

В старину считалось, что великая река вобрала в себя мудрость и силу разных народов, а человек, соприкасаясь и почтительно обращаясь с ней, получал от нее эту силу и мудрость.

1 мая 1497 года Макарий Киевский прибыл в село Стригалово для совершения Божественной литургии. Вначале все шло по заведенной традиции, но едва митрополит начал богослужение, как в храм с тревожной вестью влетел гонец.

— Беда!.. Поганные подступают!.. Снова басурмане метят землю нашу огнем и кровью! Снова глумятся над нашими святынями! И нет от них пощады христианам — ни старым, ни малым!

Собравшимся хорошо было известно, чем грозят им татарские набеги. За несколько лет до этого летописец отмечал: «Сентября в 1-й день прииде Менли-Гирей, царь крымский Перекопския орды, со всею силою своею <...> и град Киев взя и огнем сожже, а воеводу киевскаго пана Ивана Хоткевича изымал, а иного полону безчисленно взял».

После этого крымчаки не раз повторяли набеги на Киевщину. Сотни домов и строений превращали они в пеле-

лица, тысячи людей убивали или делали своими невольниками.

Макарий прервал литургию и приказал богомольцам:

— Дети, удалитесь все! Мой же долг остаться здесь!..

Люди в панике стали разбегаться. Когда митрополит оказался один, он продолжил прерванную литургию. Вскоре в храм ворвались крымчаки. Неизвестно, какой разговор произошел между завоевателями и священнослужителем. Да и состоялся ли разговор?..

Давняя первомайская традиция

Наконец-то опьяненные победой враги покинули Стригало, и оставшиеся в живых селяне бросились в храм. Митрополит лежал рядом со святым престолом в луже крови. Голова его была отсечена, а на теле виднелось множество ран.

Останки Макария перевезли в Киев и похоронили в соборе Святой Софии. Как отмечалось в церковной литературе, «...с тех пор в нем часто слышали таинственное пение незримого хора, а перед гробницей Макария Киевского находили горящие свечи, зажженные неведомой рукой».

Долгое время у киевлян существовала традиция: каждый год 1 мая, в день гибели Макария, закрепляли зажженную свечу на дощечке, а затем пускали дощечку по Днепру. Подобный обряд жители Киева совершали еще в языческие времена. Может, так христиане хотели напомнить о любви погибшего митрополита к великой реке? Когда в XVII столетии Макарий был причислен к лику святых, традиция пускать по Днепру дощечки с горящими свечами то ли уже забылась, то ли совершать ее запретила Церковь.

В согласии и споре с Великой рекой

Победы и поражения

В 912 или 913 году, после смерти князя Олега, прозванного в народе Вещим, киевский престол занял князь Игорь.

По-разному характеризовали его летописцы. Одни отзывались о нем как о мужественном, храбром воине и дальновидном политике, другие считали его жадным, своенравным человеком, лишенным таланта полководца и правителя, завидующим славе Олега. А может, в нем уживались все эти качества?

Однако мало кто оспаривал, что он был продолжателем политики своего предшественника: укреплял государство, распространял власть Киева на восточно-славянские племена.

В 913 и 943 годах Игорь совершил военные походы в Закавказье. Он подавлял восстания древлян и, как считают некоторые историки, первым из великих киевских князей столкнулся с печенегами и на поле брани, и на ниве дипломатических переговоров.

Пять лет длилось перемирие. Но в 920 году снова разгорелась вражда между Киевской Русью и печенегами.

И все же главной своей военной и политической целью Игорь считал богатую и могущественную Византию. Он совершил два похода на Царьград. Киевский князь сделал это, поскольку Византия перестала выплачивать дань, наложенную на нее Олегом.

В 941 году ладьи войска Игорева спустились по Днепру в Черное море. Но в морском сражении византийцы применили так называемый «греческий огонь»: «пустили трубами огонь на ладьи русские». Большинство княжеских кораблей сгорело, погибло немало русских воинов, а сотни из тех, кто оказался в плену, были казнены в Константинополе.

Спустя годы византийский император Иоанн Цимисхий запугивал сына князя Игоря Святослава, напоминая о том морском сражении: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Босфору прибыл едва ли с десятком судов, став вестником своей беды».

После поражения в Черном море Игорь в печали и с позором вернулся в Киев. Но поражение не сломило его. Через три года он предпринял второй поход на Царьград. До Константинополя его войско не дошло, однако ему удалось подписать с Византией выгодный для Киева экономический договор.

Куда летит черный вестник?

Согласно преданию, князь Игорь особо почитал Днепр, приносил ему дары и даже называл его своим братом. Но при этом, с присущей властелину гордыней, считал: «От самого истока до моря ся река моя».

Незадолго до своей гибели киевский князь с каким-то волхвом отправился ночью на Днепр. Чародей обещал Игорю предсказать будущее, вглядываясь в час полнолуния в темные воды.

Они добрались до середины Днепра. Волхв подал знак, и князь швырнул за борт пригоршню серебряных монет.

А потом некоторое время чародей и киевский правитель сидели молча и неподвижно.

Дождались наконец, когда из-за туч появилась луна и потянулась по реке искристая дорожка. Стал кудесник, глядя на нее, что-то нашептывать, опускать руки в воду, а потом протягивать их к ночному светилу.

Долго ждал князь предсказания, а волхв будто позабыл о знатной особе и продолжал свой таинственный обряд.

Наконец это надоело Игорю:

— Хватит бормотать и руками размахивать! Говори, старик, что узнал-выведал у моей реки! Не лъсти, не криви, отвечай: какая судьба мне уготована и какие победы ждут впереди?

Смутился чародей, опустил голову и глухо ответил князю:

— Больше не будет у тебя побед. Бесславно вскоре закончится твой путь...

Сжал князь от злости кулаки, но сдержался.

— Продолжай! Чего умолк!

— Возгордился ты, князь, так, что великую реку считаешь своим данником. Да, непокорен и мудр старый Днепр и терпит людские слова и деяния лишь до поры до времени. А настает час, ведомый только ему, и он за все отплачивает обидчикам, гордецам, неразумным бахвалам.

Тут уж рассвирепел князь. Никто ему не отвечал так дерзко. Схватил он за горло чародея.

— Меня, великого князя и воина, победителя племен, ты осмелился назвать гордецом и неразумным бахвалом?! Кланялся ты, смерд поганый, моему Днепру, так теперь навек останешься с ним! И сила твоя чародейская не поможет!

Захрипел предсказатель:

— Поздно расправу надо мной чинить. Гляди, князь, вон уж вечный киевский ворон вылетел из своего потаенного гнезда...

Обернулся Игорь — и в самом деле: от береговой кручи к середине реки неспешно летела черная птица. Она отчетливо виднелась на едва тронутым восходом поднебесье.

Слышал князь от стариков древнее поверье: если коснется крылом киевский вечный ворон Днепра — быть большой беде.

Куда на этот раз летит черный вестник? Кому предрекает горе? Коснется ли днепровской водицы?..

Последнее предсказание волхва

Хоть и тревожно стало на душе, но хватку свою Игорь не ослабил. А птица тем временем спустилась пониже и стала беззвучно кружить над водой. Замерло все вокруг, будто и сонные берега, и река, и небо затаились в ожидании: какой же знак подаст черный вестник?

Но ворон не коснулся крылом Днепра. Покружил-покружил да и улетел восвояси к киевским кручам, к своему заветному дубу.

Захотел торжествующе князь:

— Видал, смерд поганый?! Ничего дурного не предсказала мне вещая птица! Хотел, чтобы накаркала она беду? Так будешь сам теперь злобно каркать, — только со дна моей реки!

— Не разгадал ты пророческих знаков ворона, — задыхаясь, прошептал чародей. — Предсказал он: быть тебе разорванным двумя деревьями...

Князь не разобрал последних слов старика. Сдавил он, что есть сил, горло чародея и вывалил из лодки тело. С легким всплеском принял Днепр новую жертву и затих.

Причалил Игорь к берегу, где поджидали его дружинники.

— А куда чародей подевался? — поинтересовался один из мечников.

— За дерзость свою поплатился колдун, — с усмешкой ответил князь.

И от взгляда его склонили головы даже бывалые воины.

— Предрек он мне скверную, лютую смерть, да только тут же сам в ее власти оказался; — продолжил Игорь. — Да будет так с каждым, кто пожелает своему князю погибели!

— Да будет так!.. — поспешно повторили за предводителем дружинники.

Похвалялся древлянский вождь

Вскоре после расправы над волхвом Игорь отправился в поход на древлян. Это племя, обитающее в Полесье, на берегах рек Тетерев, Уж, Уборть, отказалось платить дань Киеву. Произошло это не без подстрекательства Царьграда.

Как сообщалось в летописи, киевскому князю все же удалось собрать дань с древлян. Но Игорю этого показалось недостаточно. Часть воинов с ценным обозом он отправил в Киев, а сам с небольшим отрядом вернулся в Полесье.

Древляне во главе со своим князем Малом решили: «Аще ся въвадити волк в овце, то выносит все стадо, аще не убьют его; так и се, аще не убьем его, то вся ны погубит».

Опытный воин Мал успел хорошо подготовиться к повторному приходу киевлян. Отменно сработала его разведка. Противник был разгромлен, а предводитель казнен. Сбылось предсказание убитого волхва.

Византийский император Иоанн Цимисхий записал, что древляне привязали Игоря к двум согнутым вершинам деревьев. К одному — за руки, к другому — за ноги. Потом деревья отпустили, они выпрямились, и князя разорвало пополам. Расправу пришли посмотреть все жители древлянской столицы Искоростень — от мала до велика. Киевского князя похоронили под высоким курганом, вблизи места казни.

Легкая победа, видимо, вскружила голову предводителю древлян. И решил Мал покорить ненавистный ему Киев. Приказал он щит и меч Игоря бросить в Днепр. Да так, чтобы это видели киевляне.

Явились древлянские воины на противоположный от Киева берег Днепра, и стали они кричать и мечами и топорами о щиты стучать. Шум всполошил еще сонных горожан. Высыпали они на днепровские кручи. А тем временем несколько лодок воинов во главе с Малом подплыли к Киеву. Поднялся во весь рост Мал и демонстративно швырнул меч и щит Игоря в Днепр. А потом поднял над головой седло и уздечку, снятые с коня убитого князя, и закричал:

— Оседлаю я скоро гордый и богатый Киев, а уздечку наброшу на вашу гордую владычицу! Попомнит она, как собирала непомерную дань с моего народа!

Полетели стрелы с киевских круч. Заволновалась от них река. Но никто из древлян не пострадал. Засмеялся Мал и приказал поворачивать лодки к противоположному берегу. А напоследок пообещал вскоре исполнить свою угрозу.

О происшествии и дерзких речах тут же донесли княгине Ольге. Не меньше, чем расправа над супругом, разгневали ее слова предводителя древлян.

Собрала она ближних людей и объявила:

— Великим огнем покараю диких лесовинов, река их Уж, как хворост, полыхать будет, а дерзкий Мал первым из древлян сгорит!

Умела княгиня Ольга добиваться своего. Наверное, не зря летописец сказал, что она была «мудрейши всех человек», и отмечал, что, объезжая подвластные земли, она устанавливала там мир и порядок. Наведывалась Ольга и в Царьград, где ее крестили правитель Византии и патриарх. Хотя некоторые исследователи считают, что крестилась княгиня все же на днепровских берегах.

Упоминается в летописи, что византийский император, очарованный красотой и мудростью киевской княгини, пожелал жениться на ней. Но Ольга дипломатично отказалась от этого предложения.

Огненная баня

В 946 году, через несколько месяцев после гибели Игоря, став верховной правительницей, она собрала войско, чтобы наказать древлян и заставить их снова платить дань Киеву. Ольга сумела обмануть вождей непокорного племени.

Ее приближенные распустили слух, будто киевская рать готовится выступить против печенегов и не собирается мстить древлянам. Поверив в это, князь Мал жестоко поплатился за свою ошибку. Он собирался посвататься к

Ольге. Но вместо свадебного пира оказался в огненном плену.

Согласно преданию, предложила Ольга Малу и его близким людям помыться в бане перед «знатным застольем». Расположился предводитель древлян со своей свитой в свежесрубленной баньке. А киевские дружинники тем временем вырезали его охрану, оставленную снаружи, завалили бревнами выход и «пустили красного петуха».

Лишь когда пленники огня стали задыхаться, кто-то из них заметил приколоченные к внутренней стене бани седло и уздечку. Понял Мал, что означают эти знаки, но поздно. Как ни ломились древляне в дверь — спастись не смогли.

Ольга свою угрозу исполнила: дотла была сожжена столица древлян Искоростень, превратились в пепелище и другие селения непокорного племени. Несколько дней горели леса по берегам реки Уж. Деревья и бревна уничтоженных строений киевские ратники сталкивали в воду, но она почему-то не могла погасить огонь. Казалось, река Уж и в самом деле полыхала...

Неизвестно, по приказу ли княгини Ольги или по собственной инициативе ее дружинников-язычников многие обгорелые останки древлян были доставлены к Днепру и сброшены в воду. Та же участь постигла и деревянных идолов разгромленного племени.

«Князь Игорь поступил бы так же, — решили киевские дружинники. — Днепр получил достойную добычу. Пусть же теперь будет милостив к нам...»

«Поведай, Днепр-батюшка»

Разглядеть будущее

Обычай обращаться к рекам, озерам, родникам за предсказаниями существовал у многих народов мира не одно тысячелетие. Неизмерима власть воды над человеком. Невозможно подсчитать, сколько людей за всю историю умерло от жажды, погибло в наводнениях, утонуло по разным причинам в водоемах планеты.

С глубокой древности человек знал о могучих способностях воды. «Она и камень точит, и горы смывает, и над каждой тварью, деревом, травинкой власть имеет», — говаривали в старину. Реки, моря, озера одушевляли, обожествляли, приписывали им целебные свойства и способность предсказывать будущее.

У восточных славян во время святочных гаданий девушки смотрели в воду, чтобы увидеть суженого-ряженого. Колдуны над водой нашептывали проклятия, чтобы погубить ненавистного человека.

Сохранилось немало свидетельств обращения в старину киевлян к Днепру за предсказаниями. В его водах пытались разглядеть будущие важные и незначительные события. Полет насекомых и птиц над рекой, ледостав, весеннее половодье, волнение или затишье, изменение цвета, появление

каких-то плавающих предметов на поверхности и в глубинах — все происходящее на днепровских просторах предсказатели трактовали как некие знаки грядущих событий.

Святые лики на воде

В Средние века особым благоприятным знамением считалось появление на реке иконы. Было время, когда «состарившиеся», поврежденные, потускневшие святые образа не реставрировали, а «пускали по воде».

Как отмечалось в изданной в XIX столетии книге С.В. Максимова «Нечистая, неведомая, крестная сила», «...вода, находящаяся в реках и озерах, имеющих истоки, безразлично почитается чистою, и притом в такой степени, что исключительно ей одной поручается, например, охранение тех святых икон, которые, за ветхостью, приходят в негодность и теряют изображение ликов. Такие иконы благочестивая ревность не позволяет предавать огню, а обязывает "пускать на воду", не иначе как с краткою молитвою, оправдывающей вынужденный прием».

Подобное нередко случалось и на Днепре. Найденные на его просторах иконы каким-то образом обновлялись, приносили нашедшим людям счастье.

В первой половине XIX века киевский гражданский губернатор Иван Фундуклей писал: «Икона святителя Николая Мокрого — одна из древнейших икон, существующих в Киеве. Она находится на хорах на левой стороне верхних галерей, в придельной церкви сего святителя, и издревле славится чудесами. Первое чудо, происшедшее от нея, относят к временам княжения Всеволода I-го.

Сказание о сем чуде состоит в следующем. Двое супругов из высшего сословия, с своим ребенком ехавшие на лодке по Днепру в Киев, были застигнуты бурей, во время которой, от колебания лодки, младенец был выброшен в реку и утонул; но потом он через несколько дней, у подножия сказанной иконы, найден был живой и невредимый. Один только оставался признак предшествовавшего

го потопления: младенец найден был мокрым, от чего и чудотворная икона получила название Николая Мокрого».

Людей, утонувших, а затем «чудесным образом возвращенных Днепром в прежнюю жизнь» здоровыми и невредимыми, киевляне особо почитали. В Средние и более поздние века предсказатели приглашали их на свои «речные» сеансы гадания. Присутствие «возвращенных Днепром» якобы помогало понять знаки будущего, подаваемые великой рекой.

На то он и вечный

В старину киевские предсказатели часто гадали по полету птиц над Днепром. Особое предпочтение они отдавали «вечному ворону». Жила вещая птица, согласно преданию, на огромном дубе. Одни считали, что это дерево росло на уступе Печерской горы, неподалеку от Аскольдовой могилы, другие полагали — на Замковой горе.

Вечный киевский ворон редко попадался на глаза людям. Но уж если ясновидцы замечали его летящим над Днепром, то возвещали о предстоящих грозных событиях и важных переменах в городе.

Покидала вещая птица свое убежище перед началом войны, мора и голода, крупномасштабных засух и наводнений. Якобы видели вечного ворона над Днепром и в декабре 1240 года, когда монголо-татарское войско razорило город, и в апреле 1986 года, когда произошла трагедия в Чернобыле.

Правда, и в древности, и в наше время предсказаниям о надвигающейся беде верили не многие. Конечно же, семь веков не живет ни одна птица. Но любители мистики считают, что это не относится к киевскому ворону-предсказателю. На то он и вечный.

«По отклику зозули»

«Редкая птица долетит до середины Днепра...» — писал Николай Васильевич Гоголь. Возможно, классик преуве-

личивал ширину великой реки и многие пернатые без труда преодолевают ее. Но вот для кукушки, привычной к коротким перелетам, Днепр действительно серьезная преграда. И если она все же решалась перелететь — это означало приближение лихой години.

С языческих времен славяне приписывали этой птице мистические свойства. Ведь она не вьет гнездо, не высиживает птенцов и откликается на вопросы человека.

Примерно в XVIII столетии один киевский предсказатель даже написал своеобразное пособие — «Гадание по отклику зозули». О волшебных способностях кукушки (по-украински — зозуля) в старину немало было сложено песен, преданий, сказок.

*Прилетела зозуленька — з темного лесочку;
Села, пала, закувала — в зеленом садочку.
Ой як вышла Марусенька — в ней запытати,
Скажи мене: чи довго ще — суженого ждати?
А зозуля кує, кує — коло її двора,
Будеш, мила, ждати тільки — сей день до вечора!..*
(Из украинской песни XVIII века)

Киевские ведьмы во время своих мистерий пили кровь кукушки. Это, как они полагали, позволяло им лучше видеть будущее и распознавать знаки грядущих перемен.

Иногда предсказательницы выходили на берег Днепра и пускали по воде перья кукушки. Затем гадали по тому, как они плыли. Если вода быстро прибывала перышко к берегу — значит, жить человеку, которому гадали, недолго. Если перо кружилось на воде, это означало предстоящие хлопоты и недобрые перемены в судьбе. А когда оно уносилось прямо по течению реки — человеку предстояла долгая жизнь.

«Девятисмерть, не коснись меня!»

В старину у киевлян сорокопуд тоже считался вещей птицей. Величиной он со скворца, имеет небольшие загнутые крылья и крючковатый клюв. В прошлые века украин-

цы называли его девятисмерть. Почему-то считалось, что сорокопуд восемь насекомых убивает и выбрасывает, а съедает лишь свою девятую жертву.

Эту птицу киевляне чаще всего встречали на берегах днепровских притоков. Там вплоть до середины XIX столетия совершались гадания, связанные с сорокопудом. В основном они проводились на речках Старик, Черторой, Почайна.

В 1847 году знаток истории Киева Николай Закревский писал: «От самой древности до наших времен Днепр протекает мимо Киева многими рукавами... между ним и Подолом протекала Почаина. <...> Другой рукав Днепра, теперь называемый Стариком, образующий в четырех верстах выше Подола довольно обширный остров длиною в шесть верст, а шириною в 2,5 версты, по самому названию своему показывает древнее течение Днепра. <...> Третий рукав есть быстротекущая и глубокая Черторья, начинается близ устья Десны, протекает луговую сторону в двух с половиною верстах от Киева и соединяется с Днестром против Аскольдовой могилы. <...>»

Черторья и Днепр образуют остров под названием Труханов. На этом острове заметны следы древнего озера <...> По соседству Черторыи с Лысою горою, можно догадываться о происхождении ее названия».

Сорокопуды устраивали гнезда на деревьях по берегам малых речек. В апрельские дни XVIII–XIX столетий в Киеве часто слышались скрипучие песни самцов этих птиц. Ворожеи предсказывали судьбу, вслушиваясь в их голоса, и предостерегали: «Если встретишь девятисмерть, глядящего в речки Черторыя и Почаина, отступи назад, не оглядываясь, на семь шагов, а потом трижды повтори: минуй меня, девятисмерть, не коснись меня ни взором, ни когтями, ни клювом...»

«Дом «страшного гедя»

Не только птицам, обитающим вблизи Днепра, приписывали в старину волшебные свойства.

О Трухановом острове, расположенном в пределах Киева, упоминается в летописи еще в X веке. В те времена здесь располагалось поселение Ольжищи, которое принадлежало великой княгине Ольге.

Примерно столетие спустя на острове была построена летняя резиденция жены киевского князя Святополка Изяславича. В 1534 году этот живописный участок Киева стал владением Пустынно-Никольского монастыря. А в самом конце XVII века остров был возвращен городу.

В давние времена на Трухановом острове находилось озеро. По-разному называли киевляне этот водоем: «бездонной погибелью», «проклятым оком», «домом страшного деда». Такие устрашающие названия появились якобы из-за огромного сома, обитающего в озере. Как водится, если в преданиях упоминалась эта рыба, то обязательно ей приписывались людоедские качества и прочие жуткие свойства.

Киевляне именовали сома с Труханова острова «страшным дедом». Даже в XIX столетии, когда озеро уже исчезло, этим подводным чудовищем пугали непослушных детей.

Давно известно: чем страшнее реальное или сказочное существо, тем сильнее к нему внимание и интерес людей, тем больше появляется преданий, слухов и небылиц о нем. Если верить легенде, то озерное чудовище не только пожирало все живое, но и предсказывало будущее. Правда, в легенде не говорится, как это совершалось.

За предсказаниями к грозной рыбе приходили и киевские ведьмы, и даже те, кто категорически отрицал любые языческие обряды.

Желающие узнать будущее являлись по ночам на Труханов остров не с пустыми руками. Приносили все, что пожирал сом: лягушек, рыб, птицу, куски свинины и говядины. Люди кидали жертву в темное озеро и приговаривали: «Прими, дед, мое угощенье, не гневайся, если что не так я сделал, подай знак: удача ли ждет меня впереди или беда и кручина».

Если подношение хозяин озера принимал, то всплывал и начинал кружить возле берега. Киевские ворожеи по этим движениям якобы могли предсказывать судьбу.

Но случалось, что «страшному деду» не нравилось угощение или приносящий жертву сам в чем-то провинился — либо перед озером, либо перед обитателями днепровских вод. Тогда вспенивалась озерная гладь, но сом не появлялся на поверхности.

Ворожеи толковали это как недобрый знак и виновному советовали целый год не подходить близко к любому водоему. «Страшный дед» мог утопить его где угодно. Стоило такому человеку оказаться у реки, озера или даже возле колодца, как неведомая сила затягивала его в воду. Каким образом он доставал несчастных вдали от своей обители, неизвестно.

Согласно преданию, это озерное чудище исчезло в самом конце XVIII столетия.

Спор «студиозусов»

Однажды на горе Щекавице во время традиционного майского гулянья студиозусов Киево-Могилянской академии, среди них зашел разговор о страшном обитателе озера — «бездонной погибели».

Самый дерзкий в этой компании Федько вдруг возмутился и закричал товарищам:

— Стыдитесь, братцы! Живете в просвещенный век, а перемалываете пустопорожние бабьи бредни! Мне ли, читающему в подлиннике Вольтера, верить в каких-то сказочных чудовищ!

— Если ты такой просвещенный и смелый, отправляйся на Труханов остров, к «бездонной погибели», да повидайся с его хозяином, — с усмешкой заметил один из студиозусов.

Компания тут же поддержала предложение:

— Покажи себя, Федько!..

— Поглядим, на что вольтерьянцы-вольнодумцы годны!..

— Иной делает кшталт, будто он лыцар, а сам — курополох курополохом!..

Возмутили слова товарищей Федька. Полез на них с кулаками да вдруг передумал затевать драку. Махнул он рукой, лихо сплюнул и заявил компании:

— Завтра же в ночь и отправлюсь на озеро. Войду по пояс в воду и до самого рассвета буду бранить чудище. Выложу всю скверноту, что слышал от пьяных чумаков, шалых бурлаков да от оборванцев и здерщиков из жмыкрутского шинка.

Один из приятелей перебил Федька:

— Если исполнишь это, два дня буду угощать тебя на славу в том самом жмыкрутском шинке!

Хоть и небогатыми были учащиеся Киево-Могилянской академии, а предложение товарища поддержали:

— Я тоже не поскуплюсь на угощение Федька...

— И я не останусь в стороне, — заговорили разгоряченные азартом и выпивкой студизусы.

— Ну, а если Федько окажется брехливым бакаляром, заставим его угощать нас.

На том и порешили. Неизвестно, выполнил бы свое хвастливое обещание Федько, не случись с ним беды.

В день Симона Зилота

Во все времена в компании школяров и студентов находились доносчики. Не обходилась без них и Киево-Могилянская академия. Начальство этого почтенного учебного заведения спокойно отнеслось к пьяному спору и болтовне своих подопечных об озерном чудовище. А вот чтение вольнодумца Вольтера учеником академии вызвало у него крайнее беспокойство. И без всяких проволочек и долгих разбирательств Федько вскоре оказался за воротами *alma mater*, без права поступать туда снова.

Упрямый студизус хоть и был огорошен таким неожиданным поворотом в судьбе, однако обещание свое товарищам решил выполнить.

Вечером 10 мая, в день апостола Симона Зилота, Федько со своими недавними соучениками отправился к озеру — «бездонной гибели». В те времена киевляне особо почитали Симона Зилота. Считалось, что 10 мая земля — именинница, и в этот день нельзя пахать, рыть, сажать деревья, собирать травы и коренья. В старину на Симона

Зилота люди опасались тревожить берега рек и озер и всевозможных обитателей водоемов, произносить в их адрес бранные слова.

Однако именно 10 мая киевские ведьмы и знахарки отправлялись в лес, к рекам, озерам и болотам собирать целебные, приворотные, «пагубные» травы и корни. Верили они, что на Симона Зилота «всяка зелень набирает чудодейственную силу». А обычным жителям Киева ведьмы советовали 10 мая отправляться искать клады или прятать и закапывать свои сокровища.

Компания учеников академии во главе с вольнодумцем-вольтерьянцем, изгнанником из alma mater Федьком, видимо, всерьез не восприняла стародавнее предостережение: не тревожить обитателей водоемов на Симона Зилота. Ночью студиязусы-спорщики добрались до Труханова острова, к озеру — «бездонной погибели».

Загадочное исчезновение

Хлебнул Федько для храбрости горилки из фляги, перекрестился и, несмотря на кромешную темень, уверенно ринулся в зловещую воду.

А приятели его расположились в полсотни шагов от озера. Хоть и отличались студиязусы бравадой, а приближаться побоялись. Улеглись они в густые травы, пустили по кругу фляжку с горилкой и стали выжидать: что произойдет с их товарищем.

Разглядеть его в густой ночи приятели не могли, зато хорошо слышали отборную ругань. Молодые люди стали даже нахваливать своего бывшего соучника:

— Ох, и знатно Федько лается!..

— Шоб тебя удача по кучерям гладила за эти ядреные слова!..

— Никогда таких добрых речей не слыхал!

— И как эта водяная мацапура — урод хвостатый терпит?!

— А жаль, хлопцы, что не будет у нас в академии такого сладкоголосого буяна, как Федько...

Так, в расхваливании приятеля и смакования горилки пролетало ночное время. В небе над Днепром появилась тонкая бирюзовая полоска. Студизусов сморило. Кто-то из них уткнулся головой в траву, а кто-то еще боролся со сном.

Вдруг бодрствующие встрепенулись, а спавшие одновременно подняли головы. Всех насторожила внезапно наступившая предрассветная тишина.

— Что случилось?

— Шо трапилось? — прозвучал на разные голоса один и тот же вопрос.

— Федько замолк...

— Не к добру...

— Может, он выбрался на берег и завалился спать?

Наконец вышли студизусы из оцепенения и стали строить догадки.

— Если так, то он проиграл.

— Гайда, братцы, поглядим, чем там Федько занимается!

— Может, наш джигун испугался чудища и драпанул?..

Студизусы рассмеялись и резво поднялись с мест. Но смех тут же смолк. От озера донесся непонятный гул, затем короткий крик, и наконец раздался грохот, будто взорвали дюжину бочонков с порохом.

От неожиданности веселая компания рухнула в траву. Когда снова наступила тишина, студизусы подняли головы. И увидели они в предрассвете, как над проклятым озером поднимаются клубы дыма.

Лишь когда рассвет заиграл на куполах киевских церквей, молодые люди осмелели и отправились выяснять, что же случилось с их товарищем.

Вышли они к месту, где еще ночью бранился Федько, и остолбенели. Исчезло озеро. В илистой грязи, оставшейся от водоема, судорожно бились рыбешки да ползали раки. Низко над землей, тревожно перекликаясь, суетились птицы. Однако никаких следов своего товарища компания не обнаружила.

— Пропал наш Федько... — прошептал один из студизусов.

— Утянула его нечистая сила, — отозвался другой. — Жаль хлопца...

— Сгинул вместе с чертовым озером! — заявил третий.

— Ему уже ничем не поможешь, а вот нам надо поскорее убираться отсюда, — решили студиозусы.

Спорить никто не стал, и вся компания бросилась прочь от проклятого места.

Странные люди на Трухановом острове

Перевели дух студиозусы, лишь когда ввалились в шинок. Несмотря на ранний час, заказали в долг штоф горилки, затем еще один, и еще.

Как выбрались из питейного заведения, никто из них не помнил. А на следующее утро студиозусы дали друг другу слово: никому о своем ночном приключении не рассказывать. Начальство за подобное по головке не погладит.

Может быть, они и сдержали клятву, да «молва — что днепровская волна: все вынесет на берега». Заговорили киевляне о внезапном исчезновении и проклятого озера, и чудовища, обитавшего в нем, и о пропавшем Федьке...

В современных краеведческих справочниках о Киеве сообщается, что в 1856 году на Трухановом острове была построена паровая мельница, а спустя некоторое время здесь появились здания Днепровского пароходства с мастерскими, яхт-клуб, парк «Эрмитаж» и ресторан «Босфор». Частым посетителем этого ресторана был киевский репортер, будущий известный писатель Александр Иванович Куприн.

В тридцатых годах XX века Труханов остров превратили в парк и городской пляж. Мало кто из современных киевлян слышал об исчезнувшем в конце XVIII века проклятом озере и о его страшном обитателе.

И все же и в наше время иногда появляются в день Симона Зилота на Трухановом острове загадочные люди. Они оставляют засушенную рыбку на том месте, где давным-

давно якобы находилась «бездонная погибель». Кто эти люди и что за странный обряд они совершают?

Любопытствующим они охотно объясняют:

— Пусть другие спорят, существовал или нет легендарный гигантский сом. А мы оставляем подношение на всякий случай: чтобы рыбалка на Днепре всегда была удачной, и никакие беды не подстерегали нас на речных просторах...

Днепровские забавы

Известный в XIX столетии историк, писатель и этнограф Николай Иванович Костомаров вспоминал, как однажды ему вместе с Тарасом Григорьевичем Шевченко пришлось переходить в районе Киева через великую реку: «Пустились мы напрямик по льду через Днепр, а перед тем стояла продолжительная оттепель, и лед местами стал покрываться водою. Было темно, и мы, сбившись с дороги, попали было в полынью, но, к счастью, там была отмель, и мы ограничились тем, что страшно обмокли и прибыли домой, чуть двигаясь от холода. Только молодость и привычка к воздушным переменам, чем отличались мы оба, спасли нас от горячки».

Переходили Днепр по тающему льду Шевченко и Костомаров в силу необходимости. Им надо было поскорее вернуться из городка Бровары. А вот другие совершали подобные переходы совсем по иным причинам. С давних времен у киевлян существовала своеобразная забава: преодолевать великую реку в пору ледохода. Особенно грешили этим молодежь и детвора.

В солнечные весенние дни, когда вскрывалась река, жители Киева толпами собирались на берегу. Яркие цветочные перемены, веселый плеск освободившейся от зимнего гнета воды радовали и завораживали собравшихся. Ну как тут на глазах у сотен радостных и восторженных людей не показать свою удаль и молодечество? И десятки отчаянных голов на спор или просто для показухи кидались на днепровский лед, чтобы добраться до другого берега, а затем вернуться обратно.

Гимназисты и фабричные, студенты и подмастерья, не думая о последствиях, отправлялись в рискованное путешествие. Даже если оно завершалось успешно, удальцов все равно, как правило, ожидало наказание со стороны родителей, начальства, городских властей. Но подбадривание, смех, шутки, восторженные взгляды зрителей все равно побеждали страхи и опасения.

Примерно в середине XIX века у золотой киевской молодежи, особенно среди офицеров, считалось особым шиком и верхом удалства распить на плывущей льдине бутылочку-другую шампанского, мозельвейна или марсала. Совершалось это и в одиночку, и целыми компаниями. «Ледовые гуляки» — так их называли киевляне, — опустошив бутылку вина, демонстративно швыряли ее в Днепр, вызывая гул одобрения и рукоплескания зрителей на берегу.

Нередко забавы на весеннем льду оборачивались бедой. Городские ведьмы и колдуны поговаривали, что каждую весну Днепр собирает с киевлян дань — тринадцать утопленников.

Порой люди проваливались в воду, уходили под лед и гибли совсем близко от берега, на глазах родных и друзей. На помощь попавшим в беду кидались с баграми и веревками, но извлечь из-подо льда бедолаг не всегда удавалось.

А старики и старухи — свидетели трагедии, вздыхая, по многу раз повторяли одну и ту же скорбную фразу: «Днепр продолжает собирать свою дань...»

«Сиреневая примета»

Трудно представить столицу Украины без каштанов, тополей и сирени. Влюбленный в этот город своего детства и юности писатель Константин Паустовский в книге «Повесть о жизни» вспоминал: «Весна в Киеве начиналась с разлива Днепра. Стоило только выйти из города на Владимирскую горку, и тотчас перед глазами распахивалось голубоватое море.

Но, кроме разлива Днепра, в Киеве начинался другой разлив — солнечного сияния, свежести, теплого и душистого ветра.

На Бибиковском бульваре распускались клейкие пирамидальные тополя. Они наполняли окрестные улицы запахом ладана. Каштаны выбрасывали первые листья — прозрачные, измятые, покрытые рыжеватым пухом.

Когда на каштанах расцветали желтые и розовые свечи, весна достигала разгара. Из вековых садов вливались в улицы волны прохлады, сыроватое дыхание молодой травы, шум недавно распутившихся листьев... <...>

Над открытыми настежь окнами кондитерской и кофейни натягивали полосатые тенты от солнца. Сирень, обрызганная водой, стояла на ресторанных столиках. Молодые киевлянки искали в гроздьях сирени цветы из пяти лепестков».

Неизвестно, с каких времен сохранилось поверье, что пятилистник сирени приносит удачу. И сегодня, отыскав его, люди, кто в шутку, кто всерьез, радуются находке и загадывают желания.

И в XVIII, и в XIX столетиях киевляне пускали такие пятилистники по Днепру.

Считалось, чем дольше они будут плыть, тем больше счастливых дней принесут и тому, кто пустил на воду, и тому, кто нашел их на реке.

Издревле в Киеве существовали способы гадания по плодам каштанов. Но в чем они заключаются, даже знатоки старинных тайн не смогли объяснить автору этих строк. Рассказали лишь, что и этот способ как-то связан с Днепром.

Обращения к великой реке

В начале XX столетия журналист А. Сидоренко заявил: «Бьюсь об заклад, не найдется ни одной книги о Киеве, в которой бы не упоминался Днепр». Кажется, спорить с ним никто не стал.

Во все времена литераторы — и коренные жители Киева, и приезжие — обращались к великой реке.

«Да, Днепр уже не тот: нет плотов, снуют «ракеты», «кометы». А были плоты. Еще совсем недавно были. С будками, баграми, развешенным бельем, с лающими собаками, дымящимися над огнем котелками. С них прыгали, под них ныряли. Сейчас их нет. Плотины, шлюзы...» — так с грустью в середине прошлого века вспоминал Днепр времен своей молодости писатель Виктор Платонович Некрасов.

Что ж, у каждого поколения есть свои симпатии к великой реке, воспоминания о ней, любимые уголки на ее берегах, свои песни.

*Принаймні вкупі сумували,
Згадавши той веселий край,
і Дніпр той дужий, крутогорий
і молодэе тэе горе!..
і молодий той грішний рай! —*

писал великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко.

Воспевался Днепр и в XX столетии, и в наше время. Ему посвящались песни, стихи, поэмы, прозаические строки.

Много десятилетий звучит на днепровских берегах созданный Андреем Малышко и Платоном Майбородой «Киевский вальс»:

*Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра,
Молодость наша —
Ты счастья пора!*

Возможно, у киевлян новых поколений появятся свои песни о родном городе. Но и в них наверняка будет упоминаться Днепр. Не зря в старину говорилось: «Не было бы Днепра, не было бы и Киева».

Крест на щеке

*Под солнышком мы ладонь протягиваем,
да голоском елейным просим: «Подайте,
люди добрые... Ослабли мы от наук му-
дреных...»*

*Я как ногенька власть возьмет над горо-
дом, малюем сажеей крест на своих щеках
да из укрома ножи и кистени достаем.
Берегитесь, жмыкруть, не школяры мы
по ногам, а здержики-злогинцы.*

*Сказание киевских школяров
(конец XVIII века)*

Воспоминания паломника

В1701 году старец Леонтий отправился в путеше-
ствие по святым местам. Пролегал его путь от Мо-
сквы на Ближний Восток. Посетил он Иерусалим,
где поклонился Гробу Господню. По дороге палом-
ник Леонтий останавливался в Киеве.

Старец подробно описал свое путешествие.
Особое место в записях он отвел древнему городу
на Днепре: «...мы пристали по берегу града Киева,
тогда пришли караульщики, сотники и стрельцы
и стали нас вопрошати: откуда и что за люди? —
И мы сказали, что Московские жители и едем во
Иерусалим.

— Есть ли де у вас Государев указ? Покажите
де, — без того во град наш не велено пускать.

И мы показали указ, и сотенный прочел указ, отвел нас к стольнику, и стольник також-де указ прочел, послал к бурмистрам, чтобы нам двор отвели, и стали на дворе близ ратуши. <...>

В Киеве монастырей и около Киева зело много и пустынки есть — райские места! Есть где погулять, — везде сады и винограды. <...>

Церквей каменных зело много; строение узорочное; тщательные люди. И много у них чудотворных икон; сердечная вера у них к Богу велика; кабы к такому усердию и простоте — правая вера, — все бы люди святые были!

<...> У митрополита поют пение органистское, еще пуще органов... В Верхнем Городе церковь хороша — Михайла Златоверхова; в той церкви мощи Св. великомученицы Варвары. <...>

В Верхнем Городе живет воевода и полковники и стрелецкие полки; а в Нижнем Городе — все мещане, хохлы, все торговые люди; тут у них и ратуша, и ряды, и всякие торги...

В Верхнем Городе снаряду зело много и хлебного припасу. Около Киева лугами привольно и всячинами, и овощем, и рыбы много, и все недорого. Через Днепр четыре моста живых; с острова на остров мосты велики зело...»

Старец Леонтий не только восторгался киевскими церквями и монастырями и их убранством. Описывал он и беды славного города начала XVIII века. Одна из них — преступность.

«Верхний Град — вал земляной, вельми крепок и высок; а по градской стране все караулы стоят крепкие; по сто сажень караул от караула; и в день и в ночь все полковники ходят, тихонько досматривают — так ли крепок караул; а ночью уснуть не дают: все караул от караула кричат и окликают — а кто идет? — Зело опасно блюдут сей град. <...>

В Киеве школьников очень много, да и воруют много... Когда им кто понадокучит, тогда пришедши ночью, да укошат хозяина, а с двора корову или овцу сволокут; нет на них суда! Скаречно сильно попущено воровать...»

Видимо, здорово досаждали своими преступлениями непутевые школяры жителям и гостям Киева в XVIII сто-

летию. Об этом говорится не только в записях странника Леонтия, но и в других документах того времени.

«Чтобы черт за своих не принял»

Конечно, не все киевские школяры сочетали учебу с ночными разбойничьими похождениями. Костяк банд составляли изгнанные за недостойное поведение, леность, пьянство, непослушание, дерзость...

Николай Закревский писал о трудном положении киевских учащихся в XVII–XVIII веках: «При ректоре Сильвестре Головчиче, с 1673 года, школы открыты по прежнему порядку, ученики стали умножаться; но доходы монастырские были ограничены; много бедных учеников оставалось без вспомоществования; они питались подаванием».

В XVIII столетии школяры-грабители имели свои «схованки», где прятали добычу и оружие. «Схованки» они обустраивали в хатах, нанятых чаще всего на Подоле. Нередко использовали и городские подземелья.

Перед тем как отправиться на «стрибзлочин» (так школяры называли ограбление и разбой), они рисовали сажей крест на щеке, «чтобы черт в темноте за своих не принял».

Оружие школяры подбирали самое разнообразное — ножи, пистолеты, кистени и даже рогатины и ружья.

Если грабители нарывались на караульный отряд, оружие быстро передавали одному из банды, и тот убегал. Остальные заговаривали зубы служивым, жаловались, что ищут угол, где можно переночевать и получить хоть корку хлеба. Но государевых людей не так-то легко было обмануть. И нередко школяры-грабители попадали в острог.

В XVIII столетии он находился на старой Ивановской дороге, неподалеку от Печерских каменных ворот. Деревянное здание острога окружал высокий частокол.

По утрам на Старокиевском вале собирались пострадавшие от преступников жители города. С этого места им было хорошо видны все арестанты, собранные на Острожском дворе для «распознавания». Если кто-то узнавал среди

арестованных своего обидчика, спускался с вала и сообщал тюремному начальству.

Относились к школярам-разбойникам в остроге не так сурово, как к другим преступникам, поскольку грамотных молодых людей тюремные служители нередко использовали в качестве бесплатных писарей.

Из среды бывших киевских школяров выходили личности, весьма авторитетные в криминальных кругах.

Каламар-Кадук

В архиве киевской Академии хранилась (по крайней мере до середины XIX столетия) запись об одном странном и зловещем событии. Произошло оно в 1758 году: «Во время погребения тела умершего ректора Манасии Максимовича в Братской Богоявленской церкви, 5 июля упомянутого года, когда архидиакон над телом, уже перенесенным в склеп, провозгласил: "во блаженном успении вечный покой" — страшный удар грома потряс все здание, и висевшее в церкви серебряное паникадило, под которым за минуту перед сим стоял гроб, растопилось и упало на пол. Многие были оглушены этим ударом и остались с разбитыми членами параличом, а один студент Саевский убит...»

Но в архивном документе не говорится, что после удара молнии в церкви на мгновение наступила тишина. Затем послышался пронзительный смех и визгливый крик: «Каламар-Кадук!.. Каламар-Кадук!.. Он отомстил!»

Большинство присутствующих в храме, если не были парализованы, то находились некоторое время в оцепенении и обморочном состоянии. Несмотря на это, бьющегося в истерике студента вывели из церкви. А он продолжал мотать головой и истошно вопить: «Каламар-Кадук!.. Он всюду найдет!.. Он записал наши имена!..»

В XVIII столетии каламаром называли чернильницу. А вот слово «кадук» в переводе со староукраинского означало беду, несчастье и самого злобного черта. И в Киеве в те времена было весьма распространенным ругательство:

«Кадук тебе в харю! Кадук тебе в ребро! Кадуком шатайся по свету!»

«Будто песню пели»

Как ни пыталось академическое начальство выяснить, что означают странные слова истеричного студента, дознаться не смогли. Хлопец еще какое-то время подергался, покричал, пустил слюни и умолк... Навсегда. Нет, он не умер, но до конца дней своих остался молчуном.

Из академии его выгнали. С утра до вечера бродил бывший студент по Киеву, при этом постоянно озирался, окидывал встречных испуганным взглядом и старался прикрывать ладонями лицо. Иногда молчун вытворял и вовсе несуразное.

В XVIII веке некоторые писари и дьячки, школяры носили особые чернильницы, привязанные к поясу. Завидев подобных людей, бывший студент в ужасе хватался за голову и, завывая от страха, кидался прочь.

Конечно, и жуткий случай в Братской Богоявленской церкви, и непонятное поведение умалишенного молчуна живо обсуждались горожанами. Киев во второй половине XVIII столетия был относительно небольшим городом, и таинственные, тревожные слухи за пару дней облетали все его закоулки, базары, площади, хаты и дворцы.

Славились киевляне своими пересказами страшных былей и небылиц. И не просто проговаривали их, а будто песню пели. Мастерами пересказов являлись и дряхлые деды, и безусые хлопцы, «шановные пани», побирушки-христорадницы, лихие казаки и шустрые торговцы. И каждый норовил слушок перед народом приукрасить, будто выставлял на ярмарке расписной товар.

От киевских «пересказчиков» и повелась знаменитая по всей Украине фраза: «Не любо — не слушай, а другим не мешай!..»

В те времена сохранить тайну в Киеве было все равно, что спрятать вола в стожке.

Вскоре после печального события в Братской Богоявленской церкви народная молва отчасти раскрыла и эту загадку.

«Со мной не пропадешь!»

За несколько лет до рокового случая в Киевской духовной Академии появился новый студент по имени Лукьян, родом откуда-то с Волынской земли. Вначале он проявлял усидчивость и прилежание. Но через какое-то время учеба ему надоела, и сделался Лукьян завсегдатаем киевских шинков.

Праздная жизнь требовала шальных денег. Но где их добыть хлопцу из небогатой семьи? В одном питейном заведении вскоре отыскался советчик.

Подсел как-то раз к студенту непонятный человек. Благостная улыбка, а лицо — в ножевых шрамах, рубаха — в латках, в левом ухе — тяжелая золотая серьга. Ладони кузнеца или кожемяки, а все по столу елозят, будто вот-вот кого-то за горло схватят.

Подмигнул «непонятный» черноглазый шинкарке, и мигом на столе перед студентом оказался полуштоф горилки.

— Ну, чего школяр-бенкетарь, закручинился? Или каламарь твой и глотка пересохла? — весело заговорил он и, не дожидаясь ответа, наполнил чарки. — Гони, хлопец, прочь кручину! Со мной не пропадешь!.. Кликни только: помоги, Ярема! Я тут же и объявлюсь и печаль-тоску разведу!..

Тряхнул головой Ярема и вдруг затянул хриплым голосом так, что умолкли все посетители шинка:

*Журба мене сушит, Журба мене валит;
Да вже вона, пресучая, скоро из ног звалит.
А вжеж той Журбе я поддаюся,
Пойду до шинкарки, горилки напьюся.
Чомусь мене, брате, горилка не пьється,
Журба коло серця, як гадина вьється.*

Ярема прервал пение и ткнул пальцем в грудь Лукьяна:

— А знаешь, каламар, кто сложил эту песню?

Студент замотал головой:

— Никогда не слышал ее...

Ярема тут же пояснил:

— А сложил ее славный запорожец — гетман Карпо Полтора-Кожуха. А случилось это больше сотни лет назад. Возвращался гетман из похода на крымчаков да помер прямо в степи, то ли отравы сгубила, то ли горилка. Негде было взять гроб, вот и похоронили казаки своего гетмана в бочке из-под горилки. Что любил при жизни Полтора-Кожуха, с тем и ушел на тот свет. Говорили старые казаки: мог Карпо перед сечей полтора штофа горилки выпить, но ни разу его сабля не промахнулась. Что ни взмах — то долой вражья голова!.. Уразумел, каламар — бурсачья душа, какие славные гетманы и атаманы жили?

Ничего не ответил Лукьян, но как-то сразу поверил новому знакомому.

Выпили они по чарке, по другой, а после третьей Ярема предложил:

— Вид у тебя справный, бурсацкий — на любой порог пустят. Будешь ходить по домам и предлагать хозяевам составлять важные бумаги да письма для них сочинять. А коль откажут — не беда. Главное — успеть высмотреть, где какое добро лежит, крепок ли хозяин и нет ли у него ружья и сабли. Запомнишь и мне шепнешь. Уразумел, каламар?

Понял сразу Лукьян, в какие грехи его впутывают, но согласился. Так студент оказался в шайке Яремы. В отличие от академической науки, разбойничья ему давалась гораздо успешней. Вскоре у Лукьяна появились деньги. Несколько раз он порывался уйти из надоевшей *alma mater*, но Ярема противился.

— Утрапишь бурсацкий вид — жмыкрыты на порог перестанут пускать, — объяснял атаман. — Народ пошел подозрительный — в каждом встречном душегуба и разбойника видит. Так что тyani, каламар, свою бурсацкую лямку на пользу нашему делу.

Хоть и трудно было совмещать студенческую жизнь с вольготной — разбойничьей, но кое-как Лукьяну удавалось это делать. Правда, несколько раз его вызывал к себе ректор академии и грозил исключением за неуспеваемость и прогулы.

«Кривобокая хата»

Однажды по заданию Яремы отправился Лукьян в богатый дом на берегу Почайны. В те времена Почайна еще гордо называлась рекой. Киевский старожил, археолог М.Ф. Берлинский отмечал, что в начале XVIII века она была довольно глубока и протекала у самого Киево-Подолы, «...отделяясь от Днепра узкою земляною косою, и с оным ниже Хрещатика соединялась во время весеннего наводнения...»

Берлинский писал, что до 1712 года «...приходившие из Десны от Брянска барки с казенными припасами заходили на зимовье, для предохранения от льдин, вверх оной Почайны, и причаливались к деревянным клетям, сделанным для укрепления берегов. <...> Для сокращения пути <...> прокопан был при повороте Днепра, прямо к Притыке, канал, куда скоро все течение реки устремилось, и со временем Днепр, так сказать, поглотил всю Почайну, срезав слабую земляную бывшую между ими преграду. <...>

Днепр стал протекать у самого Подолы и безпрестанным в весеннее наводнение отмытием берегов весьма приметно умалил сию часть города. Считают около 300 домов убылых. За тем след Почайны остался только в ее вершине, а бывшее устье ограничивается еще островком, оставшимся против Хрещатицкого оврага...»

Один из сохранившихся от половодья домов принадлежал купчихе Марусе. Но жители Киева называли ее «Пятимара». В те времена слово «мары» означало носилки для мертвецов. Ходила по городу молва, что купчиха пережила пятерых мужей, оттого и пошло прозвище. Как и хозяйку, недобрая слава окутывала дом.

«Кривобокая хата», «Червячий закуток», «Зашел и пропал» — так называли киевляне жилище Пятимары на берегу Почайны. Лукьян, конечно, слышал нелестные отзывы об этом доме и его хозяйке.

Даже сорвиголова Ярема предостерегал студента:

— Надо бы хату Пятимары за версту обходить — пропадают там неведомым образом люди. Да уж больно много в ее подвалах золота, серебра и драгоценных камней! Сидит на том богатстве старая карга — сама не пользуется добром и с другими не делится. Несправедливо это...

— Да как бы мне самому в той проклятой хате не пропасть! — высказал сомнение Лукьян. — А ну как порчу наведет Пятимара или еще каким способом меня погубит. Рассказывали хлопцы о ее злодействах-чародействах.

— Есть давняя казацкая защита от всякой неведомой напасти, недобрых чар и даже от взора сатаны... — Лицо Яремы сделалось серьезным. — Ты, каламар, в своей академии многому обучился и, небось, в древние народные приметы и обереги не очень-то веришь.

Лукьян усмехнулся и пожал плечами:

— Во многое теперь, может, и не верю, да все давнее отметать не собираюсь. Если есть защита от злых чар и прочей напасти, — воспользуюсь, не откажусь.

Ярема подался вперед и зашептал на ухо Лукьяну:

— Убей черного коршуна. Когти его привяжи себе к ногам просмоленной ниткой, крылья — к рукам, а голову с открытым клювом повесь на шею, только не спереди, а сзади. И не забывай: в хате Пятимары дулю не разжимать на левой руке!

Хотел Лукьян посмеяться над суевериями и дедовскими способами защиты от злых чар, но сдержался. Подмигнул атаману и заявил:

— Все исполню, как ты сказал. Но из оберегов мне ближе добытый у ляхов нож золингенский...

Недобрые мысли и славная вишневка

Через несколько дней Лукьян отправился на берег Почайны, в дом, овеянный недобрыми слухами.

Дверь открыла сама хозяйка. Не успел студент предложить свои писарские услуги, как Пятимара хитро улыбнулась и замахала рукой:

— Заходи, заходи, дьяк-молодик! Будет для тебя и работа, и хорошая оплата за труд!

Удивился Лукьян: не в каждом доме его так душевно встречали и обещали щедро вознаградить. Переступил он порог и стал украдкой осматриваться: где же загадочная Пятимара прячет свое добро? Неужто эта «кривобоклая хата» набита золотом, серебром и драгоценными камнями?..

Но, видимо, его заинтересованные взгляды не ускользнули от прозорливой старухи. Улыбка ее стала еще хитрее.

— Садись, отдохни, дьяк-молодик, да наливочки вишневой отведай. Славная у меня вишневка!.. А я пока приготовлю бумаги, с которых копии надобно снять, — предложила Пятимара и указала на лавку за длинным дубовым столом.

И не было в ее голосе ничего зловещего, настораживающего.

«Может, брешут всё об этой старухе? — подумал Лукьян. — И чего только не услышишь в Киеве!..»

Он кивнул хозяйке и уселся за стол. Пятимара тут же удалилась. А студент продолжил разглядывать горницу и размышлять: «Если и есть у старой ведьмы золото и серебро, — здесь она прятать не будет. Скорее всего, в погребе схрон оборудовала. Ну, да Ярема все равно дознается, где скрыто ее добро. Начнет пытать — Пятимара ему сама расскажет. Главное — войти в доверие к старухе, чтобы она не побоялась на ночь глядя в дом пустить. А уж следом и Ярема с подручными ворвется...»

Недобрые мысли прервала хозяйка. Не вошла, а будто проскользнула — ни одна половица не скрипнула. Поставила на стол бутылку вишневки и серебряную чарочку и подмигнула гостю.

— Отведай моей наливочки, глядишь, и душа, и мысли посветлеют! — Пятимара пронзительно взглянула на гостя.

Голос ее вдруг сделался хриплым, грубоватым.

— Да выбрось из головы все, что на Подоле обо мне брешут. И мысли недобрые прочь — прочь гони, — хозяйка шутиливо и многозначительно погрозила пальцем.

Лукьян вздрогнул. Неужели догадалась ведьма? Однако взгляд он не отвел и даже выдавил в ответ улыбку.

— Да какие же недобрые мысли могут затаиться против такой доброй хозяйки?.. Так радушно приняла меня...

Он хотел было еще что-то добавить, но старуха перебила:

— Нечего соловьем разливаться!.. Пей, дяк-молодик, а я схожу за бумагами.

Только Лукьян опустошил первую чарочку да стал вторую смаковать, как снова бесшумной кошкой появилась хозяйка. В руках у нее был дорогой ларец из красного дерева.

— Вот здесь документы. От мужа достались. Снимешь мне с них копии, а то на днях судиться-рядиться с его родичами предстоит насчет наследства, — пояснила старуха и поинтересовалась: — До завтрашней ночи управишься?

Лукьян извлек бумаги из ларца, бегло оглядел и уверенно кивнул:

— Управляюсь!..

— Коли перья, чернила и бумаги при себе имеешь, можешь приступить, — распорядилась хозяйка и принялась зажигать свечи.

Лукьян взглянул на них и удивился:

— А отчего они у вас все черного цвета?

— Такие привезли из Галиции! — поспешно ответила старуха и отвела взгляд.

— Зачем из такой дали везти свечи, когда их и в Киеве предостаточно изготавливают? — Лукьян недоуменно покосился на хозяйку.

Но та лишь молча пожала плечами и продолжила свое занятие. Когда зажгла шестую свечу, степенно удалилась.

Размышлять над странным поведением старухи Лукьян не стал: пора было браться за дело. Выложил он на стол пучок заточенных гусиных перьев, переносную чернильницу, флакон с песком, листки чистой бумаги и приступил к работе.

Не успел переписать и пары страниц, как захотелось ему еще отведать вишневки.

И впрямь — славная наливка у этой Пятимары! Сроду такой не пробовал. «Вот чертова баба, и чего она добавляет туда? — подумал Лукьян и усмехнулся. — Надо сказать Яреме — пусть выведает и этот секрет старой ведьмы перед тем, как ее задушит...»

Внезапно студент почувствовал приятную усталость, перед глазами поплыли яркие пятна, а перо выпало из пальцев. Лукьян несколько раз зевнул, отодвинул в сторону бумаги и перья, попробовал взбодриться, но не смог: глаза помимо воли закрылись.

«Все равно Пятимаре уже не понадобятся копии», — успокоил себя Лукьян. С этой мыслью он положил голову на стол...

Кровь «ругого черта»

Но спать в этом доме ему было не суждено. Дремоту прогнал тихий дребезжащий смех. Сердце студента встрепенулось и застучало все быстрее, быстрее, будто предупреждая об опасности.

Лукьян открыл глаза, но поднять голову почему-то не смог. В нескольких шагах от него стояла хозяйка дома. Смолк ее неприятный смех. Начертила она в воздухе указательным пальцем непонятный знак и прошептала:

— Слушай... Слушай, бакаляр...

Двумя пальцами другой руки Пятимара держала золотую цепочку со сверкающей монетой. Монета раскачивалась из стороны в сторону и завораживала, не давая отвести от нее взгляд.

В наступившей тишине зазвучал чей-то мужской голос.

— Кто здесь?.. Кто это говорит? — Лукьян, наконец, с трудом поднял голову и опасливо огляделся.

Никого!.. В горнице по-прежнему — только он да Пятимара.

— Ну, а завтра Ярема развяжет язык старой ведьме... И укажет она, где хранит серебро, и золото, и драгоценные камни... — продолжал свою речь невидимый человек.

Что-то знакомое почудилось Лукьяну в этих словах. Он вопросительно взглянул на хозяйку, а та снова затряслась от смеха.

— Ой, умора!.. Неужто бакаляр замурзанный не узнал свой голос и свои мысли?!

Вздрыгнул студент: и в самом деле слышалось то, что он думал в этом проклятом доме. Будто поймала ведьма в плен его мысли, а теперь выпустила на волю да еще заставила их звучать... Лукьян поежился от страха: как может быть такое?

Пятимара укоризненно покачала головой:

— А я-то тебя приветила, с добрыми помыслами дверь отворила. А ты заявился с головой, когтями и крыльями черного коршуна. Да еще дулю сжимаешь под столом! Поглядим, бакаляр, как это все тебе поможет.

Хозяйка спрятала золотую цепочку с завораживающей монетой и опять указательным пальцем начертила в воздухе какой-то знак. И тут же незримая сила сорвала с места Лукьяна. Вначале она подбросила его к потолку, а потом закружила по горнице.

А Пятимара тем временем стала хлопать в ладоши и приговаривать:

— Лети-лети, бакаляр, черным коршуном, да не обломай крылья о стены! Крутись-вертись, каламар-кадук, да не сверни себе шею! Ну-ка, разожми дулю, а то пальцы на всю жизнь останутся скрюченными — и ни одна девка не захочет с тобой обниматься!

Пытался Лукьян за что-нибудь ухватиться и прекратить свой немыслимый полет, но это ему никак не удавалось. Руки и ноги не желали повиноваться.

Наконец не выдержал студент и заголосил:

— Ой, останови меня, хозяйшук! Прости бедолашного! Ничего не хотел тебе плохого! Лихие люди сбили с толку!

Усмехнулась Пятимара:

— А не ты ли с дружкой своим Яремой собирался завладеть моим золотом, а меня, бедную, удавить?

Еще больше испугался Лукьян: все знает старая ведьма! И студент завопил еще громче:

— Каюсь, хозяйшка! Перестану водиться с лиходеями-душегубами!.. Всю жизнь буду замаливать свой грех!.. Только отпусти с миром!..

— Каяться и молиться тебе не придется, — все так же, с усмешкой, ответила Пятимара и приказала: — Хватит баскаться и голосить! Молчи и слушай, бакаляр заполоханный!

В то же мгновение прервался полет Лукьяна, и он больно грохнулся на пол, у ног ведьмы.

— Уйти от меня с миром — не надейся. Слишком тяжелое ты задумал... А по твоей задумке будет и достойная расплата. Острог, плети, вечное нищенство, неизлечимые хвори — больно легкое наказание для тебя.

Пятимара сделала многозначительную паузу.

— Ну, говори, хозяйшка, только не губи! — взмолился Лукьян. — Как мне жить дальше? Все исполню!..

— Отныне будешь ты моим мстителем, — насладившись испугом и унижением гостя, наконец произнесла ведьма. — Хоть за сотни верст из Киева сбежишь, а все равно шепот мой услышишь. Зазвучит он для тебя за самыми дальними лесами, самыми высокими горами, самыми глубокими морями. Произнесу имя человека, а ты запишешь, и помрет он вскоре. А смерть его на тебе повиснет.

Лукьян перевел дыхание и даже вздохнул с облегчением:

— Только и всего?! Неужто смерть явится к человеку оттого, что я запишу его имя?..

— Смотря чем писать, — перебила Пятимара и указала на чернильницу. — Теперь в ней будет только кровь рудого черта. И как бы ты ни старался, неблагодарный бакаляр, не сможешь избавиться от этой крови.

Снова Лукьяна охватил страх. Доводилось ему слышать от стариков историю о рудом черте.

«Не поминай на ночь куцего»

Когда-то орудовала в окрестностях Киева шайка во главе с атаманом то ли Мазуренко, то ли Мазурко. Но в воровском мире того предводителя разбойников величали «Хапкий Луп», что означало «быстрая добыча». Славился

он не только успешными грабежами, но и везением в карточной игре.

Иногда выбирался из лесных дебрей Хапкий Луп повеселиться в киевские притоны и шинки, пошататься по базарам, погулять с покладистыми девками. Умел атаман определять наметанным глазом людей с деньгами и втягивать их в игру.

В те времена карты еще не были так популярны на Украине, как в XIX и XX веках. Глядели разбойники на своего азартного предводителя и удивлялись: зачем терять время на пустую забаву? Нашел денежного человека, заманил его в глухое местечко — и ножом по горлу. И не надо ночь напролет корпеть над картами да еще рисковать. Ведь Хапкий Луп всегда отдавал проигранное.

Но отговорить атамана было невозможно — так же, как и уклониться от его предложения сыграть. Известно: удача может любому вскружить голову и заманить в беду.

Однажды, изрядно выпив, стал Хапкий Луп хвастаться перед своими хлопцами:

— Если надо, я и черта за стол с картами усажу и обыграю!.. И не помогут куцему-рогатому все его бисовы ухищрения. Продует он мне и хвост, и копыта свои!..

— Ой, батько-атаман, не поминай на ночь куцего, — осторожно посоветовал кто-то из разбойников.

Но поздно...

Слова захмелевшего Хапкого Лупа, на его беду, попали в цель. Не зря на киевщине в старину говаривали: «Не думай, как черта позвать, думай, как от него отвязаться».

И Всполошились разбойники

Появилась нечисть так внезапно, что атаман и его хлопцы рты разинули, а ничего вымолвить не могли.

— Хотел со мной сыграть? Тогда нечего тратить время попусту! — нагло заявил черт и уселся за стол.

Поспешно перекрестились разбойники и молитвы стали нашептывать, а нечистая сила и глазом не моргнула — будто это его не касалось.

— Слышал я, что больно ты удачливый, атаман, когда играешь на всякие сверкающие цацки и прочую дребедень, — ухмыльнулся черт и ехидно поинтересовался: — А не побоишься со мной сыграть кое на что посерьезней?

Опомнился наконец Хапкий Луп и гордо заявил:

— Мне ли бояться! Хоть тысячу своих окаянных собратьев вызывай на подмогу — не дрогнет моя рука, и слово останется неизменным. Заявляю, и мои хлопцы тому порука: готов играть с тобой на все, что пожелаешь. Только на крест нательный, на коня и саблю мои не зарься.

— Больно они нужны мне! — черт засмеялся и презрительно сплюнул на пол.

И тут же его плевок превратился в золотую монету.

— Видал, верховода голов забубенных, что для меня значит золото? Я его вмиг сотворю — и на самого резвого коня, и на богатейшей отделки саблю. Ну, а от крестов я всегда подальше держусь... Даешь, атаман, слово при свидетелях, что не испугаешься играть со мной?

Тут уж Хапкий Луп разъярился. С досады сорвал с себя шапку и что есть мочи на пол швырнул:

— Принимаю любое условие, нечисть окаянная!..

— Играем два раза. Двойка — наше любимое число, — деловито заявил черт.

— Согласен, — кивнул Хапкий Луп.

— Может получится так, что один раз ты проиграешь, другой раз — я, — продолжил черт. — И тогда каждому из нас придется нести свое тяжкое бремя.

Не на шутку всполошились разбойники, стали нашептывать атаману:

— Откажись, батько...

— Не погуби себя и нас...

— Задумал куцехвостый какую-то пакость, из которой не вывернуться...

— Отринь его лукавство...

Грохнул по столу кулаком Хапкий Луп и рывкнул в ответ шептунам:

— Молчать! Забыли, джигуны, олухи, что я всегда слово свое держу и отдаю карточные долги?!

Взглянул атаман прямо черту в глаза и приказал:

— Объявляй условие!

Тот, улыбаясь, оскалил клыки и заявил:

— Если я проиграю, то меняю свою масть — становлюсь рудым чертом.

— Как это понять? — поинтересовался Хапкий Луп.

— Делаюсь изгоем, чужим среди своих, вором и разбойником, — охотно пояснил черт и после паузы добавил: — Ну а твой удел, атаман, в случае проигрыша — идти в ярыги...

Всякое слышали на своем веку разбойники. Но такого!..

Одни тут же выхватили ножи и кистени, другие бухнулись на колени и стали креститься, третьи принялись ругаться:

— Чтобы наш батько-атаман в сыщики подался?!

— Чтобы он, как паскудный ярыга, на братьев своих доносил и замыкал их в острогах?!

— Да по нашенским понятиям, мы такого перевертыша — ярыгу на ножах должны поднять, а потом — порвать на куски!..

Заскрипел зубами Хапкий Луп и едва слышно процедил:

— Поздно отказываться... Играем...

Поняли разбойники: их ропот добром не кончится. Смолкли, сникли удалые хлопцы. Лишь понурыми взглядами ловили каждое движение карт в руках игроков, да воровато косились на золотую монету, что по-прежнему на полу валялась.

Чертова ничья

Не отнять у нечистой силы ни прозорливости, ни упрямства. Если втемяшилось что-то в бесову башку, обязательно исполнит, даже себе во вред.

В первой игре победил атаман, а во второй — посланник сатаны.

В общем — «чертова ничья»...

Неловко поднялся из-за стола побледневший Хапкий Луп и, не глядя в глаза товарищам, заявил:

— Лучше удавлюсь или — в Днепр с кручи... Ну а с ярыгами-перевертнями сами, братцы, знаете, как поступать, — махнул атаман обреченно рукой и, не прощаясь, ушел.

Куда? О том оставалось лишь строить догадки.

Следом за Хапким Лупом поднялся и черт. Один глаз его смотрел на людей дерзко и насмешливо, другой — то-скливо.

— Прощайте, забубенные головы. Поднимите с пола мой золотой да залейте печаль свою. Не забывайте меня. Может, на ночных дорожках или в темных закоулках когда-нибудь свидимся... — Сказал — и будто растаял в воздухе.

Еще долго потом спорили и судачили разбойники, пропивая увесистый чертов золотой. А что дальше делать — искать ли по городу своего атамана или убираться из Киева, — так и не решили.

Кара отступникам

Вскоре по Киеву прокатилась волна убийств. С перерезанным горлом находили и богатых купцов, и нищих попрошаек, чиновников и ремесленников, солдат и аристократов.

Кто совершал эти злодеяния, досужие горожане поняли сразу: «Рудой черт куролесит!..» Догадаться-то догадались, а вот противостоять этой вражьей силе не смогли. Шли по Киеву обыски и аресты — но разве просто справиться с нечистью?

Поговаривали также обыватели, что появился в городе новый ярыга, который знает всех разбойников и воров, их схроны и тайные притоны. Многих упрятал в острог тот сыщик, а сам остается неуловимым для преступников и ловко избегает их мести.

Неизвестно, как долго продолжались бесчинства «рудого убийцы» и неукротимого ярыги. Видимо, они обозлили киевских ведьм. Посовещались чародейки и громогласно объявили: «Конец чертовой ничьей!..»

Мало кто понял значение этих слов. Все стало ясно, когда Киев облетела весть: неуловимого для разбойников,

удачливого ярыгу нашли повешенным на осине. То ли сам удавился, то ли бывшие дружки постарались. Такая же участь вскоре постигла и рудого черта.

В городе прекратились загадочные убийства. Но еще долго киевляне многозначительно повторяли одни и те же фразы: «Конец чертовой ничьей», «Настигла кара и бывшего разбойника Хапкого Лупа и рудого черта», «И лихие злодеи, и нечистая сила не любят отступников...»

Все были убеждены: рудого черта за то, что занялся не своим делом, казнили его бывшие собратья. Подвесили отступника в глухом лесу, но, в отличие от Хапкого Лупа, — не за шею, а за ноги. Да еще отсекали голову. Может, в те времена так было принято у нечистой силы расправляться с отступниками?

Киевские ведьмы оказались весьма хозяйственными особами. Явились они туда, где казнили рудого черта, и собрали его кровь. А потом использовали ее в своих зловещих обрядах, в колдовстве, в изготовлении ядов.

Исчезновение Яремы

Ошарашенный новым поворотом в своей жизни, Лукьян кое-как добрался до шинка, где его поджидал Ярема.

— Гэй, каламар-кадук, ты чего такой понурый? — весело крикнул ему атаман. — Неужто старая ведьма на порог не пустила? Где ж ты тогда пропадал?

— И в дом впустила, и работу дала, — поспешно ответил студент, не глядя на Ярему. — Она завтра к вечеру ждет меня.

— Ну, так не журись, писарская душа. Прими чарку за наш фарт: пусть золото и серебро Пятимары у нас окажется!..

Хлебнул Лукьян горилки, но легче на душе не стало. Казалось ему, будто неотступно слышит он шепот ведьмы: «...Будешь ты моим мстителем... Запишешь кровью рудого черта имя указанного мною человека — и помрет он...»

— Э-э, совсем раскис каламар... — Атаман подсел поближе к Лукьяну и пристально посмотрел в глаза. — Уж не околдовала ли тебя старая ведьма? Признавайся!..

Говорил Ярема весело, а во взгляде его чувствовались настороженность и подозрение.

— Смотри, каламар, если задумал недоброе против меня или тайком отскок совершить... — Атаман многозначительно похлопал ладонью по торчащей из-за пояса рукоятке ножа. — Словом, знаешь, что будет. И даже кляксы чернильной от тебя не останутся!

— Напрасны такие речи, не предам я тебя и дело наше, — заверил Лукьян, а самого злоба и обида захлестнули. И, по-прежнему не поднимая глаз на атамана, подумал: «Ишь ты как угрожает, будто своему холопу. А ну как напишу твое имя кровью рудого черта?..»

От этой мысли студент усмехнулся и протянул руку за чаркой.

А на следующее утро, уединившись, Лукьян совершил задуманное. Обмакнул в чернильницу перо и старательно вывел на бумаге: «Разбойник и душегуб Ярема».

Написал и принялся разглядывать чернила. Всего лишь чуть красноватый оттенок отличал их от обычных.

Довольный, Лукьян сложил бумагу, сунул ее за пазуху.

— Прощай, атаман!..

Вечером, как и договаривались, он привел Ярему к дому Пятимары. Не успел постучать, как дверь отворилась.

— Так ты не один? Ну и для приятеля твоего найдется и место в доме, и чарка вишневки, — радушно проговорила хозяйка. — Заходите, хлопцы...

Что было потом, Лукьян не хотел вспоминать.

Снова — сверкающая монета на цепочке... Сон... Страшные видения...

Очнулся он за столом в горнице Пятимары. За окном — темнота, а на душе — светло и радостно, будто исполнилось заветное желание. И хозяйка смотрела весело: вот-вот рассмеется от счастья.

— Где Ярема? — спросил Лукьян, хоть и догадывался, какой последует ответ.

Пятимара всплеснула руками:

— Будто сам не знаешь... Не ты ли написал его имя кровью рудого черта? Сгинул атаман, и пылинки от него не осталось...

Конец учебе

В приподнятом настроении вернулся Лукьян в академию. Первым встретился студент Микола Саевский.

— И где тебя носит? — сразу накинулся он. — Ступай немедленно к господину ректору.

— Вызывал? — нахмурился Лукьян.

— Да уже трижды за тобой посылал, — ответил Саевский и усмехнулся. — Ох, видать, и достанется тебе за прогулы.

— Это мы еще поглядим, Микола, кому что достанется, — пробурчал Лукьян и отправился к ректору.

Такого разноса начальство ему еще не устраивало. Всегда спокойный и доброжелательный к студентам, руководитель академии Максимович на этот раз едва сдерживал ярость.

— Мало того, что ты прогуливаешь занятия, дерзишь старшим, так еще связался с дурной компанией! — возмущался ректор. — Шляешься по шинкам, с непотребными девками водишься, а теперь и к ведьме стал наведываться! Может, и душу уже продал дьяволу?! Ступай прочь и кайся, негодный, а завтра будет подписан приказ о твоём исключении из академии!..

Случись подобный разнос днем раньше, Лукьян бы упал на колени и слезно молил Максимовича о прощении. Но теперь слова ректора лишь насмешили его.

— Хватит базикать, старый дурень! — наконец не сдержался Лукьян. — Посмотрим, проживешь ли ты до завтрашнего дня!..

Такой дерзости Максимович никак не ожидал. У него перехватило дыхание, и он не смог дать достойную отповедь. Рука потянулась за подсвечником, но швырнуть его в ухмыляющуюся физиономию нечестивца он уже не смог. Схватился ректор за сердце и повалился навзничь.

Лукьян лишь пожал плечами и вышел из кабинета.

По дороге ему снова повстречался сгорающий от любопытства Саевский.

— Ну как? Здорово влетело?

— За что? — наигранно удивился Лукьян.

Саевский слегка опешил и растерянно пролепетал:

— Ну, как же... За прогулы... За непотребные связи со всякими нечестивцами и бесстыжими...

Лукьян расхохотался:

— Да ты спятил, Микола! Господин ректор благословлял меня в дальнюю дорогу и по-отечески наставлял, как на новом месте себя вести...

— Какое новое место?..

— Ты разве не слыхал? Из Петербурга пришло высочайшее повеление. Меня назначают главным писарем самого графа Разумовского, — едва сдерживая смех, пояснил Лукьян. — Так что конец моей учебе в этих стенах!..

Саевский ахнул и застыл с открытым ртом. Неизвестно, сколько бы он находился в таком положении.

Внезапно Лукьян схватил его за плечи и потряхнул:

— А теперь слушай внимательно, гнида! Знаю, как ты по моим следам ходил, все вынюхивал, а потом ректору докладывал! Запомни, курополох, стоит мне нацарапать на бумаге твое имя — и нет тебя! Сгинешь, в пыль превратишься!..

Саевский начал что-то лепетать в свое оправдание, но Лукьян не стал слушать, лишь со злостью прошипел:

— Нацарапаю имя — и конец любому!..

С этими словами он развернулся и отправился прочь.

Страшный список

Наверное, кто-то из студентов подглядел эту сцену, и к вечеру о странной угрозе Лукьяна шептались по всем углам академии. Сам Саевский отмалчивался и от страха не желал вспоминать о случившемся.

А на следующий день скончался ректор. Страшное событие лишь усилило тревогу студентов. Но академическое начальство запретило всяческие разговоры о связях Лукьяна с нечистой силой.

И наконец 5 июля 1758 года в церкви произошла трагедия, о которой упоминалось в начале рассказа.

К тому времени Лукьян, ни с кем не прощаясь, покинул академию. Одни поговаривали, будто поселился он где-то под Киевом, в лесной глуши, другие — что в доме Пятимары, третьи утверждали, что обосновался бывший студент в разбойничьем притоне на окраине города.

Но где бы Лукьян ни обитал, несколько месяцев он держал киевлян в страхе. Воры и служители закона, монахи и торговцы, благочестивые люди и спутавшиеся с нечистью боялись попасть в страшный «лукьяновский список».

Известное дело: боязнь порождает ненависть. Бывшего студента, прозванного Каламаром-Кадуком, искали и в городе, и в окрестностях. Безуспешно. Видимо, творимое им зло понравилось бесовым слугам, и они всячески оберегали его.

Частенько в те времена убийства в Киеве приписывали Каламару-Кадуку. Трудно было разобраться, он ли на самом деле виноват или кровавые преступления совершали другие.

На штурм «кривобокой хаты»

В киевских шинках и воровских притонах вдруг пошла молва, будто Ярема еще жив и его держат, как пса, на цепи в подвале дома Пятимары. Кто-то даже уверял, что слышал любимую песню атамана и узнал голос его:

*Чомусь мене, брате, горилка не пьється,
Журба коло серця, як гадина, вьється...*

Вот только совсем тоскливо и обреченно звучала песня Яремы.

Однажды неподалеку от Крещатика нашли студента с перерезанным горлом. На щеках покойного — нарисованные сажей кресты, в руке — нож. Видимо, не успел защититься. В убитом опознали бывшего соученика Лукьяна. И снова пошли разговоры о страшных злодеяниях Каламара-Кадука.

«Пора кончать с чертовыми прислужниками!» — порешили и профессиональные воры, и меченные крестами

студенты. Но кто осмелится на такое? Наконец нашлись среди них отчаянные хлопцы. Подогрели они себя горилкой и отправились ночью к дому Пятимары. По дороге подбадривали друг друга:

— Спалим дотла ведьмину хату!

— А ее и скаженного Каламара-Кадука на ножах поднимем!

— На костре сожжем!..

— В Днепре утопим!..

— Да еще осиновыми кольями проткнем!

Так громогласно рассуждая, шагали по ночному Киеву удалые хлопцы — ненавистники нечистой силы. Но когда они подошли к проклятому дому, от Днепра стал наплывать туман, да такой густой, что заглушил все звуки, а ладонь вытянутой руки, даже при свете факелов, сделалась невидимой.

И зазвучали тревожно голоса ночных удалыцов:

— Эй, Грицько, ты где?..

— Да туточки я...

— А Микола куда подевался?..

— Та рядом я, только выронил кресало... Не могу найти...

— Как же мы проклятую хату теперь отыщем?

— Да три шага до нее осталось. Мимо не пройдем.

— Петро, ты чего погасил факел?

— Он сам погас...

Внезапно совсем рядом послышалась песня: «Журба мене сушит, журба мене валит...».

— Хлопцы, да это же голос Яремы! — радостно воскликнул один из борцов с нечистой силой.

Тут же ему отозвались другие.

— Я нащупал дверь проклятой хаты!

— Я тоже...

— Вот оно — ведьмино обиталище!

— Не открывается, зараза!

— Высаживаем!..

— Ну-ка, с разгону, хлопцы!..

Вся ватага отступила на несколько шагов и стремительно ринулась на неподдающуюся дверь. Но удара не последовало: на пути не оказалось никаких преград.

Куда же подевалась проклятая хата?..

Этот вопрос уже никто из хлопцев не смог задать. Уда-
лые головы летели неизвестно куда в крошечном мраке
и тишине.

Вечный, невозвратный полет...

Унесет вода беды

Утром киевляне, знавшие о готовящейся расправе,
надеялись увидеть на месте дома Пятимары пепелище или ру-
ины, однако ее обитель стояла как ни в чем не бывало.

Пригорюнились и матерые воры, и студенты-разбойники.
Слетались они в шинок «Задорный жеребец» — то ли совет
держать, то ли помянуть исчезнувших товарищей.

— Что же дальше делать, братцы?!

— Неужто не сладить нам с нечистой силой?..

— Сколько славных хлопцев в одну ночь сгнуло или
невесть куда подевалось... — звучали в тот вечер печальные
голоса.

Общую растерянность и грусть прервал новый посети-
тель «Задорного жеребца».

Завалился в шинок известный киевский забулдыга и за-
орал с порога:

— Не кручиньтесь, чубатые, не тоскуйте, седуусые, не
журитесь, худяки и мордастые, выставляйте мне штоф го-
рилки — и открою вам, как от прислужников нечистой
силы избавиться!..

Забулдыгу этого всерьез никто не воспринимал. Уму-
дрился он много лет назад пропить не только все, что было
на нем, но даже свое имя. Какому черту и зачем оно пона-
добилось, неизвестно. С тех пор забулдыга с гордостью ве-
личал себя «человеком без имени».

Обычно посетители шинков не очень охотно отклика-
лись на его просьбы угостить горилкой, но в тот день
почему-то уважили.

Опрокинул он чарку, выпил другую, посмаковал со-
держимое третьей, но при этом помалкивал да хитро щу-
рился.

Наконец не выдержал народ:

— Ну, говори, пропойца скаженный, босота перекатная, как покарать Пятимару и Каламара-Кадука? Что делать надо?

— А ни-че-го!.. — лучезарно улыбнулся безымянный.

На мгновение оторопела братва от такой наглости. Пару дюжин кулаков нацелилось в его физиономию.

— Дурить нас вздумал?!

— Выманил горилку и теперь потешаешься?!

— Ну, держись, босота!..

Но забулдыга продолжал добродушно улыбаться.

— Та Господь с вами, хлопцы!.. Никто вас не дурил. От мудрых киевских дедов услышал я стародавнюю истину: «С чем не справились огонь и сабля, то воде под силу...» Пейте, гуляйте, не журитесь! «А вода скоро сама унесет ваши беды!..» — так поведали мне сегодня киевские деды...

Переглянулись разгневанные посетители «Задорного жеребца», но кулаки в ход пускать не стали. Ну что взять с этого безымянного дурня? Ему хоть зубы повышибай, хоть нос расквась — все равно не переделаешь.

Каково же было их изумление, когда на следующий день, совершенно не в срок, в городе началось небывалое наводнение. Не только могучий Днепр, но и тихая Почайна забурлила и вышла из берегов. Весь киевский Подол оказался затопленным.

А когда вода сошла, исчез проклятый дом Пятимары. Никаких следов от него не осталось. Будто и вовсе его не было.

Повалил народ на опустевшее место: кто из любопытства, кто в надежде отыскать что-нибудь из драгоценностей загадочной старухи. Однако не нашлось и щепки от ненавистного дома.

А безымянный забулдыга в те дни чувствовал себя героем. С видом победителя обходил он киевские шинки, где его с радостью угощали воры и бандиты, и назидательно повторял:

— С чем не могут справиться огонь и сабля, то воде под силу. Почаще слушайте, хлопцы, мудрых киевских дедов!..

«Встретились у фонтана»

*И деревянный Самсон пригодится воды
напиться.*

Киевская поговорка XIX века

Новая традиция

Примерно в 1808 году западнее Гостиного двора на Подоле был сооружен фонтан с павильоном.

В справочнике XIX века «Описание Киева» о нем говорится: «На подножии утверждена статуя в обыкновенный человеческий рост, представляющая Самсона, который раздирает челюсти льва.

Все это вырезано из дерева и окрашено масляными красками. Из пасти льва выказывается, в поперечнике около двух дюймов, железная труба, через которую изливается вода и с шумом падает в деревянный водоем.

Простолюдины называют фонтан сей Левом... Киевский Самсон, раскрашенный яркими красками, производит удивление в поселянах, приходящих на богомолье. Над ним возвышается круглый свод, поддерживаемый четырьмя четырехугольными массивными подпорами, из коих к каждой, с наружной стороны, приставлены для украшения по две колонны ордена Тосканского с полными, высокими пьедесталами. На фризе всех четырех сторон приделаны солнечные часы;

самый же антаблеман, или полный карниз, горизонтальный над колоннами, в промежутках изгибается над четырьмя боковыми дугами свода, покрытого железом и выкрашенного зеленою краскою.

Над шарообразною кровлею возвышается медное, рельефное, вызолоченное изображение Св. Апостола Андрея, держащего в левой руке крест. Павильон этот, представляющий в плане своем совершенный круг, имеет в поперечнике до четырех, а в высоту более пяти сажень, и выстроен во вкусе французского рококо XVII-го века.

Во время торжественного освящения воды бассейн и павильон украшают елками».

Фонтан притягивал и восхищал не только жителей Киева. В первой половине XIX столетия посмотреть на эту невидаль специально приезжали из других городов и селений.

Вскоре появилась и примета, связанная с новым сооружением: «Кто омоет руки и лицо водой из фонтана, тому семь дней будет сопутствовать удача». Как и почему возникла эта примета, неизвестно. Однако многие в нее верили.

В 1811 году город пострадал от сильного пожара. Огонь не достиг фонтана, однако скульптура почернела от сажи.

Несколько месяцев после знаменитого бедствия Самсон и лев оставались в таком состоянии. Нередко приехавшие издалека, чтобы поглазеть на фонтан, возмущались:

— Тю!.. Опять кияне дурят честный народ! Казали, шо хлопец и лев золотые, а тут якийсь арап с чумазым котом!..

Прошло время, Самсона и льва очистили и вновь покрыли краской.

Годы больших перемен

В первой половине XIX столетия, после поражения наполеоновской армии, Киев стал стремительно перестраиваться и расширяться.

В 1847 году вышла в свет книга киевского гражданского губернатора Ивана Фундуклея «Обозрение Киева в отношении к древностям». В ней подробно упоминаются перемены в городе той поры: «...Печерская часть Киева, будучи

предназначена под обширную киевопечерскую крепость, изменилась уже много, получая ежегодно, взамен прежних небольших домов и хижин, большие красивые здания. <...>

В Дворцовой, ныне главной и знатнейшей части города, в 1834-м году, вместо прежней липовой рощи при Кловском дворце, явилось вдруг целое красивое застроение, названное Липками. Вслед за тем и на других местах дворцовой горы возникли новые здания, между которыми особенно красуется — институт для благородных девиц.

При дворцовом саде, в нижнем ярусе государева дворца, — оставшемся после пожара <...> — учреждено заведение искусственных минеральных вод.

Старый Киев также получил новое устройство; и хотя срытие внутренних его валов и уничтожение его тесных, перепутанных улочек и переулков изменили совершенно прежний, оригинальный вид его; зато ныне его вид стал открытее, и сам он сделался удобнее для жительства. <...>

Крещатцкое удолье, пролегающее между горами старокиевскою и дворцовою, — бывшее дебрею в нашествие Батая, почти необитаемое еще и в конце прошлого (XVIII) столетия, — в последние годы обратилось в одну из лучших улиц Киева, которая становится уже сосредоточием здешней промышленности. <...>

От собственно так называемой ныне Подольской части Киева отделилась еще новая часть его, названная Плоскою, по имени Плоской слободы, издавна здесь существовавшей. К этой шестой части Киева в 1834 году причислены предместья: Куреневка (получившее это имя от сторожевых куреней, послуживших ей основанием), Приорка, или Преварки, и Сырец. Подобно сему и на противоположном конце Киева, к Печерской части причислено предместье Зверинецкое, где некогда был княжеский зверинец и село Выдубичи.

Для удобнейшего сообщения верхних частей Киева с Подолом, прежний Крещатицкий взвоз, устроенный еще в начале прошлого столетия, а для этого взвоза и вся Михайловская гора, ныне преобразованы в новом виде; да и днепровский берег на Подоле укрепляется набережною.

Наконец, для сообщения всего Киева с полтавскою и черниговскою губерниями, которое так затруднительно бывает в весеннее время, началось уже приготовление к постройке нового постоянного моста через Днепр».

Согласно Ивану Фундуклею, который был не только гражданским губернатором, но и щедрым меценатом, в 40-х годах XIX столетия Киев вытянулся «от устья Лыбеди до предместья Преварок» на 14 верст (около 15 км), а в ширину «по средней мере от Днепра к Лыбеди» — на 4 версты (более 4 км). Население города в то время превышало 50 тысяч человек.

В летнее время Киев становился значительно многолюдней, поскольку сюда ежегодно устремлялось около 80 тысяч богомольцев. Немало народу съезжалось на ярмарки. Они проходили на восьми торговых площадях города.

Новая обитель арестантов

«И криминалитет преобразует город», — констатировал в девяностых годах прошлого века один киевский борец с преступностью. Что ж, с ним можно согласиться. Подобные «преобразования» случались во все времена.

Где богатые ярмарки и торги, подобные киевским в XIX столетии, там непременно появляются аферисты, шулера, карманники и проститутки. Вслед за ними активизируются грабители, налетчики, бандиты. А всем этим личностям, как и торговцам разного достатка, необходимы рестораны и кабаки, гостиницы и постоялые дворы, дорогие и дешевые игорные притоны.

К середине XIX века ловкие, предприимчивые люди строили в Киеве «заведения приятного времяпрепровождения» для криминальных элементов. А городские власти пытались обеспечить возрастающую армию преступников надежными тюрьмами.

Еще в 1818 году в Киеве, в южной части Печерска, был возведен каменный острог. Старые арестанты сразу невзлюбили свою новую обитель. И каких только нелестных названий они ей не давали: «Швабська могила», «Бедо-

лашна халазия», «Чертячий мык», «Дай драла» и так далее.

Матерые уголовники считали, что в стенах бывлых деревянных острогов и темниц селились души умерших арестантов. С ними можно было поговорить, посоветоваться, попросить помощи, услышать от них старинные разбойничьи песни.

А какие души захотят обитать в холодных каменных тюрьмах? Вот и маются они по новым коридорам и камерам, не желая или утратив возможность помогать несчастным арестантам.

От острога до «Самсона»

Как только новый киевский острог принял первую партию «сидельцев», пошла воровская молва, будто между этой тюрьмой и фонтаном «Самсон» есть необъяснимая связь: тот, кто вышел за ворота «Чертячьего мыка», должен напрямик идти к «Самсону» и трижды пройти вокруг фонтана. И тогда не будет возврата за решетку.

Многие выпущенные на свободу верили в эту примету и сразу отправлялись к заветной киевской достопримечательности.

Может, кому-то из них выпадала удача. Ведь у фонтана, по традиции, перед серьезным делом собирались киевские жулики, и среди них, естественно, были приятели только что освобожденных арестантов.

Тут же, у «Самсона», решались насущные вопросы: ужин, ночлег, деньги на первое время, планы завтрашнего дня.

Чинно гуляющие вокруг фонтана воры всегда привлекали внимание киевских сорванцов. Криминальные авторитеты вызывали у них не меньший интерес, чем заезжие фокусники и комедианты.

Вначале у «Самсона» лишь ради любопытства постоянно околачивались мальчишки из полунищих семей или беспризорники. Хотелось им поглазеть на «важных панов и на расфуфыренных панночек».

Потом у фонтана стали собираться нищие побирушки. Своим видом и попрошайничеством они портили благодушное настроение богатой публики.

Меньше гуляющих состоятельных господ — меньше работы и удачи у жуликов. Воровской мир Киева оскалился и приказал побирушкам: «Ваш луп, замурзанные христорадники, остается у церковных оград и на кладбищах. А у "золотого хлопца с его любимой киской" чтоб вас больше не видели! Иначе, голодраные шупалы, навечно вгоним каждого на три аршина под землю!..»

Когда киевского полицмейстера спросили, как ему удалось в один день очистить окрестности фонтана от надоедливых попрошаек, он не стал присваивать чужие заслуги:

— Дело в том, что господа воры могут совершить любое преступление, кроме одного: они не берут взятки!.. В отличие от моих хапуг. И еще: воры всегда исполняют обещанное...

Прав ли был киевский полицмейстер — вопрос спорный. Но после сурового предупреждения нищие много лет не появлялись вблизи фонтана.

А вот мальчишкам воровское сообщество разрешило обретаться у заветного водоема. Но при этом им велено было ничего не кланчить у гуляющей публики. Даже если господа будут предлагать милостыню, — отказываться.

Но доставать брошенные в фонтан монеты пацанам дозволялось. Для праздной публики наблюдать за проворными сорванцами — тоже своего рода развлечение.

Бросившего монету в фонтан ждет удача, даже если ее достанут мальчишки. Возможно, эту примету породили и распространили сами воры.

«Ныряльщикам», так окрестили пацанов, орудующих у «Самсона», вменялось в обязанность сообщать уголовникам о сыщиках и о господах с полными карманами денег.

После дальней дороги

Приглянулся фонтан с Самсоном и чумакам. Эти «неспешные хлопцы», как называли их киевляне в XIX столетии,

занимались перевозкой на волах соли и сушеной рыбы из Причерноморских земель. Много дней продолжался «чумацкий путь» от Крыма в северные города Украины.

Волы хоть и были приспособлены к изнурительной работе в засушливом климате, да уж больно медленно двигались. Возможно, это влияло и на людей. У некоторых чумаков даже возник свой особый фольклор. Долгий путь, размеренное движение возов, ночевки у костра порождали плавные, меланхолические песни, присущие только им притчи, легенды, неспешные глубокомысленные байки.

Едут чумаки по опаленной солнцем степи в полном молчании. Вдруг один затянет песню, словно не поет, а самому себе рассказывает:

*Ой по горам снега лежать,
По долинам воды стоять,
А по шляхам маки цветуть;
То не маки, а чумаки
З Крыму идуць, рыбу везуть...*

Минута-другая, и на голос одного певца, будто нехотя, отзывается другой:

*Чумаченьки, козаченьки, каши наварили;
Вони, песень співаючи, округи посели...*

Наконец, и с других возов начинает доноситься пение:

*Ой Колина зацвела, да пустила кветки;
Мусить чумаки кидать жонку и маленьки детки...*

И теперь уже весь обоз чумаков подхватывает — громко, на весь видимый степной простор, так, что волы начинают мычать, а в небе умолкает жаворонок:

*Гей в степу крыниченька, в ей вода лосниться;
Ой вернись бы я до жонки, нечем расплатиться.
Ой куды ж ты, чумаче, мандруєшь?
Кому мене, серце, даруєшь?*

*Гей, ты чумаче, небоже!
Чому ты не робишь як гоже?*

Одна и та же песня могла долго тянуться, с многочисленными повторами строк и куплетов. Потом вдруг, словно подает кто-то невидимый сигнал, и пение разом смолкает. И снова над степью слышится скрип возов, тяжелое дыхание волов, сухой шорох земли под колесами да посвист жаворонка в вышине.

В Киев чумаки входили уставшие от изнурительного пути, но повеселевшие. После сдачи соли и рыбы торговцам и перекупщикам и песни чумацкие звучали по-иному. Да разве можно в бойких, веселых киевских шинках петь заунывное? И, опрокинув первую чарку, заводили отдохнувшие чумаки задорные и озорные куплеты:

*Ой лихой чумаче, що в корчме ночує,
Рано встає, вино бере, всіх людей частує,
Одну кварту випиває, другу наливає;
Ой хто прийде в жупане, братом називає.
За ёго вже наедяться, за ёго й напьються;
А як жид ёго грабує, за ёго й насмеються.
Да беруть в ёго худобу, сам не знає за що;
Кажуть люди и говорять, що чумак ледащо.
Ой поїду вже я до моря, — сине море грає.
Ой рад бы я утопитись, море не приймає!..*

«Петушина жажда»

Конечно, чумацкие загулы, веселье в киевских шинках нередко заканчивались скандалами и потасовками. Случалось, что «просоленные хлопцы» пропивали и всю выручку, и даже своих волов. Была в XIX веке у чумаков поговорка: «Сорочку с себя можешь снять в корчме, воз и вола пропить, а заветного петуха — вынеси из любой беды».

Петух являлся для чумаков особо почитаемым существом. Он заменял им и часы, и барометр, и за несколько верст чуял колодец или водоем. Драгоценную птицу поме-

щали на возу в удобном местечке, прикрывали от солнцепека и щедро кормили.

Много у чумаков было примет, связанных с петухом. Еще с вечера по его поведению предсказывалось, будет ли завтрашний день ясным или ненастным, жарким или прохладным. Петух подавал сигнал и о приближении к селению.

Утверждали чумаки, что эта птица взбадривалась и особенно громко, задорно и весело кукарекала на последних верстах перед Киевом. При въезде в город «заветный петух» даже прихорашивался, чистил перья, стряхивал пыль, вытягивал шею, чтобы лучше разглядеть улицы, дома, людей, животных.

Конечно, к «Самсону» чумаки не смели подъезжать на запыленных степью возах и поить из фонтана волов. Никто не позволил бы им этого. Но «заветных петухов» к замечательному источнику обычно брали с собой.

Птицы с удовольствием пили воду из фонтана, потом с интересом глазели по сторонам и начинали кукарекать. Праздная публика нередко делала ставки на так называемую «жажду петуха». Это напоминало ребяческий спор: какая из птиц быстрее напьется, какая громче заголосит и дольше будет кукарекать, и так далее.

Одно время неподалеку от фонтана даже существовал шинок, прозванный киевлянами «Петушина жажда». По воспоминаниям старожилов, у входа в это заведение разгуливал петух, привязанный за лапу к двери. Естественно, каждый посетитель, открывая дверь, беспокоил его, и недовольный символ заведения поднимал крик, возвещающий о появлении очередного клиента.

В «Петушиной жажде» отмечали свой выход на волю уголовники, а чумаки обмывали успешное «облегчение возов», то есть сбыт соли и сушеной рыбы.

Нередко между посетителями возникали ссоры и драки. Добропорядочные киевляне жаловались на это в полицию.

Но квартальный надзиратель неизменно философски отвечал:

— А чё с них взять, кудлаков шибенных? Може, их горячка скоро свалит, а може, «червоный пивень» потопче...

В те времена «червоным пивнем», или «красным петухом», называли пожар. То ли квартальный надзиратель имел какую-то информацию о судьбе неблагополучного заведения, то ли он был прозорливым человеком.

«Петушина жажда» и в самом деле просуществовала недолго. От скорого пожара шинок сгорел дотла и восстановлению не подлежал. Завсегдатаи особо не пострадали. Все успели выскочить на улицу и дружно пытались тушить огонь.

— И вода от «золотого хлопца» не помогла «Петушиной жажде», — с грустью констатировали они, глядя на пепелище родного заведения.

Два богатыря

«Сострадалец» у фонтана

В июне 1829 года в сопровождении многочисленной свиты в Киев прибыл император Николай I. Визит коронованной особы скрупулезно освещался в хронике того времени: «...Прежде всего Государь посетил Печерскую обитель, где встречен был у Святых Врат в полном облачении митрополитом Евгением Болховитновым, викарием его, архиреем Кириллом Куницким с лаврскою братиею, вместе с военными и гражданскими чиновниками, при великом стечении народа.

Поклоняясь Печерской Святыне, Государь остановился в доме генерал-губернатора на Клове, в Липках, пред окнами коего устроена была иллюминация с транспарантным вензелем Его Величества. <...>

На другой день, 24 числа, в 9 часов утра, представлялись Императору генералы и полковые командиры, также гражданские чиновники, дворянство и Киевский войт с гражданами и купечеством, которые, при этом случае, поднесли хлеб-соль».

В одну из своих поездок по городу Николай I заметил изваяние Самсона и приказал остановить карету. Внимание императора привлек странный человек атлетического сложения. Си-

дел он прямо на мостовой у фонтана. Сажённые плечи его вздрагивали, а огромная ладонь прикрывала глаза.

— Кто сей современный богатырь, страдающий подле библейского богатыря? — поинтересовался государь у киевского генерал-губернатора.

Тот не решился сказать императору правду.

— Этот человек не совсем здоров... — начал выкручиваться генерал-губернатор. — Судьба ветхозаветного Самсона так тронула сердце этого человека, что, наведываясь к его изваянию, он не может сдержать слез.

— Какое тонкое, возвышенное и болезненное сочувствие... — растрогался государь. — Может, этот сострадалец нуждается в помощи?

— Ваше величество, обещаю: сегодня же я лично выясню, в чем его нужда, — поспешно заверил генерал-губернатор и едва скрыл вздох облегчения, когда царь велел ехать дальше.

Но мысли его были о другом: «Каналью-квартильного за недосмотр — под розги! Велено им было в гражданском одеянии надзирать за порядком, а они рты поразевали и допустили к фонтану непотребную личность... Ну а самого "возвышенного сострадальца" — побыстрее в кандалы и упрятать в острог».

Разбойник Само́та

Не нашел в себе смелости генерал-губернатор испортить настроение императору, сообщив, кем был на самом деле человек, столь «близко принимающий к сердцу» судьбу ветхозаветного Самсона.

Много лет не удавалось «поймать на горячем» и доказать вину «кровожадного зверя» черниговских лесов, истинное наказание ночных дорог, предводителя шайки разбойников по прозвищу Само́та. В переводе с украинского это слово означает «уединение», «одинокчество». Прозвище весьма подходило лесному разбойнику.

Он не любил шумных сборищ и, совершив преступление, покидал товарищей. Куда скрывался атаман, где пропадал

какое-то время, даже его подручные не знали. О своем логове Самота никому не рассказывал. Может, такая скрытность и спасала его долгие годы от кандалов и каторги.

Казалось бы, по всей киевщине и черниговщине любой — от архиерея до последнего бродяги, от простого казака до губернатора — знал о кровавых похождениях Само-ты. К тому же с его огромным ростом ему трудно было затеряться в городах, местечках и деревнях.

Что и говорить, миловала атамана госпожа удача. Сколько раз он, словно в насмешку над законом и властями, по своей воле заходил к полицмейстеру и, как ни в чем не бывало, выходил обратно. Немало его дружков полегли от казачьих сабель, от полицейских пуль, сгинули в тюрьме или на каторге, а Самота оставался живым и невредимым.

Попытались ярыги распускать слухи в преступном мире, будто атаман сделался колеровым и работает на них. Подобное не раз срабатывало, когда полиции решала руками воров уничтожить уголовника. Но с Самотой такой номер не прошел. Ярыгам не поверили. Так и продолжал везучий атаман здравствовать и злодействовать.

Но у каждого самого удачливого человека обязательно отыщется хоть какая-то слабинка, внезапно и резко меняющая его судьбу.

Мистическая связь

Слух о киевском фонтане быстро докатился и до лесного логова Само-ты. Кто-то из его хлопцев, увидев необычное изваяние, тут же решил, что библейский герой очень похож на их атамана. Это сходство обнаружили и другие разбойники, и стали они Самоту величать Самсоном.

Главарю шайки пришлось по душе новое прозвище, и спустя какое-то время он отправился в Киев поглядеть на изваяние.

Вид библейского героя, раздирающего пасть льву, так поразил атамана, что он долго не мог отойти от фонтана.

Как у любого удачливого человека, у атамана имелись завистники. Кто-то из них стал нашептывать суеверному

и мнительному Самоте, будто именно он стал прообразом для создателя деревянного Самсона.

— Как такое могло случиться? — недоумевал атаман. — Я никогда не встречал и не видывал того умельца.

— А ты вспомни хорошенько, батько, сколько раз тебе доводилось засыпать после доброго штофа горилки так, что на следующий день ничего не мог вспомнить... — убеждали завистники и недоброжелатели атамана.

— Вроде бы случалось со мной такое...

— Вот однажды тебя, пьяного, и заприметил скульптор-нечестивец. Ты храпака давал, а он глядел и вырезал фигуру древнего богатыря. Да еще этот богохульник душу твою пересадил в деревянного истукана...

Другой бы на месте Самоты посмеялся над подобными домыслами, но, видимо, услышанная нелепица крепко зацепила атамана. Задумался он, забеспокоился: а ну, как и вправду, его душа теперь в деревянном истукане обитает?..

Воротился разбойник из Киева в родные места, к своим привычным делам. А думы о таинственной связи со скульптурой Самсона по-прежнему не давала покоя. Как ни пытался атаман отделаться от этого наваждения — ничего не получалось. Ни исповеди в церкви, ни хмельные загулы не могли выбить из башки назойливую, печальную мысль.

Несколько раз Самота порывался в пьяном угаре мчаться в Киев, чтобы отыскать скульптора и зарубить его. Но товарищи вовремя удерживали.

— Нехай стоит «золотой хлопец — древний лыцар», — справедливо рассуждали разбойники. — Он тебя не чипает, и ты его не займай. Может, от Самсона исходит удача. Не зря киевские розбышаки и воры всех колеров наведываются к фонтану...

Подобные доводы товарищей на какое-то время успокаивали атамана.

Все же он стал чаще наведываться в Киев. Знал, что многим там известно о его разбойничьих похождениях, но справиться с желанием побывать у фонтана не мог. Каждый раз, позабыв об осторожности, Самота сперва омывал

в воде руки и усаживался на барьер. Потом, не обращая внимания на любопытную публику, начинал мысленно изливать библейскому герою свои беды и грехи.

А их с каждым годом становилось все больше и больше. Но свидетелей его преступлений не находилось, так что полиции оставалось только глазеть на молчаливую скорбную фигуру Самоты у фонтана.

Отгулял атаман

Однажды киевские стражи порядка получили сообщение от осведомителя: «кровожадный зверь черниговских лесов», «наказание ночных дорог» скончался. Умер прямо возле Самсона.

Обрадованный известием, туда помчался полицмейстер. Но тела Самоты у фонтана не оказалось.

— Кто развел баляндрасы?! Какой джигун меня от дел оторвал?! — завопил разъяренный полицмейстер на своих служащих.

Те лишь разводили руками и лепетали:

— Сами попались на удочку...

— Вроде бы надежные людишки сообщили...

Наконец к полицмейстеру подскочил старый ярыга и подтвердил:

— Самоту и в самом деле «вхопив лунь». Отгулял свое атаман. Околел прямо тут, у фонтана.

— Где же его тело? — уже спокойно поинтересовался полицмейстер.

Ярыга опасливо оглянулся:

— Воровская братия мигом дозналась о случившемся и в тот же час унесла Самоту. По их правилам, если вор не попадался в руки полиции при жизни, то после кончины — тоже не должен. Так что захоронят Самоту в тайном месте...

Махнул рукой полицмейстер:

— Унесли — и черт с ним!.. Мне меньше хлопот!..

Неизвестно, прав ли был ярыга, но Самоту с той поры больше никто не видел. Ходили какое-то время по Киеву

слухи, будто воры тайком похоронили его под фонтаном. Стражи порядка проверили эту информацию, но никакого захоронения не обнаружили.

А воровская традиция — «встретимся у фонтана» — после исчезновения Самоты лишь укрепилась на долгие годы.

Не говори оружию «прощай»

*Ой колись ми воевали,
Та більше не будем!
Того щасття и той доли
Вовек не забудем!
Та вже сабли и кинжалы заржавели,
Мушкеты без курков;
А ще серце козацкое
Не боится ворогов.*
Казацкая песня XVIII века

Предостережение эмигранта

Много лет назад в Киеве мой приятель-коллекционер показал мне старинный кинжал. На лезвии, у самой рукоятки, едва просматривалась гравировка: «Не говори оружию "прощай"».

— Странное изречение, — удивился я. — Никогда не встречал такого...

— Гравировку и сам кинжал сделал киевский мастер примерно в XVIII веке, — пояснил приятель. — Подобную надпись я видел только на двух клинках, один из которых у тебя в руке. Возможно, это изречение — магическая фраза... Ясно лишь, что за ней кроется какая-то тайна...

Спустя несколько дней мне довелось побывать в гостях у поэта Николая Николаевича Тарновского. В начале XX века его родители эмигрировали в Америку, и лишь в 1958 году Николаю

Николаевичу, уже зрелому человеку, удалось вернуться на Родину. С той поры он жил и работал в Киеве.

Я рассказал Тарновскому о странной гравировке на кинжале, сделанной киевским мастером. И поэт вспомнил и поведал мне давнюю историю.

Эрнест Хемингуэй не очень любил рассказывать о связанных с ним мистических происшествиях. А их в жизни писателя случалось немало. Иногда он заявлял, что не верит в приметы и сверхъестественные силы, предсказания и знамения. Но при этом даже в относительно спокойные годы своей жизни, бережно хранил талисманы: высохшую кроличью лапку; осколки, извлеченные из него хирургами; пулю, которой он уложил буйвола; заветный рыболовный крючок. По заверениям писателя, на него он поймал более тысячи фунтов рыбы. Но еще внимательнее Хемингуэй относился к всевозможным талисманам на войне, на охоте в Африке, во время рыбалки в Атлантике.

Его жизнь часто висела на волоске. Тяжелое ранение в Первую мировую войну, авиационная катастрофа, бомбежки в Испании, боевые действия во Франции в сорок пятом...

Как отмечали журналисты, «риск и опасность всегда окружали Хемингуэя». Но риск и опасность не только окружали, но и таились в нем самом. Среди предков писателя были самоубийцы. И после того как покончил с собой его отец, Эрнест не раз высказывался, что подобная участь грозит и ему.

В предисловии к книге «Прощай, оружие» он писал: «...когда я работал над окончательной редакцией, в Оук-Парке, Иллинойс, застрелился мой отец. Мне еще не было тридцати ко времени окончания этой книги, и она вышла в свет в день биржевого краха. Мне всегда казалось, что отец поторопился, но, может быть, он уже больше не мог терпеть. Я очень любил отца и потому не хочу высказывать никаких суждений».

Внешне бесшабашный, грубоватый, но легко ранимый и мнительный, Хемингуэй на всю жизнь запомнил странное предостережение, которое его отец услышал от одного эми-

гранта из царской России: «Никогда не говори оружию "прощай". И не украшай его ни золотом, ни драгоценными камнями. Иначе оно становится непредсказуемым, не подвластным своему хозяину и может натворить много бед...»

Это предостережение эмигранта Хемингуэй пересказал известному американскому журналисту Арту Шилдсу после того, как в 1929 году вышел в свет роман «Прощай, оружие».

— А может, не стоило так называть роман? — шутливо спросил Шилдс.

Хемингуэй пожал плечами и хмуро ответил:

— Кто знает? Возможно, за это название оружие мне когда-нибудь отомстит...

Весной 1945 года, в Париже, один из знакомых Эрнеста восторженно произнес:

— Победа! Теперь-то наверняка установится вечный мир! И человечество наконец вправе заявить оружию: «Прощай навсегда!»

— А мне с ним не суждено расстаться... И даже в последнее мгновение жизни оно будет в моих руках, — ответил Хемингуэй.

Относился ли писатель всерьез к давнему предостережению? На это мог бы ответить лишь сам Эрнест. Но бесспорными оказались: болезнь, которая довела его до самоубийства, оружие в руках в последнее мгновение жизни и — роковой выстрел.

Дар-испытание

В легендах многих народов мира говорится, что Всевышний создал человека по своему образу и подобию. А для проверки людей на пригодность к земной жизни Творец дал им оружие.

Дубинка и каменный топор, сабля и кистень, лук и копье, винтовка и пистолет, танк и ядерная бомба — как разнятся они по своей убийственной силе! Однако у всех у них общее предназначение — уничтожение человека и испытание на зрелость народов и цивилизаций. Ведь важно не

только создать хорошее оружие, овладеть навыками его применения, но зачастую и не поддаются соблазну воспользоваться им в различных житейских ситуациях и политических событиях.

В некоторых славянских преданиях оружие называлось «даром-испытанием». У запорожских казаков считалось грехом без должного повода обнажить, нацелить на человека, на храм, на священную реликвию стрелу, саблю, копье, ружье.

Почитание и преклонение

Почему дети, едва научившиеся ходить и говорить, зачастую берут в руки игрушечное оружие как-то по-особенному, не так, как другие игрушки? Что стоит за этим? Инстинкт? Генетическая память? Подражание взрослым? Влияние некоей мистической силы игрушечной копии смертоносного предмета? Возможно, все это вместе взятое.

Уже самым первым видам оружия люди приписывали душу, таинственную энергетику, магические возможности.

Древние охотники и воины задумывались: почему одни копья, стрелы, топоры чаще приводят к победе и точнее поражают врагов, а другие приносят неудачу? Понимая важность качества их изготовления, необходимость сноровки и выносливости воина, люди все же верили в самостоятельную силу оружия. Не случайно у славян появилось много сказок о мече-кладенце, который сам собой мог разить любого врага. А в казацких байках и преданиях упоминаются стрелы, не дающие промаха, сабли-саморубки, самобьющие дубинки.

С давних времен люди клялись оружием, молили его о победе, им награждали воинов за доблесть и отвагу. А в старину оружие нередко хоронили вместе с хозяином, чтобы они уже никогда не разлучались.

У казаков бытовало поверье: «Человек может предать саблю, а сабля своего хозяина не предаст».

Люди приписывали сверхъестественные способности не только оружию, но и тем, кто его изготовлял. А мастерам

это было на руку. Чем больше таинственных слухов, тем больше внимания к ним и больше заказов.

Каждый оружейник являлся хранителем профессиональных секретов, ведь его изделие должно было быть надежнее, долговечнее, чем у противника. А где нераскрытые секреты, там появляются домыслы, предания, легенды.

Нередко в знак особого почтения саблям и пушкам, ружьям и пулеметам, бомбам и танкам давали имена, которые, казалось бы, никак не подходят этим смертоносным изделиям. Казаки иногда называли сабли «былинкой», «ласточкой», «искоркой», «острой рученькой». Пушки получали прозвища «бычок», «говорун», «кукушечка».

В Средние века мужчин рисовали чаще всего с оружием. Делалось это не только для придания образу героического вида. Согласно поверьям, кинжал, меч, копье, сабля, секира, булава оберегают своего владельца и в жизни, и на портрете. Изображенные на холсте, они спасали от дурного глаза, проклятий и наветов.

Кельты, скифы, запорожские казаки с помощью оружия лечили раны, ушибы и даже инфекционные болезни. К больному месту целители прикладывали в одних случаях раскаленный, в других — охлажденный клинок.

В Киеве вплоть до середины XIX века в семьях казаков сохранялся древний способ лечения: захворавшим младенцам вкладывали в руки нож, саблю, кинжал. Считалось, что ребенок вбирал из них живительную силу, а болезнь уходила прочь, опасаясь острого лезвия.

По тому, как в казацких семьях младенец впервые брался за оружие, предсказывалась его судьба.

Будущую профессию ребенка выясняли так: раскладывали вокруг него кинжал, монетку, колосок, молот, дощечку, клочок бумаги, крестик и тому подобное. Потянулось дитя к крестику — быть ему попом или монахом, к бумаге — писарем или учителем, к дощечке — плотником, к молоту — кузнецом, к колоску — пахарем, к монете — купцом. А если в первую очередь ребенок дотрагивался до кинжала — уготована ему судьба стать воином.

Бывалые казаки поучали молодежь: «Не торопись расставаться с оружием и не пренебрегай им в мирное время — иначе можешь накликать новую войну».

«И ленится, и бесится»

У многих народов считалось, что оружие любит постоянство. «Для кого выковано — тому верно служить будет», — говаривали запорожские казаки.

Но оружие во все времена заказывали мастеру не только для себя. Его дарили, продавали, выдавали, захватывали, передавали по наследству. Продолжало ли оно в таких случаях верно служить новым хозяевам?

У разных народов существовало множество обрядов, связанных с переходом оружия в чужие руки.

Если казак, убив врага, забирал его саблю, то покойнику оставлял взамен какой-нибудь предмет: монету, серьгу, тряпичный лоскут или даже трубку.

Запорожцы, захватив у противника саблю, копье или кинжал, втыкали их на ночь в землю и окропляли своей кровью.

Воины Чингисхана, прежде чем применять вновь приобретенное оружие в бою, опробовали его на животных и произносили при этом специальные заклинания.

Новобранцы многих армий, получив оружие, клялись на нем и целовали, как святыню.

Бандиты в XIX и даже в XX веке, овладев новым ножом, кастетом или револьвером, обязательно держали их всю ночь за пазухой — «приручали к своей душе и телу». Киевские уголовники не выходили на свой промысел, пока не приручали оружие.

До наших дней сохранилась традиция давать монету дарящему колющий или режущий предмет. Впрочем, это уже не боевой обычай, а кухонно-бытовой.

От старых мастеров-оружейников на Кавказе, в Украине, в Сибири, в странах Ближнего Востока и сегодня можно услышать схожие изречения: «Боевой клинок и ленится, и бесится от драгоценных украшений», «Оружие бунтует

против драгоценностей», «Сабля и кинжал не любят менять и хозяина, и свое предназначение».

С тех пор, как люди стали использовать серебро и золото, началась и отделка ими оружия. А впоследствии на украшение рукояток, эфесов, ножен пошли и драгоценные камни.

В былине о Михайло Казаренине сказано:

*Выезжал удача добрый молодец,
Молодой Михайло Казаренин.
А и как конь под ним, как бы лютый зверь,
Он сам на коне, как ясён сокол;
Крепки доспехи на могучих плечах,
Куяк и панцирь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота,
А куяку и панцирю цена стоит на сто тысячей;
А кольчуге златой цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове серебром крыт
узорчатом.
Шелому цена три тысячи.
Копье в руках мурземецкое,
как свеча горит;
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
Рукоять ея золотом и самоцветами отделаны.*

Даже не склонные к роскоши запорожские казаки, и те любили оружие, украшенное золотом и драгоценными камнями. Но такие сабли, кинжалы, пистолеты, булавы они редко использовали по назначению:

*Подарю-ка я брату ятаган турецкий,
Ятаган, червонным золотом украшенный.
А куму от меня — пистоль черкесский,
Серебром тот пистоль отделан.*

Конечно, сабли, мечи, кинжалы от украшений отчасти утрачивали свое боевое предназначение и становились объектами любования, восхищения, подарком уважаемым людям.

В старину многие мастера считали: если изготовил оружие для сражения, то впоследствии его нельзя украшать. А оружие, отделанное драгоценными камнями и металлами, не следует применять в бою. Ему положено мирно висеть на ковре и не касаться крови.

Нарушения этих древних правил, согласно поверьям запорожских казаков, приводили к бунту оружия, а значит, ко многим непредсказуемым бедам.

Кинжал с черными рубинами

В 1869 году подразделение русской армии под командованием полковника Николая Столетова прибыло в Туркмению на восточное побережье Каспийского моря.

Прошло несколько дней после высадки боевого отряда. Примерно в том месте, где впоследствии был основан город Красноводск, у подножия невысокого хребта Кувадаг, один из солдат Столетова наткнулся на умирающего старика.

Перемешивая русские и туркменские слова, тот все же сумел рассказать служивому, что принадлежит к племени гокленов, которое хорошо относится к «большому белому царю» и его воинам.

А еще старик поведал о своей скорой кончине и попросил помочь ему добраться до потайной пещеры. Она располагалась совсем рядом, и солдату не доставило особых трудностей исполнить просьбу умирающего. Когда они оказались в пещере, старик достал из-за пазухи матерчатый сверток и дорогой старинный кинжал. Сверток протянул солдату, а оружие прижал к груди.

— До захода солнца я вряд ли доживу, и это мне уже не понадобится, — произнес он. — Возьми и никому не рассказывай ни о нашей встрече, ни о месте моей смерти. Я нарушил закон своего рода и потому не достоин быть захороненным, как подобает гоклену.

Солдат нерешительно принял небольшой, но тяжелый сверток. А старик едва слышно продолжил:

— Здесь золотые и серебряные монеты и кинжал, сработанный мастерами где-то на днепровских берегах. Когда-то

его подарил моему деду казак за свое спасение. Долго и верно служил булат с днепровских берегов. Но однажды недобрая и неведомая сила нашептала моему деду украсить рукоятку кинжала: за каждого зарезанного врага вправить по одному рубину. Мудрые люди предостерегали: от этих драгоценных камней оружие может взбеситься и станет требовать все новой и новой крови. И уже не человек будет властвовать над оружием, а оно — над ним. Так и случилось. Кинжал превратил деда из благородного воина в безжалостного убийцу. Его изгнали из племени, и он в одиночестве скитался в песках Чильмамедкум, среди озер Топьятан, Кара-Тегелек, Ясха. Не щадил никого, и все новые и новые рубины украшали кинжал. Так продолжалось до тех пор, пока дед не вонзил взбесившийся клинок себе в сердце. Посчитал, что этим он искупит свой грех и уgomонит кинжал. По наследству оружие перешло мне. Старики советовали избавиться от него. Ведь даже рубины не выдержали столько пролитой крови и из красных стали почти черными. Но я, как и мой дед, не послушал мудрых людей. И я превратился в изгоя и душегуба.

— Так мне-то что делать с этим кинжалом? — наконец спросил солдат.

— Увези его на свою родину, на днепровские берега, — ответил старик. — Может, там его безумство поостынет. А если захочешь крепко отомстить своему кровному врагу — подари ему этот кинжал. Только сам не обнажай проклятое оружие и не выковыривай рубины из рукоятки. Иначе он возьмет над тобой власть.

С этими словами старик выхватил из ножен и всадил клинок себе в грудь. Тут же выдернул его и швырнул под ноги солдату. Затем приказал:

— А теперь ступай!..

В северных землях

Оторопел служивый, но воля умирающего — закон. Подобрал он злосчастное оружие, стер кровь, вложил в нож-

ны и сунул себе за пазуху. Потом перекрестился и, не отрывая взгляда от умирающего, попятился из пещеры.

О случившемся солдат не доложил начальству и сумел надежно спрятать и кинжал, и монеты, полученные от изгоя гоклена.

Когда служба завершилась, отправился он из жаркого туркменского края не к родным днепровским берегам, а на север, в Омск: может, грехи какие-то не давали вернуться домой. На новом месте сбыл часть золотых и серебряных монет и подался в торговцы.

Вначале дела у него шли неплохо. Вскоре бывший солдат даже стал купцом. Но роковой кинжал, видимо, «не остудил бешенство» в северных землях, как предполагал старик-гоклен.

Однажды во время пустяковой трактирной ссоры бывший солдат обнажил злополучный клинок да и пырнул соперника. Потом долго ломал голову и горевал: зачем это сделал.

Но содеянного не вернешь. Идти с повинной не захотел. Ударился в бег. Из добропорядочного купца превратился он в одночасье в разбойника.

Собрал он лихую ватагу и стал промышлять на иртышских просторах. И нет, чтобы грабить только богатых, сдирал последнюю рубашку с первых встречных. Безо всякой жалости резал им глотки и топил в Иртыше. А потом пьяно каялся и уверял подельников, что во всем виноват проклятый кинжал.

За свои кровавые похождения получил бывший солдат прозвище Лютый.

Когда осенью затихало движение на Иртыше, разбойники отправлялись в глухие болотистые места, расположенные между озерами Ик, Салтаим и Тенис. Там Лютый и его дружки отсиживались до весны, делили, распределяли, прятали в тайниках награбленное и кутили.

Иногда, во время попоек, атаман заявлял, что пора ему распрощаться с разбойничьей жизнью и возвращаться к днепровским берегам, а проклятое оружие вернуть мастерам — то ли киевским, то ли черниговским. Но банда отговаривала:

«Не гневи клинок. Пока он при тебе, фарт сам идет к нам в руки. А пока фартит — не стоит бросать дело...»

Пропажа клинка

Неизвестно, сколько бы еще бед натворили эти голово-резы на Иртыше, но однажды Лютый вдруг, ни с того ни с сего, пустил слезу, сорвал с груди крест да и всадил злополучный кинжал прямо себе в сердце. Несколько мгновений он хрипел, разбрызгивал кровавую слюну, что-то пытался напоследок сказать, но никто ничего не понял.

Долго потом недоумевали, судили-рядили разбойники: почему такое случилось? О чем хотел сообщить атаман?

Некоторые из них впоследствии утверждали, будто кинжал сам собой вонзился в его сердце. Но единого мнения не было. Зато вся банда соглашалась, что проклятый клинок непонятно каким образом пропал из избы, где зарезался Лютый. Осмотрели каждую щель. Обыскали друг друга. Пропал клинок — и все тут!

А по каторгам и тюрьмам империи потом долгие годы ходили воровские легенды о «бешеном кинжале», о почерневших рубинах в его рукоятке и о том, что золото и серебро, награбленное Лютым, осталось в тайниках где-то между озерами Ик, Салтаим и Тенис. Но где именно — не могли подсказать даже его подельщики. А еще доносила молва, будто стережет те сокровища «проклятый кинжал-саморезец». Потревожишь, нарвешься на него — и мигом окажешься с распоротой глоткой...

А любители киевских тайн полагали, что «бешеный кинжал» с почерневшими рубинами все же каким-то мистическим образом вернулся на днепровские берега и что именно после смерти Лютого у блатных возникла примета: не ходить на дело с оружием, украшенным драгоценными камнями, и не говорить ему «прощай».

Насколько верны эти предположения, неизвестно. А вот высказывание киевских мастеров прошлого трудно оспорить: «Не говори оружию "прощай". Оно навсегда останется с человеком».

Укус «Прыткой змейки»

*Надела барыня злато:
– Дивитесь, как я богата.
Хвалится, красуется,
Собою милуется.
Я мазурикам то отрада:
Будет добыча их богата.*

Воровская песня XIX века

Достопамятный визит

В 1787 году императрица Екатерина II по пути в Крым посетила Киев. Здесь она пробыла 84 дня. Жители города надолго запомнили этот визит.

Балы, парады, артиллерийские салюты, необычная иллюминация улиц, аудиенции, щедрые царские подарки и пожертвования, званные обеды и гулянья... Праздничные события происходили едва ли не каждый день. Об этом сохранилось немало записей очевидцев.

«Января 31-го. В 12-м часу Императрица изволила быть в Софийском монастыре. <...> Шествие было в сопровождении полков и при пушечной пальбе. По возвращении был стол во внутренних покоях, в пятом часу по полудни <...> собрались в зале придворные и знатные лица на бал.

В начале 7-го часа изволила выйти Государыня и допустить к руке всех женщин. <...> По окон-

чании аудиенции Государыня села за столик играть в карты. <...>

Заиграла музыка и бал открыл Нарышкин полонезом; потом танцевали менуэты, контрадансы и один раз казачка. В 9 часов ровно Государыня встала из-за стола, пошла в свой кабинет; музыка перестала играть и все разъехались по домам. <...>

Февраля 4-го, Государыня была у обедни в большой Печерской церкви и был молебен, по окончании которого производилась пушечная пальба; в 5 часов по полудни был бал и сожжен фейерверк в 15 000 руб.; в 10 часов кончился бал, позади дворца была великолепная иллюминация. <...>

Февраля 14-го числа изволила быть Государыня в Михайловском монастыре. Вечером во дворце был куртик, куда в седьмом часу собрались дамы и придворные кавалеры. <...>

18-го февраля Государыня ужинала у польского графа Браницкого, вокруг жилища коего была иллюминация.

19-го был бал у графа Потоцкого, который приехал в Киев с супругою и со свитою в 200 человек. <...>

Апреля 11-го числа <...> Императрица изволила на Подоле, в большой церкви Братского монастыря, слушать обедню, куда от дворца провожали мещане молодые, особливо на такой случай назначенные, в богатом уборе и на хороших лошадях, а пешие со всеми цехами и знаками стояли от Подольских триумфальных ворот до монастыря по обе стороны.

Студенты же в четыре ряда, по обе стороны от монастырской братии до самой церкви, со знаками стоя пели, во время проезда Государыни, концерт. <...>

По окончании службы, допущены были к руке императрицы служащие и говорившие речи; а после выйдя из церкви, ехала со всеми кавалерами и придворными к магистрату, где общество купцов и мещан города Киева имело участие угощать обеденным столом...»

Казалось бы, ничто не могло омрачить этот многодневный праздник пребывания императрицы в Киеве и благостное на-

строение его жителей. Но пока добропорядочные горожане ликовали, одевая на себя для торжеств и балов все самое праздничное и дорогое, преступный мир не дремал.

Вольный бал в магистрате

Несмотря на строгий контроль властей, в город смогли просочиться сотни жуликов разных мастей из других губерний. В праздничном Киеве им было чем поживиться. Не оставили они без внимания памятное для города событие.

В хронике пребывания Екатерины II в Киеве говорилось: «Апреля 11-го числа <...> для всех хорошо одетых как мужчин, так и женщин открыт был вольный бал в магистрате при духовой музыке, с разными танцами, который продолжился до десятого часа».

Это было весьма редкое явление для увеселительных мероприятий в XVIII веке. Ведь на него собралась публика разных сословий, положения и достатка: знатные аристократы, мелкие чиновники, купцы, студенты, офицеры, мещане, простые казаки, вельможи.

На бал в честь приезда императрицы в киевский магистрат без труда проникли и жулики. Для этого им достаточно было прилично одеться и принять достойный вид. Шулера, карманники, мошенники явились на праздник в надежде на легкую добычу.

Но и киевская полиция основательно подготовилась к знаменательному событию. Десятки переодетых в штатское стражей порядка сновали в толпе.

Известных им в лицо преступников они брали под локоток и тихонько, не привлекая внимания добропорядочной публики, уводили из магистрата. Одних тут же доставляли в участок, другим советовали убраться подальше из города.

Однако самые опытные жулики выглядели и вели себя так, что не вызывали подозрения у стражей порядка.

Карнавалы, балы, театральные представления в те времена были своеобразными «ярмарками невест и женихов».

К молодым людям зорко присматривались родители, у кого дети на выданье, и свахи. Как одеты, какие на них украшения, манеры поведения, о чем говорят незамужние и холостые — все это не оставалось без внимания.

Прелестные панночки

Особый интерес на балу в киевском магистрате вызвали две девушки-близняшки. Прибыли они в сопровождении престарелого отца. Судя по нарядам и поведению, эта семья принадлежала к аристократам среднего достатка.

Наиболее развязные молодые люди разных сословий, глядя на почтенного отца и его дочерей-красавиц, позволяли себе громкие высказывания:

— Гляньте, хлопцы, яки гарни панночки!..

— Не тарашь зря очи! Нам, простым казакам, до них не подступиться!..

— Да уж, таких кобылок голубых кровей в наше стойло не заманишь, — сокрушенно поддерживали казаков купцы.

Охотники за богатым приданым из дворян, оценив красоту близняшек, прикидывали:

— Сколько же папаша даст за своих дочерей душ и земли?..

— Видать, не бедствует семейство...

— Но строг старик: вон как зорко присматривает за своими чадами!..

— Да, лихим штурмом эту крепость не возьмешь...

— Панове, так кто может представить нас очаровательному семейству? Кто знаком с этим почтенным стариком?..

Вопросы остались без ответа.

Среди киевских дворян, прибывших на бал в магистрат, как ни странно, никто не был знаком с отцом прекрасных близняшек.

И особо любопытные и дотошные стали высказывать догадки:

— Мне кажется, я встречал этого пана и его дочерей в Кракове, у графини Боневич...

— А по-моему, они из Орловской губернии...

— А мне сдается, этот господин прибыл в свите ее величества...

— Но почему он тогда в гражданском наряде? Ведь свитским не дозволяются подобные вольности...

Разговоры вокруг загадочного семейства продолжались, а пригласить прелестных барышень никто не решался. Простолюдины понимали, что девицы — не их круга, а молодые дворяне боялись нарушить этикет.

Наконец, изрядно хлебнув вина, ринулись на приступ удалые офицеры. Оказалось, что загадочные барышни великолепно танцуют и вовсе не такие уж чопорные. Резвы, начитанны, прекрасно воспитаны — сложилось единодушное мнение у кавалеров.

Пока сестры отплясывали и выслушивали комплименты, их отец важно прохаживался вдоль стен зала. Казалось, он высматривал знакомых, но никак не мог их отыскать.

Веселье в киевском магистрате длилось не очень долго. По знаку распорядителя бала и к величайшему неудовольствию молодежи, оркестр смолк, музыканты поклонились и стали складывать инструменты. Гости потянулись к выходу.

К немалой досаде офицеров, танцевавших с близняшками, они потеряли красавиц в толпе. Одна за другой отъезжали от магистрата кареты и брички, но загадочного семейства нигде не было видно.

Мало кто в эти минуты обратил внимание на странное происшествие. Одна дама, едва расположившись в карете с гербом, вдруг взглянула на свое запястье, вскрикнула и повалилась в обморок.

По заказу эмира

Имя пострадавшей, как и сам этот случай, не были занесены в полицейский протокол. Не проводилось и расследования. Лишь в светских кругах да в воровском мире еще долго обсуждали пропажу рокового браслета, названного «Прыткая змейка».

Дама, у которой его мастерски сняли с руки во время праздника в магистрате, не являлась владелицей ценного украшения. Браслет она однажды увидела у киевского ювелира. Украшение вызвало у нее восторг. Но средств на покупку не хватало, и дама арендовала драгоценность на одни сутки.

От ювелира и услышала она историю «Прыткой змейки». Сам браслет изготовлен из чистого золота, на месте глаз аспиды — четыре прекрасных бриллианта. Почему у этой змеи четыре глаза, владелец украшения не смог объяснить.

Считается, что бриллианты первым научился изготавливать, то есть специальным образом огранивать алмазы, голландец Беркгем примерно в 1454 году. Но, по другой версии, эти прекрасные драгоценные изделия уже были известны в Европе и Азии задолго до середины XV века.

Однажды некий голландский ювелир оказался в плену у средиземноморских пиратов. Морские разбойники, видимо, не дождались выкупа и продали его ливанскому эмиру. Услышав о мастерстве европейца, правитель страны вызвал его в свой бейрутский дворец.

— Предсказал мне багдадский маг, что умру я от неудовлетворенного любопытства, — заявил голландцу эмир. — А причиной станет загадочное украшение, изготовленное чужеземным мастером. Предсказатель поверил нелепым слухам, будто я убиваю своих талантливых строителей и ювелиров, чтобы их замечательные творения оставались лишь у меня. За это и лишился головы неразумный маг.

— Чего же ты ждешь от меня, великий властелин? — пролепетал голландец.

— Хочу проверить, можно ли создать украшение, которое заставит меня страдать от любопытства...

Ювелир слышал, что эмир расправляется с мастерами в любом случае — плохо ли они выполняют свою работу или создадут шедевр. Но виду он не подал. Заказал правителю нужное количество золота и алмазов и принялся за работу.

Так появился браслет в виде четырехглазого аспиды.

Смерть ливанского правителя

Не стал голландец дожидаться, как распорядится его судьбой эмир, и принял яд. Когда слуги правителя явились за ним в мастерскую, то увидели на груди мертвеца золотую змею с четырьмя глазами. Казалось, ювелир погиб от ее укуса.

Суеверные люди пришли в ужас и побоялись прикоснуться к браслету. Но ослушаться своего повелителя слуги не посмели. Осторожно, как будто перед ними настоящая ядовитая змея, они зацепили браслет палкой и бросили его в кожаный мешок. В нем и доставили драгоценность эмиру.

Тот лишь посмеялся над суеверной осторожностью слуг. Вытащил он из мешка браслет и стал внимательно разглядывать.

— Какое чудо!.. Змея прямо завораживает!.. — не сдержал восхищение эмир. — А как играют глаза!.. Они смотрят, словно из небесной бездны, и невозможно отвести от них взгляд!.. Но почему у змеи четыре глаза?!.. Где мастер?!.. Живо его ко мне! Пусть объяснит свою причуду!

Развели руками слуги и понуро склонили головы.

— Нет больше мастера.

— Убит ювелир...

— Кто посмел?! — воскликнул возмущенный эмир.

— Вот эта четырехглазая тварь, повелитель, — слуги указали на браслет.

— Вы что, сказками решили меня позабавить? Так я давно в них не верю, — правитель Ливана застыл в ожидании.

Выслушав доклад, он пожал плечами и с сожалением произнес:

— Значит, я уже не узнаю от ювелира, почему у аспиды четыре глаза. Кто же все-таки погубил белого гяура? Не от укуса же золотого змея он скончался! — Эмир снова пожал плечами и, ни к кому не обращаясь, спросил: — А в самом деле: почему четыре глаза?..

Официальному сообщению о причине смерти этого правителя Ливана любители мистики не поверили. И пош-

ли по Бейруту и другим городам Малой Азии слухи, будто, как и предсказывал багдадский маг, жизнь эмира оборвалась от неудовлетворенного любопытства.

Что ж, и любители мистики имеют право на свои версии и предположения. Вот только даже они так и не смогли ответить, отчего у золотого аспиды четыре глаза.

Новый владелец

Неизвестно, как браслет голландского ювелира из эмирской сокровищницы перекочевал к бейрутским торговцам.

В июне 1772 года, во время Русско-турецкой войны, к столице Ливана подошли корабли российского военного флота. После высадки на берег один из русских офицеров заглянул в лавку бейрутского ювелира и попросил подобрать какое-нибудь необычное украшение для дамы.

Ему тут же предложили старинный золотой браслет в виде четырехглазого аспиды.

Придя в себя после названной стоимости изделия, офицер поинтересовался:

— А почему у змеи четыре глаза?

Ювелир усмехнулся и развел руками:

— Много лет на этот вопрос не могут ответить мудрейшие люди, знатоки древних тайн. Слышал я от них: тому, кто разгадает загадку золотого аспиды, будут дарованы великие перемены в судьбе. А какие именно произойдут перемены — простым смертным знать не дано.

— Да, умеет Восток все окутывать тайнами, — улыбнулся в ответ моряк. — Но и деньги большие заламывать — не промах.

Махнул он отчаянно рукой и заявил:

— Беру!.. Вечером вернусь с деньгами, так что вещь больше никому не показывать!..

Сдержал слово офицер. Так четырехглазый аспид оказался у нового владельца.

Живым и невредимым после боевого похода вернулся тот моряк на родину. Однако беда с ним случилась, когда его корабль встал на рейде.

Владельца золотого браслета обнаружили мертвым в каюте. Никаких следов насилия. Лишь на груди почему-то лежал четырехглазый аспид.

— Прекрасные бриллианты, а смотреть в глаза этому золотому змею почему-то жутковато. — Капитан кивнул на покойника и добавил: — После завершения следствия отправить родным в имение его личное оружие, награды, мундир и вот эту штуковину!..

Командир корабля повертел в руках браслет и пожал плечами:

— А все же почему у золотого аспиды четыре глаза?..

Недоброе пожелание

Возможно, от моряков, вернувшихся из средиземноморского похода, и пошла молва о коварстве «Прыткой змейки» и о том, что неодушевленный предмет может каким-то образом наносить смертельный укус.

Спустя несколько лет родственники погибшего при загадочных обстоятельствах офицера продали роковое украшение киевскому ювелиру.

На следующее утро после бала в магистрате пострадавшая от жуликов дама явилась к владельцу браслета. Чем больше она рыдала, заламывала руки и проклинала воров, тем мрачнее становился ювелир.

Наконец он прервал ее:

— Сударыня, я надеюсь, в течение двух месяцев вы возместите мне стоимость похищенной драгоценности. Таково незыблемое правило. Согласитесь, четыре прекрасных, чистейших адаманта — вещь нешуточная.

— Да-да, я все возьму в срок, — покорно согласилась дама. — Только умоляю: никакой огласки. Не хочу пересудов... Не дай бог, в свете узнают, что я арендую украшения.

— Уверяю вас: это останется нашей тайной, — заверил ювелир.

Посетительница сдержанно попрощалась и направилась к выходу. На пороге она вдруг остановилась и резко обернулась.

— Да покарает Провидение или нечто другое воров! — зло выпалила дама.

Ювелир вздрогнул. В словах посетительницы прозвучало зловещее, роковое...

— Пусть будет по-вашему... — тихо пробормотал он.

Под колокольный звон и музыку

22 апреля 1787 года наконец завершилось пребывание императрицы в Киеве.

На пристани уже несколько дней государыню ожидали богато оснащенные галеры. На них Екатерина II со своей многочисленной свитой продолжила путешествие по Днепру.

Как отмечал очевидец этого события: «Императрица, при колокольном звоне и пушечной пальбе, и в сопровождении конницы киевских мещан, изволила отправиться на Подол, к галерам, которые стояли против Братского монастыря. <...>

Государыня сначала переехала на галеру "Десну", где был устроен обед. В это время магистратские музыканты имели честь вблизи разыгрывать сонаты.

После обеда Царица отправилась на свою галеру "Днепр", на которой поднят был вице-адмиральский флаг. Прочие лица разместились по другим галерам в назначенных местах. <...>

В три часа по полудни, по сигналу с Императорской галеры, великолепная флотилия отправилась в путешествие и, при громе пушек с крепости, скрылась от глаз киевлян, стоящих на берегу величественного Днепра. Киевляне на своих дубах (лодках) провожали императрицу десять верст с музыкой и радостными восклицаниями».

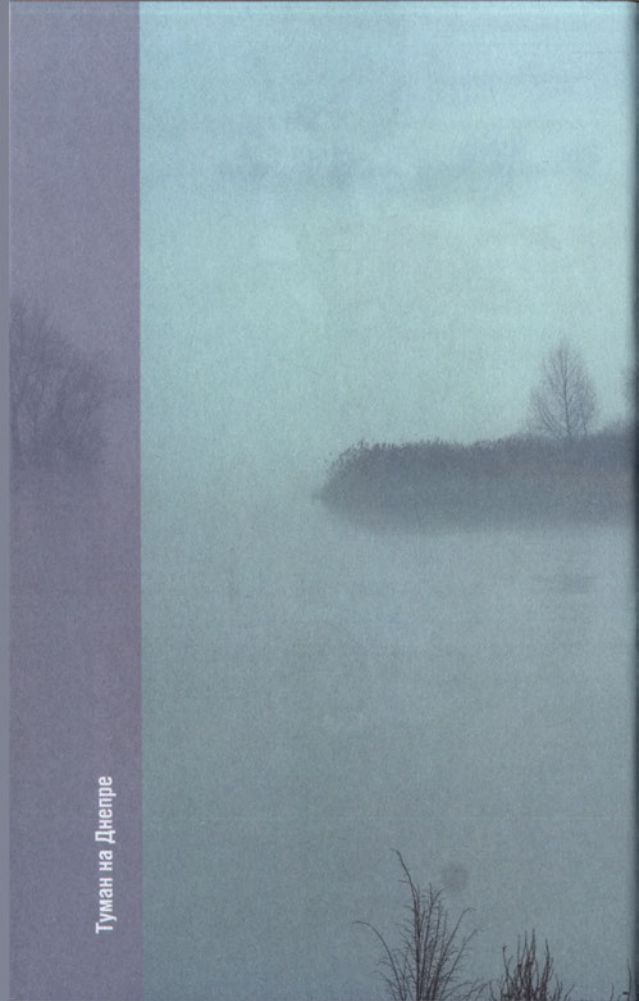
Многие из провожающих императрицу на лодках смогли только на следующий день вернуться в Киев. Город, устав от многодневного праздника, возвращался к обыденной жизни.

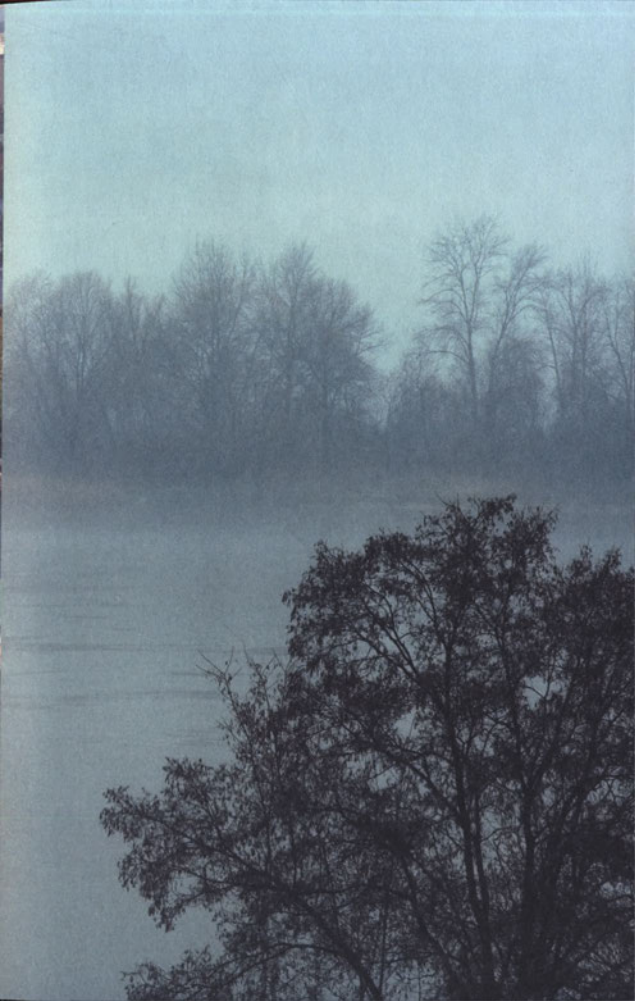
Но долго еще и в богатых домах, и в убогих мазанках обсуждался визит Екатерины II.

Баян. Художник В.М. Васнецов. 1910

Туман на Днєпре

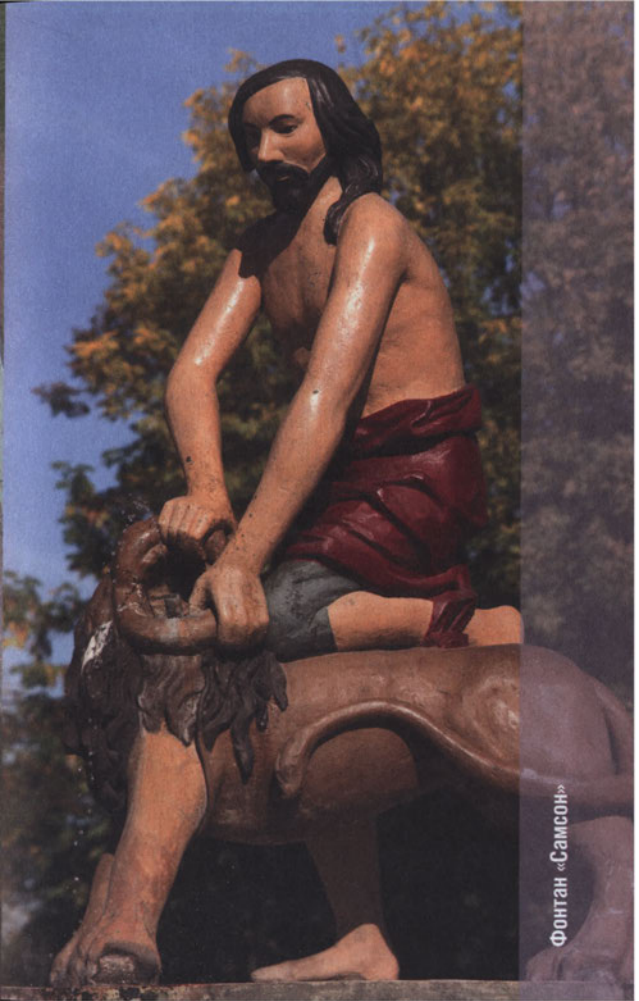

Крещатик в конце XIX в.

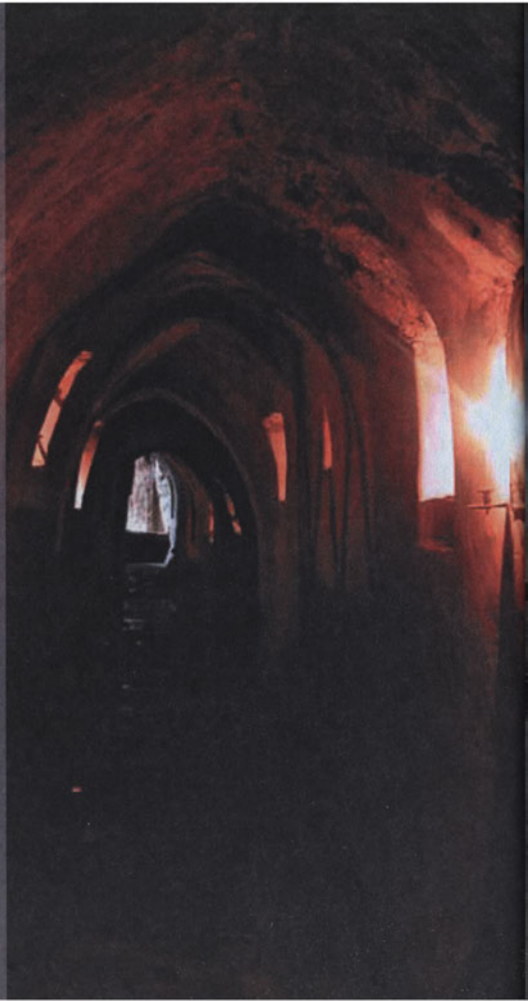
Бессарабская площадь сто лет назад

Фонтан «Самсон»

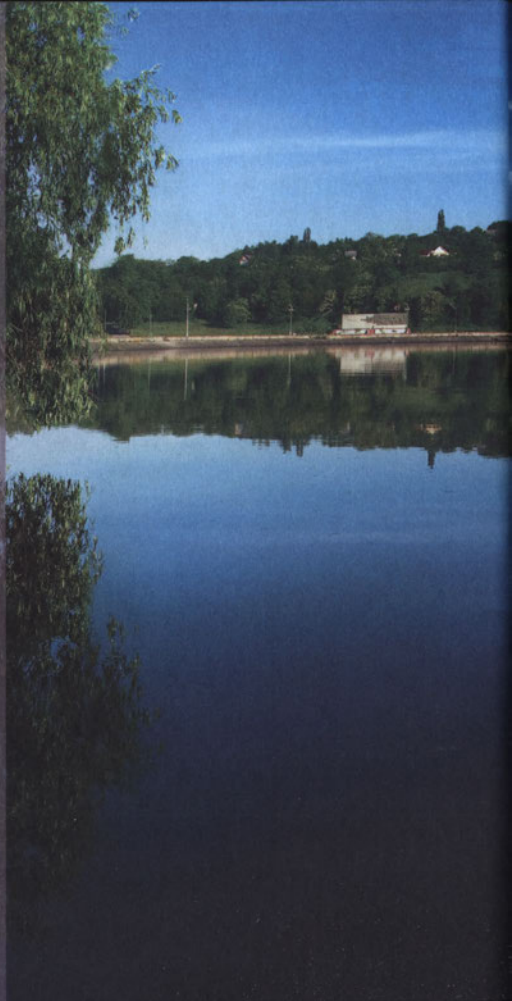
В Зверинецких пещерах

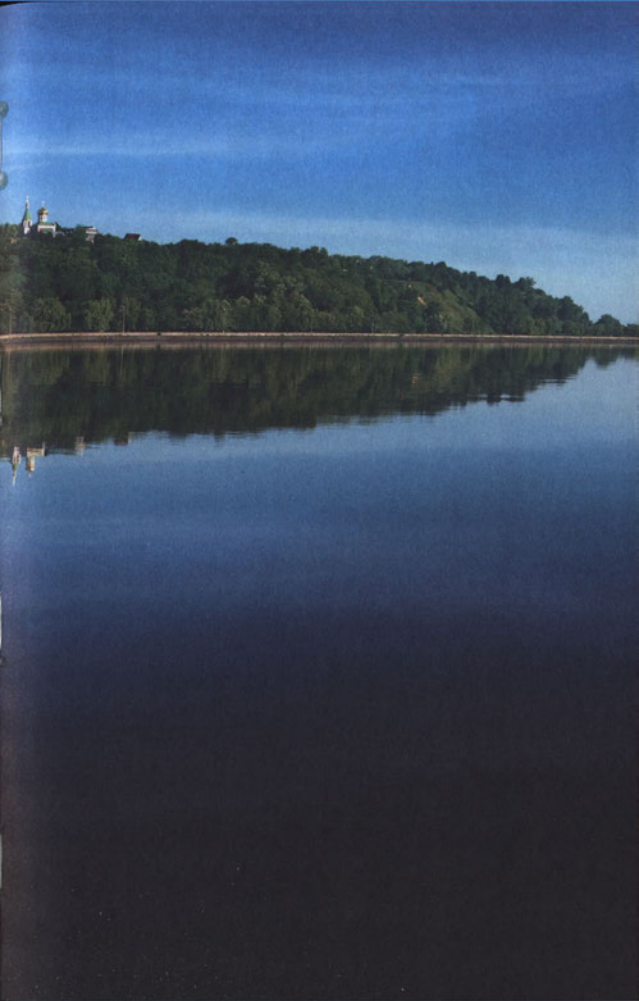

Феодосия Матвиенкова

Днепровские просторы

Дальние пещеры. Открытка конца XIX в.

Фундуклеевская улица.
Фотография конца XIX в.

Київ. Художник М.М. Сажин. Середина XIX в.

Киевская крепость

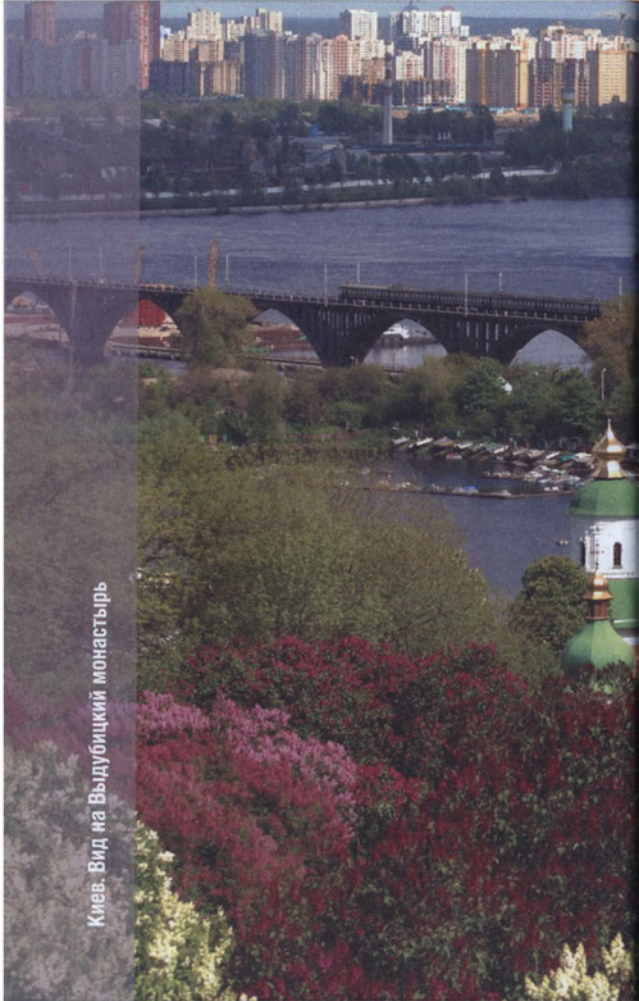

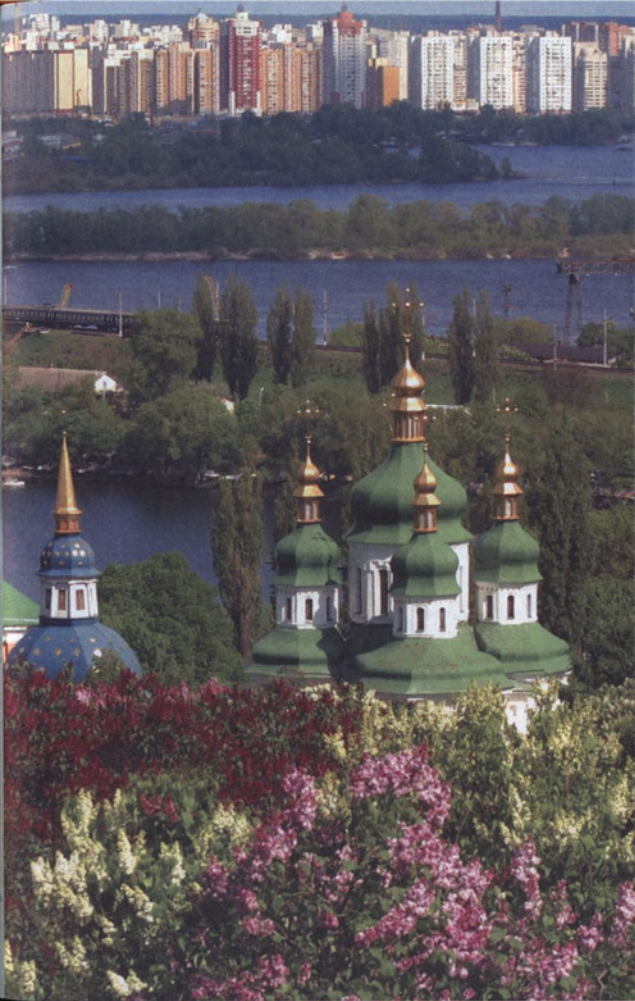
Потерна Лысогорского форта

Замковая гора. Гравюра 1862 г.

Киев. Вид на Выдубицкий монастырь

Вид на Подол. Открытка конца XIX в.

Оборванный след

Первым событием, о котором заговорил весь город сразу после отбытия императрицы, стала жуткая находка на реке. В одной из лодок, на которых провожали царскую флотилию, обнаружили два трупа. Под рогожей вплотную лежали тела девушки и старика. На них наткнулись два вора, шнырявшие среди лодок в поисках добычи.

Один из жуликов сразу опознал покойников:

— Поглянь-ка, Жах, это же Фиретка!.. Еще недавно, в магистрате, на балу, так лихо отплясывала с обер-офицером, и — на тебе!.. Только не пойму, которая из Фиреток — Левая или Правая? Да этих сестриц сам черт не отличит — до того похожи друг на друга. Бесенята-неразлучницы... Мы еще шутовали, что и в острог они вместе попадут, и на тот свет — разом... А тут, вон какой кандибобер вышел: одна зажмурилась навечно, другая потерялась...

Вор по кличке Жах перебил приятеля:

— А что за старый гаер к ней прижался?

— Кажись, ювелир с Копытной... На марлизелевой прикормке был у сестер и их дедка. Покупал у них стыренные цацы и наводил на жирных гусаков...

Весть о печальной находке в тот же день облетела город. Полиция кинулась искать сестру покойной по кличке Левая Фиретка и их деда, прозванного в преступном мире Пострибунчиком. Но эта парочка то ли исчезла из Киева, то ли хорошо спряталась в городских притонах.

Среди воров и обывателей пошли разговоры:

— Тырок «Прыткой змейки» на балу в магистрате совершили близняшки...

Что случилось потом, даже самые осведомленные киевляне ответить не смогли... Никаких ран на телах ювелира и Правой Фиретки полиция не обнаружила. Но даже самая неосведомленная торговка с Подола утверждала: «Старого и дивчину загубыла золота почвара с чотырма блискучими очима!..»

Хоть и много было подобных разговоров в Киеве о роковом браслете, а след его на долгие годы оборвался. Ходи-

ла молва, что где-то в Галиции нашли мертвыми и Левую Фиретку, и ее деда Пострибунчика.

И снова — загадочная смерть и домыслы, нелепые слухи.

«Услышишь все, что угодно душе»

Согласно статистике, перед Первой мировой войной в Киевской губернии было около 360 винных погребов, почти две с половиной тысячи пивных лавок, примерно четыре сотни буфетов и 345 ресторанов и трактиров. Эти заведения обслуживали посетителей разного социального положения и достатка.

Если в ресторане гостиницы «Гранд Отель» на Крещатике собирались банкиры, промышленники и богатые помещики, то в «Босфоре» на Трухановом острове — речники и мастеровые. Киевской богеме полюбились кафешантаны «Аполлон» и «Шато-де-Флер».

Известный эстрадный исполнитель песен Александр Вертинский вспоминал о вечерах в этих заведениях: «...А женщины! Как пели они! Чувствительные киевские купцы плакали под утро пьяными слезами над их песнями, пропивая тысячи за одну ночь. И обожали их, поднося веера из сторублевок, бриллианты и жемчуга, заставляя всю сцену цветами».

Конечно же, были в Киеве излюбленные места отдыха и у преступников. Удачливые воры, бандиты, шулера проводили время в ресторане «Тулон» на Подоле. Мелкие жулики, босяки и так называемые «тырщики-пропойцы» собирались в неприветливых, грязных кабаках «Жменя», «Бомба», «Сатана» и «Забубенный шлях». Каждое подобное заведение имело официальное название (по документам и на вывеске) и народное.

Существовали в Киеве кабаки, где можно было одновременно встретить и королей преступного мира, и «пропавших» — спившихся воришек, и голодных «шестерок». В начале XX столетия эти заведения в криминальном мире Киева называли «увчуды». «Услышишь все, что угодно душе» — так расшифровывалось странное наименование.

В этих кабаках можно было получить любую полезную для разномастных воров информацию: «В Берлине только что изготовили не доступный для преступников сейф. Но за семнадцать минут с ним сладил Ленчик Ростовский...»; «В Варшаве задыбились друг против друга Шуравый и Зяблик. Оба скончались на месте с перерезанными глотками...»; «С сахалинской кары воротился в Киев Потап: высматривает новое дело...»; «В Питере ширмошника Маковея отравила панельная Муська. Дружки Маковея — пацаны с Лиговки — отомстили и упокоили заразу...»; «В Киев для торговой сделки прибыл из Вены пухлый фазан — наличность носит в портфеле...»; «Урлюка видели в Чернигове в обществе киевского филера Борченко...».

Помимо получения столь необходимых сведений, в увчудах можно было найти временное пристанище, пристроиться к «делу», сбыть краденое или взять в долг деньги под небольшой процент.

В эти заведения порой допускались репортеры. Авторитетные воры, чтобы навести на ложный след полицию или пострадать обывателя кровавыми байками, скидывали им туфтовые сведения. Иногда блатные просто потешались над неопытными газетчиками и плели им всякие небылицы о своих похождениях.

Дотошный репортер

В 1913 или 1914 году в увчудах почему-то вспомнили старинную историю о золотом браслете в виде аспида с четырьмя бриллиантовыми глазами. Прозвучало даже имя киевского доктора — владельца легендарного изделия.

Узнал об этом один начинающий репортер и помчался к обладателю рокового браслета. Но доктор оказался упрямым, а может быть, и шутником:

— Вещицу не покажу. Проклятие на ней. Семьдесят семь душ сгубил четырехглазый аспид. Ты будешь семьдесят восьмым, если вздумаешь чирикать о браслете в газетенке...

Понял репортер, что доктор попросту над ним насмехается, огорчился и отправился к знакомым ворами в увчуд.

Рассказал им о своей неудаче, а те вместо сочувствия принялись подтрунивать:

— Может, лекарь тебя от гибели спас...

— Так что не брани его и на судьбу не сетуй...

— Поставь угощеньице — мы и без доктора все расскажем о коварной четырехглазой змеюке...

— Так отчего все-таки гибли те, в чьи руки попадал золотой аспид? — не унимался дотошный репортер.

Воры весело перемигивались и с серьезным видом поясняли газетчику:

— Да потому, что этот гад — своенравная и весьма зловредная тварь.

На многие вопросы ответили увчудские знатоки тайн начинающему репортеру, вот только не смогли объяснить, почему у золотого аспида четыре глаза.

«И не будет от них покоя»

...Его хату заполнили упыри, призраки и видения. Они плясали, как озорные дети. Выбегали в сени и выстуживали хату, вылетали через трубу на крышу и так плясали, что потолок трещал, позвякивали в окна, чтобы выманить его во двор. Он не поддавался, прогонял испуг, тогда они забирались на печь и щипали его, душили и в рот онуги запихивали... Он лежал, как мертвый, пока петухи не пропели, тогда он едва поднялся и стал творить молитву. Но и тут они не давали ему покоя. Он не мог вспомнить молитвы, которые хорошо знал, он забывал даже перекреститься.

Василь Стефаник

Бокал за ведьм

В книге «Лезвие бритвы» Иван Ефремов писал: «Слово "ведьма" происходит от слова "ведать" — знать, и обозначает женщину, знающую более других да еще вооруженную чисто женской интуицией. Ведовство — понимание скрытых чувств и мотивов поступков у людей — качество, вызванное тесной и многогранной связью с природой. Это вовсе не злое и бездумное начало в женщине, а проницательность. <...> А я всегда готов, образно говоря, поднять бокал за ведьм, проницательных, веселых, сильных духом женщин...»

Знатоки мистики и оккультизма утверждают, что киевские ведьмы славятся своенравием и упрямством. А еще, в отличие от многих своих коллег из других земель и городов, они следят за собой, любят молодиться, наряжаться и кокетничать.

Если и встретится одна из них в образе уродливой, неряшливой старухи, то это означает, что она задумала какую-то каверзу и специально приняла столь неприглядный вид.

Считается, что киевские ведьмы не боятся нечистой силы и властей. Им всегда вольготно жилось на Киевщине. Их не сжигали на кострах, как ведьм в средневековой Европе, не пытали в застенках инквизиции. Да и большинство киевлян относилось к ним с почтением.

Изредка на головы этих чаровниц сыпались проклятия от церковных служителей. В ответ ведьмы смеялись, прихорашивались и соблазняли строгих ревнителей веры.

Говорят, даже черти, домовые, банники, водяные, лешие, кикиморы остерегаются ссориться с этими взбалмошными, непредсказуемыми киевлянками. Силами своих чар они весьма оригинально наказывают нечистую силу. Скажем, не понравился им домовой — и бедолагу, не умеющего плавать и боящегося сырости, превращали в водяную кувшинку или в болотную кочку. Взглянула однажды непочтительно кикимора — и ее, несчастную, тут же в русалку обратили, только не в молодую и красивую, а в лысую и бесхвостую.

Вот и поспорь с такими проказницами!..

В XIX веке немало писателей, побывавших в Киеве, посвящали ведьмам свои строки. Даже те, кто не верил в нечистую силу.

Видимо, впечатлительные литераторы поддавались их чарам.

На легендарной Лысой горе

Известный в XIX столетии, но подзабытый в наше время писатель и журналист Орест Сомов в 1833 году написал

рассказ «Киевские ведьмы». Говорилось в нем, как молодой казак Федор Блискавка женился на красавице Катруссе. Лишь через какое-то время понял он, что взял в жены ведьму.

И занесла его однажды недобрая сила аж на знаменитую Лысую гору, где ведьмы устраивают шабаш.

«На самой верхушке горы было гладкое место, черное, как уголь, и голое, как безволосая голова старого деда. От этого и гора прозвана была Лысою. Посреди площадки стояли подмостки о семи ступенях, покрытые черным сукном. На них сидел пребольшой медведь с двойною обезьяньей мордой, козлиными рогами, змеиным хвостом, ежовою щетиной по всему телу, с руками остова и кошачьими когтями на пальцах. Вокруг него, поодаль от площадки, кипел целый базар ведьм, колдунов, упырей, оборотней, леших, водяных, домовых и всяких чуд невиданных и неслыханных. <...>

Молодые ведьмы с безумным неистовым смехом и взвизгиванием, как пьяные бабы на веселье, плясали горлицу и метелицу с косматыми водяными, у которых образы на два пальца покрыты были тиной. <...>

Крик, гам, топот, возня, пронзительный скрип и свисты адских гудков и сопелок, пение и визг чертенят и ведьм — все это было буйно, дико, бешено; и со всем тем видно было, что сия страшная сволочь от души веселилась. <...> Вся эта шайка <...> пускалась в плясовую так задорно, что пыль вилась столбом и что самым завзятым казакам и самым лихим молодикам было бы на зависть».

Печальной оказалась судьба Федора Блискавки. Погубила его красавица ведьма Катрусса.

А в конце своего рассказа Орест Сомов снова упомянул киевское знаменитое место сборища ведьм и всякой нечисти: «Теперь Лысая гора есть только песчаный холм, от подошвы поросший кустарником. Видно, ведьмы ее покинули, и оттого она просветлела».

Но любители киевских тайн утверждают, что писатель ошибся, и Лысую гору ведьмы не оставляли. Они лишь изменили тактику проведения своих праздников.

Там собирали цветы и травы

В отличие от романтического писателя Ореста Сомова, его современник, киевский гражданский губернатор Иван Фундуклей, сообщал о легендарном месте шабаша коротко и сдержанно: «Что касается до знаменитой Лысой горы, о которой молва, вместе с молвою о киевских ведьмах, распространена по всем пределам России; то она находится на левой стороне Днепра в виду Киева и небольшим песчаным возвышением простирается почти 4 версты до сельца Вигуровщины.

Впрочем, и на правой стороне Днепра, между возвышениями, идущими к Межигорью от Кирилковского, одно носило на себе название Лысой горы. Были и в самом Киеве места, считавшиеся сборищем киевских ведьм. Таков между прочим был "сад Кучевского" под Михайловской горою над Подолом. О нем упоминает в 17-ом веке проповедник доминиканского монастыря в Киеве Петр Розвидовский, говоря "сад Кучевского, где ведьмы слетались..."».

Как считают исследователи, в древности на Киевщине было несколько «лысых» возвышенностей. Они связывают это с тем, что язычники вырубали и выжигали там деревья и кусты и устраивали капища.

После принятия христианства, когда началась расправа над деревянными языческими идолами, немногочисленные, самые стойкие их поклонники нашли выход из создавшегося положения. «Коль не можем уберечь древних богов силой, добьемся своего хитростью», — решили они.

Мастера язычники изготовили маленькие, ростом с двухгодовалого ребенка, деревянные изваяния Перуна, Дажьбога, Мокоши, Велеса и других. Эти изваяния были зарыты на вершинах «лысых гор», а к ним приделаны тайные лазы. По ним можно было пробраться в рукотворные подземелья и совершать языческие обряды.

Когда по приказу властей и Церкви с днепровских круч сбрасывали больших древних истуканов, скрытые поборники старой веры относились к этой расправе уже намного спокойнее. Ведь малые Перуны, Дажьбоги, Велесы нахо-

дились в безопасности. Сама мать — сыра земля оберегала их отныне.

Многие тайные знания язычников перешли к киевским ведьмам. Впрочем, некоторые исследователи считают, что эти дамы овладели и приемами колдовства скифов.

Издавна молва приписывала травам и цветам, выросшим на «лысых горах», чудодейственную силу. А получали растения эту силу якобы от зарытых там языческих идолов.

Киевские ведьмы частенько собирали цветы и травы на «лысых горах», но спрятанных в подземельях истуканов никогда не тревожили.

Происшествия в форте

С давних времен у киевлян существовала примета: через каждые тринадцать лет на Лысой горе совершается «нечто страшное». Но истинные патриотки города — ведьмы — нередко спасали жителей от больших бед.

В конце XIX века на Лысой горе был возведен форт Киевской крепости. Ведьмы предостерегали: ни к чему хорошему это строительство не приведет. Дошли они даже до самого высокого киевского и военного начальства. На предупреждение власти не отреагировали. Кто же поверит всякой чертовщине, когда на дворе просвещенный XIX век?

Киевские ведьмы долго зла на обидчиков не держат. Но отомстить никогда не забывают. «Не послушались нас — затеяли строительство на Лысой горе, подняли на смех, — получите по заслугам! — решили они. — Ох, и не спокойные дни и ночи будут у форта на горе!..»

И в самом деле: с командой этого укрепления каждый год происходило что-то несуразное, а порой и трагичное.

Украли однажды нижние чины из Лысогорского форта поросенка. Посадили его до вечера в какой-то сарай, чтобы ночью тайком освежевать.

После отбоя отправились солдаты за добычей. Чуть приоткрыли дверку сарая, а оттуда вместо упитанного розовенького существа на свободу вырвался огромный хряк.

Желающие полакомиться нежной поросятинкой — врассыпную. Но разъяренный кабан не дал им просто так разбежаться. Кого с кручи толкнул, кого извалял в грязи и ребра копытами переломал.

Как мог поросенок, закрытый на несколько часов в сарае, превратиться в огромного хряка? Этот вопрос солдаты обсуждали уже в лазарете.

Случались в Лысогорском форте происшествия и с более печальным финалом. С 1872 по 1914 год несколько офицеров и нижних чинов сошли с ума, трое покончили с собой, а пятеро умерли мгновенно и внезапно, без видимых причин.

Поговаривали киевские обыватели: произошло это из-за того, что здесь исполняли смертные приговоры и хоронили казненных.

Такая участь постигла в 1911 году Дмитрия Богрова, убившего в Киевском оперном театре премьер-министра Петра Столыпина.

Люди, верящие в мистику, считали, что обитателям Лысогорского форта не дают покоя козни ведьм. Ведь раньше на месте военного укрепления в изобилии росли травы, из которых готовились чародейские настои и яды. С возведением крепости на Лысой горе чудодейственной растительности не стало.

Ну а сами киевские ведьмы не давали разъяснений по этому поводу и лишь скромно напоминали о своих предостережениях.

Взрыв в Лысогорском форте

В начале XX столетия в этой крепости хранили в большом количестве мощное взрывчатое вещество — пироксин. Но гражданское население Киева не подозревало, какая опасность затаилась совсем рядом.

В 1918 году, во время немецкой оккупации, склад с боеприпасами взорвался. В результате была разрушена часть Печерска, а во многих домах аж до Университета Святого Владимира повывлетали стекла.

Спустя годы в романе «Белая гвардия» Михаил Булгаков описал это трагическое событие: «Однажды, в мае месяце, когда город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетьмана, когда граждане уже двинулись, как муравьи, по своим делишкам и заспанные приказчики начали в магазинах открывать рокошующие шторы, прокатился по Городу страшный и зловещий звук. Он был неслыханного тембра — и не пушка, и не гром, — но настолько силен, что многие форточки открылись сами собой и все стекла дрогнули. <...>

Горожане проснулись, и на улицах началось смятение. Разрослось оно мгновенно, ибо побежали с верхнего Города — Печерска растерзанные, окровавленные люди с воем и визгом. А звук прошел и в третий раз и так, что начали с громом обваливаться в печерских домах стекла и почва шатнулась под ногами. <...>

Вскоре узнали, откуда пришел звук. Он явился с Лысой Горы. <...> Пять дней жил после этого Город, в ужасе ожидая, что потекут с Лысой Горы ядовитые газы. Но удары прекратились, газы не потекли, окровавленные исчезли, и Город приобрел мирный вид во всех своих частях, за исключением небольшого угла Печерска, где рухнуло несколько домов. Нечего и говорить, что германское командование нарядило строгое следствие, и нечего и говорить, что Город ничего не узнал относительно причин взрыва».

Зато у киевских обывателей было немало версий, связанных с этой трагедией. Поговаривали о происках большевиков, эсеров, анархистов, о засланных агентах Антанты, о гневе языческих идолов, зарытых на Лысой горе, о подрывной деятельности немцев — врагов кайзера Вильгельма.

Однако мудрые киевские деды с Бессарабки лишь усмехались в седые усы, услышав подобную чушь, даже не желая ее опровергать и оспаривать. Сидели они с утра до вечера на бревнышке, наблюдали за суетой базара и таинственно молчали. Какие мысли витали в их мудрых головах — одному Богу было известно.

— Так отчего все-таки рвануло на Лысой горе? — приставали к ним самые надоедливые и любопытные.

— Ведьмы пошалили... Видать, никогда Киеву не будет от них покоя... — неспешно отвечали деды и хитро переглядывались. — Спасибо, что эти барышни озоровали на Лысой горе безо всякой злобы. А то б весь Киев разнесло...

«Во всем виноваты . . .»

Ведьм такая гибель, как слугается иногда на Рождество выпадает снегу: разряжены, размазаны, словно паннотки на ярмарке.

Николай Гоголь

Прогулки по излюбленным местам

Даже у мудрых дедов с Бессарабки не было единого мнения о том, когда точно обитали в Киеве две ведьмы-подружки. Одну звали Ирица, что в давние времена в переводе с украинского означало «опытная ведьма». Другую величали Босорка, то есть «начинающая служительница темных сил».

Неизвестно, где они проживали в Киеве. Но вот их излюбленные места в городе когда-то были хорошо известны обывателям.

Многие побаивались озорных подружек и, увидев на улице, поспешно крестились и опасно произносили:

— Вона, пошла парочка — овца и ярочка...

— Опять шабушить и чебучить будут...

— Теперь гляди в оба: неизвестно, где на этот раз они собираются проказничать...

Выход в свет экстравагантные ведьмы начинали с питейных заведений и в зависимости от их статуса принимали соответствующий вид. В до-

рогие шинки они являлись напомаженными, расфуфыренными барынями, бедняцкие посещали в образе оборванок, спившихся нищенок, бродячих гадалок и разухабистых проституток.

Зачем нужен был этот маскарад, непонятно. Ведь и шинкари и посетители легко узнавали их. Видимо, нечто актерское таилось в сердцах Ирицы и Босорки.

Прежде всего, подружек выдавал мешок, с которым они не расставались. А в том неприглядном мешке сидел серый кот.

Почему тварь была не черного цвета, как принято у ведьм? Необычный выбор кота именно этой масти киевляне считали еще одной причудой Ирицы и Босорки.

Явившись в шинок, подружки тут же заказывали штоф отборной горилки и начинали куролесить. Вытаскивали кота из мешка и усаживали его прямо на стол.

Если кто-нибудь заявлял, что негоже восседать животному там, где люди пьют и едят, тут же следовал ответ:

— У нас одна серая тварь — и то спокойная, а у тебя за пазухой — десятки, и все шустрые, пронырливые...

И сделавший ведьмам замечание вдруг ощущал за пазухой и в карманах копошащихся мышей. В ужасе человек стряхивал их, но проклятых грызунов становилось все больше. С отчаянным воплем и под смех Ирицы и Босорки незадачливый ревнитель порядка выскакивал прочь из шинка.

А довольные ведьмы принимались за горилку. И беда шинкарю, если этот напиток был разбавлен или не так приготовлен. Тогда следовало наказание посерьезней, чем мыши за пазухой.

В одно мгновение все имеющиеся в шинке запасы горячительных напитков превращались в простую воду, и хозяину долго приходилось умолять Ирицу и Босорку, задабривать подношениями, чтобы они вернули вино и горилке прежнее качество.

И наступало светопредставление

Опустошив штоф, дамы требовали второй. Кот в употреблении горилки не отставал от хозяек. Он громко и

смачно лакал ее из миски, шурился от удовольствия, разбрызгивая горячительный напиток во все стороны.

Если ведьмы находились в благодушном настроении, то после первого штофа затягивали излюбленную песню:

*Ой, не ходи, Грицю, на вечорниці;
На вечерницах — девки чаровниці.
Одна дивчина — чернобривая,
Та чаровниця — справедливая.
Хочь и казала — що чарив не знала,
Та вона ж Гриця — причаровала.
В неділю рано — зельє копала;
А в понеділок — пополоסקала.
Прийшов вівторок — зельє зварила,
В середу рано — Гриця отравила.
Прийшов четвер — Гриць помер,
Прийшла п'ятниця — поховали Гриця...*

Кот, очевидно, был весьма сострадательным существом. Хотя и слышал он по нескольку раз в день о том, как чаровница отравила бедного Гриця, все равно переживал смерть хлопца и плакал по-человечески, навзрыд. Делал это серый любитель горилки так заразительно, что многие в шинке тоже пускали слезу.

Но Ирице и Босорке долгое уныние и печаль были не по душе.

Пьяные дамы прекращали пение.

— Чего носы повесили?!.. Хватит нюни распускать, рвань босяцкая! Подумаешь, отравили хлопца! И с вами подобное случится, если такими слезливыми и понурыми будете!.. — вопила Ирица.

— А ну, шебеники окочурные, прочь с лавок!.. Желаем плясать!.. Хотим гопака с мордобоем! — подхватывала Босорка.

И наступало в шинке светопреставление.

Народ послушно отрывался от столов и пускался в пляс. Никто не мог уклониться. С каждой минутой темп нарастал.

А ведьмы, с хохотом взобравшись на стол, пританцовывали и приговаривали:

— А ну, поддай жару!..

— Ох и застоялись хлопцы!..

— Видать, в крови вашей больше воды, чем горилки!..

— А чего ж ваши кулаки уснули?

— Может, разучились чужие зубы считать да кровь пускать?!

— Ну-ка, хлопцы, покажите удаль да кураж!..

И после такого подзадоривания люди, сами не зная зачем, начинали яростно кидаться друг на друга. Летела со стола посуда, звенели осколки, грохотали перевернутые лавки, лица драчунов заливала кровь.

Шинкарь, мысленно подсчитывая убытки, припадал к ногам ведьм:

— Мамамы-сударыни, пани расчудесные, не губите меня! Остановите розбышак!.. Не пускайте меня по миру!..

— В другой раз не скупись подносить угощение! — подмигивала несчастному шинкарю Ирица.

— И щедрей принимать нас! — добавляла, заливаясь от смеха, Босорка.

— Все исполню, как велите! — заверял шинкарь.

Ведьмы кончали пританцовывать и командовали:

— А ну, скаженные, хватит попусту кровь друг другу пускать!..

— По местам, очумелые!..

Стихало все в шинке. Люди недоуменно озирались и таращили глаза друг на друга:

— И чего буянили?

— Чего не поделили?

— Зачем оторвались от чарок и задушевных бесед?..

Кот, с интересом наблюдавший за мордобоем, начинал зевать, потягивался и отправлялся назад в мешок.

Потеха завершалась.

— Айда веселиться дальше, — предлагала Ирица подружке.

— Пойдем, гульнем малость, — соглашалась Босорка.

Провожали завистливым взглядом

Ведьмы подхватывали мешок с котом и отправлялись будоражить добропорядочных киевлян. После питейных заведений больше всего эти хулиганистые дамы почему-то любили Губернскую почтовую контору. Впрочем, в XIX столетии у жителей Киева это учреждение тоже пользовалось уважением и вниманием.

Почта появилась в городе еще во второй половине XVII века. Николай Закревский вспоминал: «Дом, в котором теперь помещается с 1849 года Губернская Почтовая Контора с отделением дилижансов, построен в конце прошлого столетия помещиком, поляком, Онуфрием Юрьевичем Головинским.

Это был на Крещатицкой улице до сороковых годов (XIX века) единственный каменный дом, состоящий из двухэтажного корпуса и по обеим сторонам каменных флигелей. <...> В 1829 году назначен был в этом доме временный лазарет для военнопленных турок, которых обязан был лечить городской врач, доктор Гамм.

Еще в двадцатых годах перед левым флигелем на улице был глубокий с навесом колодец, который теперь засыпан. Колодец этот для старожилов памятен еще тем, что в 1827 году Некто К., желая овладеть лошастью нанятого извозчика, убил его на Крещатике и тело убитого бросил в этот колодец; но в тот же день, при продаже лошади и повозки евреям в Василькове, был схвачен и предан в руки правосудия...»

Об упомянутом Закревским убийце по Киеву ходили слухи, что во время допроса с пристрастием он сообщил полицейским:

— Не я виновен. То Ирица и Босорка приказали мне прокатить их по городу, а заодно уколошить и сбросить в колодец извозчика...

Такая напраслина возмутила ведьм. Что они наколдовали в отместку, точно не известно. Однако вскоре убийца извозчика удавился в тюрьме.

Почему в те времена Почтовая контора в Киеве обладала таинственной притягательной силой для горожан —

можно лишь строить догадки. Если не случалось «наиважнейших событий» — таких, как пожар, ярмарка, день ангела губернатора, массовая драка чумаков с днепровскими перевозчиками, публичная порка розгами, то развлечением для многих киевлян были прогулки вблизи Почтовой конторы.

Люди со всего города тянулись к заветному зданию и выжидающе смотрели на него так, словно у них где-то умирал богатый родственник, и вот-вот должно было прийти по почте волнующее известие о наследовании его состояния.

На получателя даже копеечного перевода смотрели как на именинника, которого приехал поздравить сам генерал-губернатор. Человек, получивший письмо, выходил из Почтовой конторы, гордо вскинув голову и небрежно обмахиваясь конвертом, словно веером. Что было в конверте — радостное известие или печальное сообщение, — неважно. Все равно его провожали завистливыми взглядами.

В те времена письма доставляли специализированные «тройки», почт-дилижансы, особые кареты и брички. Их сопровождали вооруженные почтальоны. У этих государственных служащих была особая форменная одежда и должностные знаки: на левой стороне груди — бляха, а на головном уборе — металлическая ленточка со служебным номером и наименованием почты.

Это обмундирование, очевидно, казалось весьма привлекательным в XIX столетии. Почтовые служащие пользовались популярностью у барышень из мещанского сословия и приехавших в город селянок.

Подлые обвинения и доносы

Желали получить письмецо и с шиком пройти по Крещатицкой улице не только простые обыватели, но и киевские ведьмы. Ирица и Босорка в этом не составляли исключения и с удовольствием наведывались в заветный дом.

— Кто им может писать каждую неделю?..

— Разве бывают у чародеек родственники?..

— О каких делах сообщают этим «колдовкам»?..

— А может, от самого дьявола или от всякой нечисти они получают известия?.. — вопрошали и строили догадки завистливые обыватели.

Ирица и Босорка не устаивали ни словом, ни взглядом любопытствующих. Загадочно улыбаясь, ведьмы выходили из Почтовой конторы, демонстративно выставляя на всеобщее обозрение коричневый конверт. Так и шли, гордые и неприступные, по Крещатицкой улице, игриво помахивая зонтиками и мешком с любимым котом.

Задавать вопросы Ирице и Босорке зеваки не решались, поскольку прекрасно знали: от этой парочки можно ожидать любой пакости.

А вот сплетен и пересудов о них киевские обыватели распускали великое множество. И никто не оспаривал и не подвергал сомнению факт, что после получения Ирицей и Босоркой письма от таинственного отправителя в городе начинались неприятные, а порой и жуткие происшествия.

Правда, нередко случалось, что свои грехи и оплошности киевляне выдавали за происки озорных чародеек. Свалился, к примеру, подвыпивший купчишка в колодец и всю ночь орал там непотребные слова, пока его не извлекли на белый свет и не отволокли в участок, — понятное дело: виной этому не хмель и неводержанность, а козни ведьм-подружек.

Отсох вдруг язык у калачницы — торговки с Подола — все ясно: Ирица и Босорка напустили порчу.

Вздумалось одному поручику полетать над Днепром. То ли от безысходной тоски, то ли от какой-то радости возомнил он себя птицей. Взобрался на кручу, взмахнул руками и — кубарем вниз!..

Только и успели ахнуть на берегу свидетели того сумасбродства:

— Пропал бедолага поручик! Принял Днепр-батюшка непутевую голову!..

Но поручик оказался ловким малым и вскоре вынырнул. Вышел он на берег и воскликнул:

— Нет, кажись, я не птица!..

А попав на гауптвахту за свой эксперимент, неудачливый летун заявил:

— Во всем виноваты Ирица и Босорка! Ну, ущипнул я этих стерв, шлепнул одну и другую пониже пояса. Так они в отместку превратили меня в птицу!..

Немало подобных историй о шалунях-подружках гуляло по городу. Однако даже пострадавшие от проделок Ирицы и Босорки не кидались очертя голову мстить ведьмам. Бурчали, жаловались на них, но рукоприкладства и насилия не допускали.

В те времена в Киеве весьма популярным увлечением были письменные доносы. Конечно, этим занимались и раньше, но, как правило, в устной форме. Может, в городе слишком много развелось грамотных людей или переполнили его вольные писари? День-деньской толкались эти «чернильные умельцы» по базарам, собирались у Почтовой канторы и предлагали народу свои услуги.

Среди их нанимателей были и те, кто сообщал начальству о подлых выходках своих соседей, родственников, приятелей, о притеснениях со стороны чиновников и стражей порядка. А вольные писари облекали эти послания в трогательные, гневные, душераздирающие доносы властям.

Не миновали анонимные разоблачения и киевских ведьм, в том числе Ирицу и Босорку. Обвиняли подружек, что они «околдовали-окудесили» многих добропорядочных киевлян и незаконно изготавливали картофельную водку.

Какое-то время городские власти не придавали значения доносам на Ирицу и Босорку. Но однажды к ним в дом все же заявился околоточный надзиратель с двумя городо-выми.

Загадочное исчезновение

Подружки встретили весьма приветливо незваных гостей.

Не успели стражи порядка переступить порог, как очутились за накрытым столом. Радушные хозяек смутило по-

лицейских. Особенно стушевался околоточный надзиратель. Принимать угощение при исполнении, да еще за одним столом с нижними чинами, строжайше запрещалось.

Но разве устоишь перед чарами лукавых ведьм?..

Позабыли стражи порядка о том, что должны произвести в доме обыск, а самих хозяек доставить в полицейскую часть. С каждой рюмкой теплей и веселей становилось представителям закона.

Наконец околоточный вывалил из портфеля на стол ворох писем и заявил:

— Глядите-ка, сударыни, как всякие пероскребы вас охаивают. Делайте с этими бумаженциями что пожелаете — хоть на растопку пускайте!..

— Ах, благодарные!..

— Ох уж эти облыжники!.. — тихо отозвались ведьмы.

— И что мы им плохого сделали?..

— Какую напраслину возводят, неразумные!..

Даже серый кот проявил негодование к подлым доносчикам, вскочил на стол и принялся обнюхивать письма. Делал он это с брезгливым чувством и омерзением.

— Не унывайте, хозяйюшки пригожие, родненькие, золоченые!.. — попробовал успокоить Ирицу и Босорку один из полицейских.

Но подруги лишь рассмеялись в ответ:

— Очень надо печалиться из-за таких пустяков!..

— Эти остолопы сейчас от наших проделок и шуток плачут, — кивнула на ворох доносов Ирица. — А как мы исчезнем из города — затоскуют.

— Сухая тоска хуже слез... — поддержала подругу Босорка.

— Неужели вы собираетесь покинуть Киев? — полюбопытствовал околоточный надзиратель. — Без вас и в самом деле скучно станет в городе.

Ведьмы озорно переглянулись и почему-то разом посмотрели на своего кота.

— Вон, его оставим взамен, — усмехнулась Ирица.

— Уж он-то не даст заскучать, — кивнула в ответ Босорка.

Околоточный надзиратель замотал головой:

— Ну, разве может какая-то серая тварь заменить двух шаловливых, очаровательных дам?..

Но на его возражение не последовало ответа.

— Гуляйте, веселитесь, служивые!

— Так, чтоб на душе не осталось и следа былой тоски!..

После этих радушных пожеланий у стражей порядка случился провал в памяти. На следующее утро они силились, но никак не могли вспомнить, куда же подевались хозяйки.

Но размышлять не очень-то хотелось. Вокруг на полу стояли непочатые бутылки с той самой картофельной водкой, о которой упоминалось в доносах.

Лишь на следующий день отряду полицейских удалось извлечь из дома ведьм невменяемых околоточного надзирателя и городских.

А Ирица и Босорка навсегда исчезли из Киева. О проделках и шалостях подружек горожане вспоминали с грустью: некому теперь и гопак с мордобоем устроить, и шинкарей наказать за махинации. Даже зеваки перестали собираться у Почтовой конторы.

Но вскоре грусть была развеяна внезапным и необъяснимым появлением в каждом киевском доме по серому коту.

Откуда и каким образом взялось одновременно столько симпатичных тварей, горожане так и не сумели понять. Однако избавляться от них киевляне почему-то не решились. Зачем понадобилось Ирице и Босорке дарить землякам котов? Об этом нет упоминаний ни в киевских преданиях, ни в документах.

На перекрестье торговых путей

Из века в век

«Где кипят торги, где льется рекой золото и серебро, где беда частый гость, там и ищи клады», — примерно так на разных языках сообщается в старинных «кладниках» — пособиях для поиска сокровищ.

История Киева наполнена и бедами, и «реками золота и серебра». Выгодное географическое положение со времен основания города притягивало сюда несметные богатства. По Днепру проходил многовековой знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Великая река сближала прибалтийские страны с причерноморскими и средиземноморскими.

Съезжались в Киев купцы с Балкан и Ближнего Востока, из Западной Европы и с Кавказа, из Скандинавии и Поволжья. И, помимо всевозможных изделий, привозили на днепровские берега золото, серебро и драгоценные камни. Так что, из века в век накапливалось добро у киевлян — и у богачей, и у людей среднего достатка.

А когда город захватывали вражеские полчища, ценности и реликвии прятались в тайники и укромные места. Не всегда удавалось владельцам изъять их назад.

И увеличивалось с годами в Киеве количество кладов. И обрастали спрятанные сокровища легендами, преданиями, реальными и фантастическими слухами, жуткими историями.

Даже после того, как город был razорен татаро-монгольскими войсками и утратил свое бывшее могущество, сюда тянулись купцы из разных стран. Так что в Киеве торговля не умерла.

Приученные к бедствиям

Литовский дворянин, дипломат Михалон Литвин в середине XVI века побывал во многих европейских землях и городах, в том числе и на Украине.

Он отмечал, что Киев изобилует иностранными товарами, «...ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта города Кафы, через ворота Таврики на Таванский перевоз на Днепре, а оттуда степью в Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков, Новгород, Швецию и Данию все восточные товары, как то: дорогие камни, шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие пряности...»

Помимо названных Михалоном Литвиным товаров, купцы доставляли в Киев ювелирные украшения и различные изделия из золота и серебра. В один купеческий караван иногда объединялось несколько сотен торговцев. Наверное, сообщения о полном экономическом упадке города в XVI–XVII веках весьма преувеличены.

Михалон Литвин писал: «...При проходе каравана значительные доходы извлекают киевские жители: воеводы, мытники, купцы, менялы, извозчики, лодочники, трактирщики и шинкари...

Киевляне пользуются выгодами от караванов и в тех случаях, когда эти последние, проходя зимою через степи, сбиваются с пути и гибнут под снежными заносами.

В невзрачных киевских хатах встречаются не только достаток, но даже изобилие плодов, овощей, меду, мяса

и рыбы; сверх того, <...> они до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоценными камнями, собольими и другими мехами и пряностями, что мне самому случалось видеть шелк, обходившийся дешевле, нежели в Вильне лен, и перец дешевле соли...»

Приученные ко многим бедствиям, киевляне и в мирные, благополучные времена старались спрятать часть своего богатства. В основном зарывали в землю, хранили в тайниках, оборудованных в пещерах, в дуплах деревьев, замуровывали в стенах различных строений.

Об огромном количестве киевских кладов знали не только горожане. И в раннем, и в позднем Средневековье захватчики, разграбив храмы, принимались искать сокрытые сокровища.

Они врываются в дома, рылись в подвалах, простукивали и выламывали стены. А хозяев подвергали изощренным и мучительным пыткам.

Что прятали и что находили

Конечно, прятали киевляне в землю то, что не заржавеет и не сгниет: драгоценные металлы и камни. Как свидетельствуют летописи, такие клады попадались в городской черте еще в Средние века.

Нередко о найденных сокровищах люди умалчивали. От скифов сохранилось высказывание: «Золото любит молчание».

Но иногда отыскавшего клад распирала радость и желание похвастаться внезапным богатством. Последствия подобной несдержанности, как правило, были печальными.

Житель Киева мещанин Василий Харщевский в 1824 году нашел возле северной ограды Михайловского монастыря богатый клад. Сохранилась опись его находки: «Чаша серебряная на подножке, с изображением по сторонам в выпуклых кругах Спасителя, Божией Матери, Св. Иоанна Предтечи и Св. Иоанна Златоуста, с греческой надписью: "Пейте от нее все" <...> весу 68 золотников (около 300 граммов).

Дискос серебряный, состоящий из одной тарелки с изображением посредине Божией Матери. <...>

Круглая икона, в поперечнике 3 дюйма (примерно 7,62 см), из самого чистого золота, подобная архиерейской панагии с выпуклым изображением Спасителя, и с 10 рубинами и бирюзами по краям. <...>

Другая такая же панагия золотая, <...> с изображением одного св. мученика. <...>

Крест почти равносторонний 1,5 дюйма величиною, мраморный, с золотыми накладками со всех сторон и с одним камнем, вделанным в середину. <...>

25 золотых привесок в виде кисточек филигравовой работы; некоторые имеют подвесочки, украшенные жемчугом и камешками; весу 32 золотника.

8 дужек или широких полуколец, самого чистого золота, искусной филигравовой работы, осыпанных дорогими камешками разной величины. Дужки сии, по-видимому, составляли корень окладного Евангелия. Весу во всех золота с камешками 45 золотника.

20 бляшек из серебра, с фигурными прорезками и на одной стороне вызолоченными, подобных украшениям на старинных греческих иконах и на воскрилиях риз святительских.

Плоская треугольная золотая бляшка, украшенная с одной стороны греческой эмалью...» <...>

Василий Харщевский смекнул, что лучше получить небольшое вознаграждение и жить спокойно, чем утаить клад. Наверное, памятен ему был печальный опыт другого киевлянина.

Дом Артемухи

Фамилия того человека не сохранилась в документах, но известно, что звали его Назаром и был он небогатым торговцем.

Примерно за год до того, как Василий Харщевский отыскал клад, Назар наткнулся на сокровища. Как считали киевские обыватели, принадлежали те драгоценности из-

вестной в Киеве особе, прозванной Артемихой. Жила она во второй половине XVII века.

Ее каменный двухэтажный дом, крытый черепицей, находился неподалеку от Житного торго. Николай Закревский писал об Артемихе: «Любя негу и роскошь, она приказывала полы своих комнат устилать дорогими коврами и мягкими тюфяками, но к своим подчиненным и служителям была крайне немилосердна».

Жулики и аферисты постоянно зарились на ее богатства, но завладеть ими не удавалось. Однажды втерлась к ней в доверие старуха паломница. Всегда настороженная, нелюдимая, Артемиха пригласила странницу в свой дом.

Через какое-то время старуха заявила хозяйке:

— Скоро я снова отправлюсь по святым местам, а напоследок за доброту и ласку хочу уберечь тебя от лихих людей. Многим не дает покоя твое богатство. Надобно самое ценное — злато и каменья — земле доверить. Да не в одном месте, а во четырех углах сада. Сама Святая Ольга являлась ко мне и дала такой совет. Сделай это в тайне от слуг. Не верные они... Обшаривают все вокруг вороватыми глазами. А я помогу надежно добро закопать...

Артемиха почему-то сразу поверила страннице. Как только драгоценности оказались в земле, старуха распрощалась с хозяйкой. А вскоре в сад нагрянули воры и откопали три из четырех кладов.

Разъяренная Артемиха приказала нещадно пороть пропавших налет слуг и в первую очередь — сторожей. Для расправы наняла специально казаков с Куреневки. Вой и крик стоял в доме такой, что люди на шумном Житном торге испуганно крестились.

КрОВАВАЯ ПОРКА подействовала не только на наказанных, но и на саму Артемиху. Она частично лишилась памяти. Однако о том, что в ее огромном саду еще остались сокровища, не забыла. А вот где именно они спрятаны, вспомнить не могла.

Стала хозяйка дома самолично копать в земле, но драгоценности не попадались. От этих безуспешных поисков она и свихнулась.

Паломницу-советчицу обнаружили на следующее утро после кражи задушенной, в канаве, неподалеку от Житного рынка. Возможно, старуха не сообщила вора, где спрятан в саду четвертый клад, и за это поплатилась...

Скрыться не успел

После смерти Артемихи охотники за сокровищами не раз перекапывали некогда принадлежавший ей земельный участок. Удача никому не улыбнулась.

И вот в 1823 году золотые украшения с изумрудами и жемчугами оказались у торговца Назара. Случайно ли он наткнулся на них или специально искал, неизвестно.

Решил торговец не сообщать властям о находке. Перенес клад в свою хату и стал грезить и размышлять, как заживет по-новому — богато и счастливо — и на что потратит капитал.

Но у найденных сокровищ есть свойство: любят они взять власть над своим хозяином. Не дают владельцу покоя радостными и в то же время тревожными думами, заставляют каждый день любоваться собою и досаждают самому себе вопросами: когда же ты начнешь тратить нас, гулять вволю и жить широко?..

Попал под власть клада и Назар. Забросил он свою обычную торговлю и стал потихоньку сбывать драгоценности.

Вскоре среди киевских ювелиров и скупщиков драгоценностей пошли разговоры: откуда у заурядного, второстепенного торговца такие дорожные украшения? Их настоящей цены он не знает и явно темнит, когда отвечает, что драгоценности достались по наследству.

Стали к Назару набиваться в приятели какие-то сомнительные личности. До поры до времени новоявленный владелец сокровища уклонялся от настырных незнакомцев.

Наверное, понял Назар, что надо подбру-поздорову уезжать из Киева. Все чаще ловил он на себе подозрительные и завистливые взгляды соседей.

Но скрыться не успел. Как и старуху паломницу, его обнаружили задушенным. Но только не в канаве, а в погребке собственной хаты. Убийцы, видимо, торопились и впопыхах обронили серьгу с прекрасными изумрудами.

В чьи руки попали украшения Артемихи, полиции выяснить не удалось, и обывателям оставалось лишь строить догадки да высказывать предположения о судьбе пропавших сокровищ.

Самые известные в Киеве

В XIX и в начале XX столетий киевские рынки были не только местом торговли. Сюда приходили развлечься, услышать городские новости и сплетни, обменяться по разному поводу мнениями, людей повидать и себя показать, встретить знакомых, расспросить приезжих о событиях, происходящих вдали от Киева.

На базарах в те времена можно было побриться и постричься, выпить и закусить, получить консультацию от целителей и перекинуться в карты, потолковать со свахами о женитьбе или замужестве и поглазеть на выступления бродячих артистов.

В 1900 году известный украинский писатель Василь Стефаник весьма нелестно описал подобное выступление: «На базаре стоит балаган; в нем играют какие-то страшные музыканты, с его полотен страшные звери ощеривают зубы, и какая-то восковая девушка гремит в звенящие тарелки. А перед балаганом в пестрых нарядах стоит сельский люд и смотрит. Вся толпа вперилась глазами в деревянного шута, который выскакивает из крыши балагана и, размахивая руками, зазывает всех на представление. Смех, шум, хохот до слез.

Из балагана выходит деревянная девушка и обнимается с шутком. И смеха этого на рынке столько, что у всех уши закладывает, что чиновники в канцеляриях вскакивают с кресел. <...>

Старые мужики тянут сыновей и их молодух за плечи, чтобы идти за покупками, а те и не помышляют оставлять

забаву. Только под вечер народ расползается и оставляет пустой грязный базар...»

Самыми известными киевскими базарами в XIX и в начале XX веков были рынок возле Десятинной церкви, который называли Бабин, или Бабий, Торжок; Крещатицкий базар; Житный торг и Толкучий рынок на Подоле; базары на Печерске. Все они манили, притягивали к себе не только торговцев и покупателей, но и уголовников.

Особенно популярным в воровском мире Киева считался Толкучий рынок на Подоле. Здесь собирались карманники, налетчики, уличные грабители, домушники, чтобы обменяться новостями и приглядеться к «заезжим фигурам». Высматривали они иногородних торговцев и состоятельных людей, выясняли, в каких гостиницах или постоялых дворах те остановились, и наводили справки об их финансовом состоянии.

Шарили по карманам на Подольской толкучке лишь начинающие воришки.

Карты базарных «схованок»

В любом богатом на клады городе обязательно появляются карты с указанием, где, на какой улице, в каком доме, саду или колодце спрятаны сокровища. Как правило, значительная часть подобных карт — грубая или мастерски изготовленная подделка.

Продавались они из-под полы и на знаменитой Подольской толкучке. Наметанным глазом жулики выбирали покупателя. В основном это были гимназисты с мечтательным взором, еще не ветхие господа с полыхающими «от куража и азарта очами» и состоятельные, недоверчивые, но падкие на шальное богатство селяне.

Вторить «шванковую карту» романтическим гимназистам и азартным господам в штиблетах жуликам не составляло особого труда.

А вот с «брюхатыми куркулями» приходилось долго возиться. Потому среди торговцев подделками считалось особым шиком убедить богатого селянина. Прямо на база-

ре для этого разыгрывалась целая «комедия» с участием нескольких «артистов».

Обычно подходил к приезжему опрятно одетый человек, по виду провинциальный учитель или мелкий чиновник, и тихо, будто пару дней ничего не ел, заводил разговор:

— Простите, что остановил вас и отнимаю время... Но в этой толпе мне не к кому обратиться... Я сразу почувствовал: вы истинный ценитель старины и всего изящного!..

Состоятельный селянин удивленно выпучивал глаза от таких слов, но, как правило, не отталкивал стеснительного, вкрадчивого незнакомца.

— Ну?! Шо надо?..

— Понимаете... Мне достались, волею судьбы, по наследству старинные карты Киева, на которых указаны места, где спрятаны сокровища. Вот, поглядите...

Незнакомец ловко выхватывал из-под полы сложенный лист старинной бумаги, боязливо озираясь, совал его под нос селянину и шепотом пояснял:

— Это Аскольдова могила. От нее пять шагов к Днепру, а затем — одиннадцать шагов вправо, и — копать в половину вашего роста...

— И шо будэ, як выкопаты?..

Продавец карты от подобного вопроса жмурился, делал многозначительную паузу и припадал к уху собеседника:

— Золото Владимира Мономаха — вот что будет!.. По самым скромным подсчетам, его там на два воза наберется.

— А чего ж ты, шановный, сам не добудешь то золото? — отстранялся и смотрел с подозрением селянин.

— Вы на мои руки взгляните, — горестно отвечал владелец карты и печально сам взирал на свои, подозрительно синие, ладони. — Медомуколоботрантус — одним словом...

— Шо?..

— Неизлечимое разжижение костей, — обреченно пояснял торговец. — Этими руками не то, что выкопать яму, лопату поднять невозможно... К тому же, сударь, я сегодня должен отправиться на лечение в Мариуполь.

Но не так-то просто было прошибить тертого, зажиточного селянина.

Пока он сопел, разглядывал карту и синие ладони, пораженные загадочной болезнью, в игру вступал еще один «артист»:

— Месье Непейвода!. Месье Непейвода!.. Как же так?! Это никуда не годится!.. Вы нарушаете нашу договоренность!.. — К торговцу и потенциальному покупателю подсакивал возмущенный господин. — Я, конечно, глубоко скорблю по поводу вашего неизлечимого заболевания, но ведь вы же обещали!..

Владелец карты в ответ гордо вскидывал голову, и глаза его еще больше наполнялись страданием, словно он собирался декламировать самые печальные стихи Семена Надсона.

Но вместо горестных поэтических строк звучал прозаически обвинительный монолог:

— Мне горько произносить это, но вы бесчестный человек, господин Мендельсон!.. Неделю назад вы приобрели у меня карту с обозначением клада у Лютеранского кладбища. При этом вы дали мне слово, что половину найденных сокровищ пана Вишневецкого передадите на содержание сиротского приюта. А два дня назад целый воз добытых вами драгоценностей отправлен из Киева в неизвестном направлении. Однако сироткам так ничего и не досталось...

От этих обличительных слов господин Мендельсон бледнел, хватался за сердце и сокрушенно бормотал:

— Простите... Простите, месье Непейвода... Я в самом деле совершил бесчестный поступок. Позарился на дом в Париже и на пятьсот десятин с винокурней под Херсоном. Мне теперь остается только...

Господин Мендельсон неожиданно обрывал свое покаяние, разворачивался и уходил — то ли кидаться с высокой кручи в Днепр, то ли стреляться, то ли вывозить киевских сироток в свой новый дом в Париже.

А ошарашенный недоверчивый селянин провожал горестную фигуру Мендельсона сочувственным взглядом.

«Темнота все скроет»

Как правило, после такой душераздирающей сцены раскаяния, селянин соглашался приобрести карту. И давал

обещание щедро поделиться найденным добром с сиротами, убогими и обездоленными.

Иногда перед встречей с продавцом аферисты запускали в дело гадалку.

— Постой, красавчик!.. Погоди, ласковый пан!.. — подсакивала она к намеченной жертве. — Не пройди мимо своего счастья и богатства!..

Гадалка смотрела с таким восторгом, а «золотое» монисто ее так сверкало на солнце, что пройти мимо не было сил.

— Не возьму, красавчик, с тебя денег за предсказание. Лишь прошу, когда оно сбудется, не забудь про меня. Подари одну тысячную часть сокровища, каким завладеешь через два дня. Высоко взлетишь и долго будешь счастливо парить, ненаглядный соколик! Главное — сейчас не пройди мимо своего счастья...

Селянин радовался, что у него не выпрашивают денег за предсказание, потому и верил гадалке.

Конечно, новоявленный владелец поддельной карты отправлялся на поиски сокровищ, стараясь не привлекать к себе внимания.

«Ночная темнота все скроет», — наивно полагал незадачливый кладоискатель. Но ошибался.

Едва его лопата вонзалась в землю, как один из продавших фальшивую карту, сообщал полиции:

— Господа! Какой-то подозрительный дядька яму копает. Добрый человек не будет по ночам этого делать. Видать, бомбист или фальшивомонетчик землю ковыряет...

Незадачливого кладоискателя забирали в околоток. Заветную карту он стражам порядка не показывал. Верил: пройдет немного времени, и ему снова удастся побывать в Киеве, и уж тогда наверняка, отыщет сокровище!..

Если полиция всего лишь мирно выпроваживала кладоискателя из города, то киевские обыватели относились к «ночным копателям» не так благодушно. Случалось, когда дело происходило на кладбищах или вблизи храмов, торговцы фальшивыми картами будили криками жителей соседних домов:

— Поднимайтесь, добрые христиане!.. Нигилисты — прислужники дьявола — могилы раскапывают! Над усопшими хотят глумиться!..

От такой тревожной вести просыпался и стар и млад. Хватал народ колья или что-нибудь потяжелей и мчался справляться с изуверами.

Что ожидало незадачливого кладоискателя, если тот не успевал убежать? В лучшем случае: рожа — в кровь, карта — в ключья, одежонка — в рваньё. А бывало, и ребра трещали, и кости ломались, и рты беззубыми становились... Тут уж надолго пропадали мечты о чужих сокровищах!..

И во всех случаях не было повода в чем-то обвинять аферистов. Иногда пострадавший кладоискатель снова заявлялся на Подол и встречал на Толкучке знакомого торговца.

Конечно, возникали смутные подозрения:

— Постой-ка, любезный!.. Ты же пару дней назад соби-
рался в Мариуполь на лечение... Неужто выздоровел?

— Да что вы, сударь... — ничуть не смущаясь, отвечал аферист. — По-прежнему кости мои разжижаются от проклятого Медомуколоботрансуса... А вот лечение в Мариуполе непомерно возродожало. Отложенных денег теперь не хватает, вот и приходится последние старинные документы продавать...

По-разному расходились пути-дорожки подобных продавцов и покупателей, но неизменным было одно: приобретатель липовой карты сокровищ всегда проигрывал.

Кажется, лишь единственный случай нарушил это правило.

Очередная потеха на Подоле

Приехал в Киев зажиточный крестьянин с Полтавщины. Звали его Панас. Хотел он выведать, что можно привезти сюда на продажу.

Кто-то из земляков сообщил ему, что в Киеве поросята, утки, гуси и подсолнечное масло стоят раза в полтора дороже, чем на родной Полтавщине.

Первым делом отправился Панас на Подол, вначале на базар, где продавали сельхозпродукцию, а потом на Толкучку. Видимо, решил поглазеть на товарное изобилие и что-нибудь прикупить себе и своим близким.

Добродушный полтавчанин сразу привлек внимание околачивающихся на Толкучке урок и аферистов.

— Олух, жмыкрут, остолоп, раззява, — однозначно оценили они Панаса.

— Тю-ю, да такого жирного блазенья любой шкет подденет... Даже не интересно бисер перед ним метать...

— Ну, раз уж залетел к нам куркуль расфуфыренный, надобно его пощипать. Пусть запомнит Киев-батьку и его сестренку Толкученьку, — порешили аферисты.

— Здорово, дядько! — подвалил к полтавчанину один из них. — Хочешь загрести по-быстрому телегу золота?

— А кто ж не хоче?.. Покажь мне такого дурня, — тут же выпалил Панас.

— Толковый ответ, — кивнул аферист. — В общем, так, дядя, есть у меня старинные карты, а в них обозначены места, где зарыты сокровища всяких богатеев.

— И много того добра? — заинтересовался полтавчанин.

— О-о, дядя, так много, что ты себе из чистого золота хату замостырить сможешь. Да еще свинарник в придачу... Даже здесь, на Толкучке, имеются древние схованки с сокровищами. Ходит народ, суетится и не подозревает, что у него под ногами. А на карте все обозначено, где какая схованка и чем она богата. Вот, погляди...

— А чего ж ты сам?..

Прыткий торговец не дал договорить приезжему.

— Знаю, знаю, дядя, о чем спросить хочешь... Не судьба мне землю киевскую копать. Поскорей смываться отсюда надо. Променял я свою волю на шальную жизнь. Печалются все мои братки-товарищи по тюрьмам и каторгам, и мне того не миновать. Ухожу из Киева по святым местам странствовать, каяться и грехи замаливать... Вот напоследок и решил доброе дело хорошему человеку сделать. Отдаю за пустяк самое ценное, что у меня осталось от непутевой жизни...

— Ну, давай свою цедулю, злочинец бедолашный, — сочувственно кивнул Панас. — Та шо ты мне одну, все из-за пазухи вымай...

— О, да ты, дядя, хваткий, как я погляжу. Своего не упустишь, — радостно отозвался торговец. — Отдам тебе все бесценные документы с превеликой скидкой...

Неспешно осмотрел полтавчанин карты, пожевал ус, запрокинул голову и застыл с открытым ртом, будто хотел увидеть в небе нечто важное и чудесное.

— Ну, ты чего загляделся? Одарку свою в облаках приметил? — наконец не выдержал торговец.

Панас не удостоил его ответом.

— Эй, дядя, не с руки мне тобой любоваться. Кругом урки востроглазые шныряют, и филеры добычу вынюхивают.

— Не цяпай меня, видишь: я думку думаю, — невозмутимо ответил Панас.

— Так побыстрей встряхивай мозги!.. Солнце уже садится... Ох, до чего ж ты нерасторопный, дядя. С тобой и грехи свои замолить не успею. Так и помру неочищенным...

Наконец полтавчанин соизволил перевести свой глубокомысленный взгляд с небес на землю:

— Ну, слухай сюда, горемышный. Беру я все твои цедулки...

Торговец не смог сдержать радостную улыбку:

— Да ты ловкач, дядя!.. Любимчик удачи!.. Ей-ей, скоро самые кондовые богатеи Киева по сравнению с тобой покажутся нелепыми замухрышками. Не забудь тогда меня, грешного, помянуть добрым словом...

Не только аферисты и жулики, но и многие базарные торговцы потешались и зубоскалили тогда над незадачливым полтавчанином:

— Ну и влип олух деревенский!..

— Ох и крепко взгреет его баба!..

— Интересно поглядеть, как этот дурень будет землю копать, а потом проклинать день, когда в Киев надумал ехать.

— А уж как он станет рыскать по городу — продавца липовых карт искать!.. Вот посмеемся!..

Таинственный сундучок

Пока обитатели Толкучки веселились, предвкушая фиаско полтавчанина, тот невозмутимо делал, что задумал. Вначале купил кирку и лопату и несколько мешков. Затем уселся прямо на землю, неподалеку от Толкучки, раскрыл торбу со снедью и неторопливо принялся обедать.

Зная, какой удар вскоре ждет этого сельского простака, даже самые наглые и голодные нищие не кланчили у него подаяние.

После сытного обеда Панас ненадолго вздремнул. И тут к нему отнеслись с сочувствием. Ни один жулик не позарился на его торбу со снедью и на оттопыренные карманы. А может, вовсе не сострадание, а ожидание скорой потехи остановило их.

Проснулся Панас уже в сумерках. Потянулся, протер глаза и безмятежно улыбнулся.

Пустынней, тихой и неприветливой сделалась торговая площадь.

«Самое время искать клад! Никто не помешает...» — подумал полтавчанин.

И не предполагал он, по своей наивности, что за ним наблюдают десятки насмешливых, озорных, ехидных глаз.

Нашел Панас место, где, согласно пометке на карте, зарыт клад, и принялся за работу.

— Вот дурунь!.. От тэлэп застукатый!.. Даже не там копает, где указано, — с усмешкой пояснил приятелям торговец картами.

Он тоже наблюдал из укромного местечка за ходом событий, надеясь в эту ночь от души посмеяться над своей жертвой.

А ничего не подозревающий Панас уже всюю орудовал киркой и лопатой.

— Любезный, аль потерял что? — неожиданно раздался голос над головой.

Вздрогнул полтавчанин и разогнулся. Перед ним — городской. Даже в темноте было видно, как весело сверкают глаза

у служивого. Еще днем обитатели Толкучки нашептали стражу порядка о недотепе — охотнике за сокровищами.

— Неужто ценность обронил впотьмах? — с деланным сочувствием снова поинтересовался городской.

— Ищу клад, — охотно пояснил Панас и снова принялся орудовать лопатой.

— Ну-ну, копай поглубже, — посоветовал служивый и не сдержал усмешку.

— Та уже нашел!.. — тут же отозвался полтавчанин. — Ох и тяжелая скрыня!.. Сколько ж в ней добра?..

Городской хотел было пошутить, но, к своему изумлению, увидел в яме отделанный железом сундучок. Не из дешевых... Сразу видно: пустяки в таком не станут хранить.

А сам охотник за сокровищами уже удовлетворенно поглаживал да постукивал по крышке своей находки.

— Что ж ты, любезный?.. Отпирай!.. — едва слышно произнес осипший от внезапного волнения городской.

— Та дома отопру, — устало ответил Панас.

— Зачем ждать?.. А вдруг в этом сундучке одни черепки да ржавые железки?.. Не стоит зря надрываться...

Полтавчанин упрямо покачал головой и снова постучал по сундучку:

— В карте написано, что здесь золото и всякие диаманты, — значит, так оно и есть...

Наивность собеседника поразила стража порядка, но он не отступал:

— А ты все ж-таки погляди, какие-такие драгоценности в сундуке?

— На шо глядеть? Золото оно и есть золото, — беспечно махнул рукой Панас. — Ты бы, служивый, нанял мне извозчика, а то тяжело такую скрыню переть на горбу!..

От волнения городской позабыл, что ему нельзя далеко отлучаться от своей полосатой будки.

— Сей момент, любезный! — заверил он и мигом исчез в темноте.

А тем временем затаившиеся зрители совещались:

— Кажись, что-то нашел, балда неотесанная... Только не разглядеть впотьмах.

— Может, сходим посмотрим, чего привалило этому остолопу?..

— Рано еще... Как начнет выть и волосы на себе рвать от горя — так и подойдем. Вот умора будет...

— А вдруг что-то стоящее попалося ему?.. Видал: возит-ся с каким-то ящиком.

— Да что тут может попасться? Черепки, сломанные подковы да ржавые гвозди... Карта ведь туфтовая...

Неожиданно быстро городской справился с поручением. Вернулся он в бричке, запряженной парой лошадей.

С его помощью Панас установил на кожаное сиденье свою находку и приказал кучеру:

— А теперь давай гуцуй до Полтавы! Та не гони, как скаженный. В такой темноте еще не туда завернешь!..

— Шуткуешь, барин? — изумился кучер. — Знаешь хоть, шановный пане, сколько стоит — до Полтавы?

— Не обеднею и тебя не обижу, — ответил Панас и обернулся к городовому. — А это тебе, служивый, за оказанную услугу, — и протянул какую-то бирюльку, только не деревянную, а металлическую.

Взглянул на нее городской и недовольно подумал: «Мог бы и рубликом серебряным одарить... Ну да ладно, авось, завтра эту пустяковину поменяю на бутылку винца...»

А вслух произнес:

— Приезжайте еще в Киев, будем непременно рады!..

— Обязательно приеду! — радостно отозвался Панас. — У меня ж полна пазуха цедулек с обозначенными сокровищами!..

«Не может быть!»

Едва бричка отъехала, как городского окружило несколько человек.

— Испортил, олух деревенский, потеху!.. — с досадой произнес торговец картами.

— Ишь, лихо как укатил. Будто и в самом деле клад нашел... — отозвался один из его подельников.

— Что он хоть нашел?

Городовой развел руками:

— Какой-то старинный сундук, железом окованный...

— Пустой?

— Да нет, полный. Вдвоем — и то с трудом — подняли его в пролетку...

— Так, может, в сундуке ненужный хлам? — с надеждой предположил торговец поддельными картами.

— Как вернется он в Киев остальные клады выкапывать, сам у него и выяснишь, — пробурчал городской и достал из кармана металлическую бирюльку. — Вот, за усердие сунул мне, хват полтавский, пустяковину.

Взглянул торговец картами на «пустяковину» и аж затрясся от огорчения:

— Братва! Не может быть! Да это ж чистое рыжевье, да еще со вделанными слезками. Шут знает, сколько в них каратов!

— И впрямь — золото и бриллианты, — подтвердил кто-то из собравшихся. — Эх, повезло тебе, служивый! Цена этой штучки — не меньше твоего жалованья за полсотни лет!..

Хоть и оторопел городской от такого известия, но тут же спрятал неожиданное богатство в карман. Так и дежурил всю ночь, прижимая ладонь к карману.

А торговец картами будто умом тронулся — начал приговаривать одно и то же:

— Нет, этого не может быть... Она же понтовая, сам рисовал ее... Не может быть... Слышите, братцы, ведь понтовая карта!..

Зависть так доконала торговца, что вскоре он угодил в дом умалишенных. Целыми днями он рисовал схемы расположения киевских кладов, кидался их разыскивать, но дюжие санитары не дремали и вовремя пресекали его потуги.

Неудачная погоня и прозорливый истопник

Жулики, что орудовали на Толкучке, вскоре отправились в Полтаву на поиски Панаса. Однако опоздали. Соседи удачливого кладоискателя сказали: он уже в Киеве,

ищет сокровища. Но и в Киеве его не удалось найти. Городская молва донесла, что ловкий полтавчанин по своим картам отыскал не один клад и отбыл в Крым.

В Крыму жуликов тоже постигла неудача. Местные воры сообщили: «фраер-везунчик» отчалил в Стамбул. Хотели его обчистить крымские урки, да уж больно бдительным оказался Панас. Так и улизнул целехоньким со своим добром.

И в Стамбуле полтавчанина не оказалось. Отправился он то ли в Марсель, то ли на Корсику. Гнаться за ним туда у киевских жуликов уже не было средств. Так ни с чем и вернулись в родной город.

На Подоле они старались не появляться. Недавно здесь потешались над простаками, покупавшими поддельные карты, теперь посмеивались над ними.

А рисунки их товарища — постояльца дурдома — не исчезли в печном пламени. Истопник заведения оказался прозорливым хлопцем. Собирал, собирал он странные карты и схемы безумца, а через четверть века стал продавать их на толкучке. В двадцатых годах прошлого века в Киеве и не такой товар появлялся.

И зажила каждая карта сокровищ, нарисованная безумцем, своей жизнью, наполненной бедами, забавными и таинственными эпизодами.

И в наше время...

*Наткнулся на золото — не торопись
овладеть им, оглянись трижды: нет ли
за ним недоброй силы.*

Из наставления старателей

«Займемся землей!»

Для Киева, как и для многих городов Украины, первая четверть XX века была ознаменована не только большими политическими и экономическими переменами. Первая мировая и Гражданская войны, интервенция, неоднократная смена власти способствовали появлению в городе новых кладов. И никакие беды и грозы не уменьшили активность упорных и неугомонных искателей сокровищ.

Как и в прежние времена, в XX столетии в Киеве появлялись поддельные карты и записки, ходили по рукам и настоящие документы с обозначением тайников, возникали слухи и предания о спрятанных богатствах.

Примерно в 1909 или в 1910 году на одной даче в Дарнице состоялось собрание аферистов.

Молодой, но уже весьма авторитетный жулик, прозванный Микеланджело, выступил на нем с речью:

— Господа!.. Во многом наше творчество посвящено прекрасному — еще не найденным со-

кровищам далекого и близкого прошлого. Мы, безусловно, романтики, верные служители музыки чарующего сияния — вечной покровительницы золота и драгоценных камней. Благодаря нашему творчеству серый, будничный мирок обывателя становится ярким, волнующим, азартным. Но всегда ли наше творчество соответствует нынешней эпохе, научно-техническому прогрессу? Увы, господа, иногда мы шагаем не в ногу со временем. К примеру, не должным образом нами используются газеты и журналы... Еще полтора столетия назад один мудрый человек сказал: «Зачем самим охотиться за кладами, когда без всяких поисков можно делать на них деньги. Мы так и поступаем, но по-прежнему не дружим с газетчиками. А ведь прессу читают сотни тысяч людей!.. Слухи о спрятанных драгоценностях надо порождать, выращивать, лелеять, размножать. Делать их привлекательными. И тогда они станут нашими щедрыми кормильцами!..»

С этого собрания и выступления Микеланджело на дарицкой даче аферисты активно стали использовать прессу. Они принялись тщательно отслеживать все публикации о кладах и готовить с помощью журналистов газетные сообщения о найденных сокровищах.

Микеланджело и его подельники передавали репортерам легенды, предания, воспоминания о старинных драгоценностях. Видимо, были у аферистов расторопные помощники, собиравшие эту информацию.

С той поры в прессе нередкими стали сообщения о счастливых находках в городе: «...Мещанин Ф.С. Милитяев приобрел по случаю старинный план Киева. На нем крестом отмечено место сокрытия сокровищ гетмана Ивана Самойловича. Оный клад был зарыт на Кловской возвышенности в 34 саженьях от I Киевского Епархиального училища. В указанном месте Ф.С. Милитяев обнаружил деревянную шкатулку, завернутую в истлевшую рогожу, а в ней золотые серьги, 2 золотых креста на цепочках и несколько необработанных великолепных изумрудов...»;

«...В это лето снова дали о себе знать клады на Печерске... Еще в 1851 году, при устройстве новой Печерской

крепости, найден был глиняный сосуд, в котором находилось от двух до трех тысяч серебряных диргемов абассидских, тигиридских и саманидских. Самый древний из них 771 года бит в Богдаде, а новейшие, битые в Самарканде и Балхе, относятся к 905 или 906 году...;

На уступе горы Никольского монастыря, склоняющейся к Днепру, найдено было 25 серебряных диргемов абассидских, саманидских и умеядских X века. В 1706 году, при закладке Киево-Печерской крепости гетманом Мазепою, найдено было 2380 куфических монет X века...»;

«...При устройстве канализации, в месте пересечения Сретенской и Мало-Владимирской улиц, найдены горшок, прикрытый железным кружком, а в горшке 6 целых и 2 поломанные серьги киевского типа, серебряный медальон, браслет из серебряной широкой бляхи с арками на колонках и изображением чернью фантастического зверя.

А нынешней весной, вдова слесарных дел мастера Тищенко откопала неподалеку от того места, под полуразрушенной стеной, еще один горшок с ценностями, гораздо богаче вышеназванных. В нем находилось 2 золотых перстня, 2 золотые пластины неизвестного предназначения и 96 серебряных монет...»;

«В марте сего года киевский ремесленник С.Ф. Семенов приобрел весьма неприглядный участок с развалившимся домом, вблизи дачи известного издателя С.В. Кульженко. Местность эта в Приорке прозвана в народе "Кинь-грусть". Родственники господина Семенова недоумевали — зачем он купил землю, непригодную для разведения сада и огорода. На что тот отвечал им: "Скоро узнаете, как надо выгодно вкладывать средства... Сам знаменитый разбойник Кудеяр в старину для меня постарался. О том есть документ, на Подоле приобретенный..."»

«И самому невезучему улыбалась удача»

Далее в заметке сообщалось, что напористый Семенов, не обращая внимания на шуточки и насмешки родственников и соседей, принялся искать на своем участке, под раз-

валинами древнего строения, сокровища известного разбойника XVI века.

Вера в чудо и целеустремленность были вознаграждены. Атаман Кудеяр не мелочился и оставлял богатые клады. Благодаря ему новый владелец неплодородного участка земли стал обладателем «...4 золотых кубков, двух серебряных блюд, 86 золотых монет, кинжала с серебряной рукояткой, украшенной рубинами и бирюзой, 7 перстней и 2 цепей из червонного золота, кожаного мешочка с большим количеством необработанных алмазов...».

Конечно же, весть о такой находке облетела весь Киев. Никто не задавал вопрос: а как власти отреагировали на сокровища, найденные Семеновым? Самые доверчивые горожане кинулись на Толкучку, к антикварам и букинистам. Спрос на старинные карты с указанием кладов резко возрос.

Микеланджело и его поделщики ликовали. Их подпольная «мастерская ветхих документов» заработала вовсю. Аферисты не скупились: нанимали художников, гравиров, историков, филологов, покупали старую бумагу, изготавливали чернила по рецептам давних времен.

Однако находились и недоверчивые киевляне. Они отправлялись в Приорку, чтобы встретиться и лично побеседовать с удачливым господином Семеновым.

Вместо кладоискателя их встречали нанятые аферистами старухи, которые охотно поясняли дотошным приезжим:

— Вон за тем забором и отыскал наш ненаглядный кормилец богатящие сокровища...

— А где же сам счастливец?

— Убыл мармеладный наш не то в Германию, не то в Англию. Как загрузил полный тарантас золотом, так и отправился мир поглядеть и знатно развлечься. Даже земельку свою не успел продать. Поручил это сделать родственникам...

От этих слов и самые недоверчивые задумывались:

— А может, стоит попробовать?.. Повезло же какому-то придурку!..

Приветливые и весьма информированные старухи охотно сообщали адресок, где проживают родственники господина Семенова.

Внезапно возникшее стремление купить участок побеждало недоверие. Желаящие мгновенно разбогатеть мчались по указанному адресу.

На квартире, снятой в районе Крещатика, покупателей поджидал Микеланджело.

— Я действительно имею поручение от господина Семенова. Извольте ознакомиться с купчей!.. — деловито предлагал он.

Пока потенциальный покупатель просматривал документы, аферист рассказывал о кладах:

— Богата киевская земля!.. Золото, серебро, драгоценные камни можно отыскать на каждом шагу. Далекие предки изрядно для нас постарались... И самому невезучему в любом месте улыбалась удача. Сколько раз бывало, когда самый нерасторопный тюфяк враз богачом становился!..

Для того чтобы удовлетворить всех желающих, а вернее побольше заработать на простофилях, Микеланджело и его поделщики через подставных лиц приобрели десятки участков в Приорке. И каждый из них выдавали покупателям за владение господина Семенова.

Где же тот дом с сокровищами?..

Когда по завышенным в несколько раз ценам участки в Приорке были распроданы, аферисты съехали с квартиры.

К этому времени Микеланджело приобрел в Киеве несколько заброшенных, полуразвалившихся домов и пустырей. И снова в газетах стали появляться сообщения о кладах: «На Елизаветинской улице, в доме под снос, остановились на ночлег двое нищих. В темноте один из них оступился и упал. Трухлявая половица под его рукой проломилась, и его ладонь уперлась во что-то холодное и твердое...

Когда рассвело, нищий заглянул туда... Какого же было изумление оборванцев, когда они извлекли тяжелую шкатулку. Еще большее удивление вызвало содержимое этой шкатулки. В ней хранилась золотая брошь, усыпанная мел-

кими бриллиантами, орден иностранного происхождения, украшенный драгоценными камнями, четыре золотых табакерки, набалдашник трости из серебра и слоновой кости, низка золотых колец и два серебряных портсигара...

Вот так, в одночасье, бездомные нищие сделались состоятельными господами...»

На следующий день после этой волнующей публикации на Галицком базаре Киева появился опрятный, похожий на отставного чиновника старик.

— Господа!.. — робко обратился он к продавцам и покупателям. — Вчера я непонятным образом вошел в один ветхий дом, неподалеку от Галицкого базара... Кажется, все жильцы съехали оттуда. Там, в подвале, я обнаружил тайный ход в подземелье. Любопытство заставило меня спуститься...

— Ну и что там увидел? — перебили самые нетерпеливые слушатели. — Неужто несметные богатства обнаружил?..

— На графа Монте-Кристо дедок не похож!.. — ответили им острословы.

А странный человек продолжил:

— Не знаю, какие там богатства, но два сундука в подвале дома я все-таки обнаружил...

— Так чего ж не раскрыл их? А вдруг они золотом набиты?!

— Пробовал... Не получилось. Замки слишком крепкими оказались. Зато рядом, на полу, я обнаружил золотую монету. Может, из сундуков выпала, когда их закрывали?..

— Ну и где ж та монета?

— Да вот же она! — человек раскрыл ладонь и поднес к глазам зевак.

— Ишь ты — и в самом деле золотой!..

— Гляди-ка, не врет чужак!..

— А где же, любезный, тот дом с сокровищами?

— В том-то и дело, что я позабыл. Помню: двухэтажное, весьма ветхое строение, а остальное будто выветрило. Помогите, господа, отыскать!.. Может, кто-то из вас хорошо знает окрестные улицы и дома? В накладе не останетесь...

— Тю, тоже обозначил!..

— Да в Киеве двухэтажных и ветхих домов — уйма! — разочарованно отозвались зеваки. — Ты бы еще чего вспомнил, мил человек.

— Силюсь — и не могу!.. Напрочь развинтило память...

Пока торговцы и покупатели думали-гадали, в какой дом занесло забывчивого старика, в торговые ряды явились два суетливых типа. И бывалые киевляне сразу определили: агенты охраны!..

Они вели себя довольно вежливо и охотно отвечали на вопросы:

— Да-да, господа, этот человек и в самом деле страдает потерей памяти.

— Пришибленный, что ли?

— Нечто вроде этого... А вот насчет подвала и сундуков с драгоценностями — все верно. У нас давно были сведения о сокровищах графа Ляхневского в одном из киевских домов, а этот господин Моисеенков невольно подтвердил предположение. Только, бедолага, не может вспомнить, где находится подвал.

— Так вы этого беспамятного Моисеенкова, того... Допрашивать с пристрастием будете? — сочувственно интересовались зеваки.

— Да что вы, господа! — возмутились агенты. — В Киев приехал известный немецкий врач — специалист по улучшению памяти. Вот начальство и решило подлечить господина Моисеенкова.

Такие словоохотливость и доброжелательность, несвойственные агентам охраны, почему-то не насторожили тертых киевских торговцев и бывалых покупателей. Зато многие из них призадумались: вот бы отыскать тот заветный дом!..

Известное дело: если азартную мысль сразу не отогнать, она берет над человеком власть и вытворяет с ним все, что пожелает.

Новые владельцы старых домов

Весть о случившемся на Галицком базаре тут же облетела город. Откуда-то стало известно, что к загадочному господи-

ну Моисеенкову память пока не вернулась, но доктор-иностранец обещает вот-вот справиться с этой бедой.

В тот же день в Киеве объявились «покупатели двухэтажных ветхих домов». Эти господа — подельники Микеланджело — рыскали по городу в поисках компаньонов.

— Понимаете ли, какая неприятность произошла... — доверительно сообщал намеченной жертве так называемый «покупатель». — Собрался я приобрести с господином Н старый дом на Фундуклеевской. А мой компаньон скончался. Так и не успел, бедолага, внести свою долю. Быстро собрать деньги на покупку я уже не успею. Видимо, уплывет замечательное здание в чужие руки.

— Чем же оно замечательно? — настораживался собеседник.

— Вы разве не слышали, что произошло на Галицком базаре?.. — заговорщицки понижал голос помощник Микеланджело.

— Имеете в виду странного типа, забывшего, в каком доме нашел то ли бочки, то ли сундуки с золотом?..

— Да-да, именно об этом я и толкую. Господин Моисеенков и в самом деле обнаружил клад. Я случайно столкнулся с ним, когда он выходил из пресловутого дома. Затем, услышав его удивительную историю, я тут же встретился с домовладельцем. Разумеется, хозяин строения пока ни о чем не догадывается. Но это вопрос времени. Как только доктора восстановят память господина Моисеенкова... Словом, вы понимаете, почему я так тороплюсь с приобретением неприглядного здания.

— Но ведь можно и без всяких затрат проникнуть туда и заполучить сокровища графа Ляхневского?..

От подобного вопроса на лице афериста появлялось негодующее выражение.

— Э-э, нет, сударь!.. Я законопослушный человек и не могу пачкать свою репутацию бесчестными поступками!..

— Но вы ведь ничего не сообщили о сокровищах нынешнему владельцу дома? — хитровато ухмылялся собеседник.

— Есть маленький грех... каюсь... — виновато и доверчиво улыбался подельник Микеланджело. — Зато перед за-

коном я буду чист, став хозяином недвижимости с кладом. Да и нынешний владелец получит за свою развалюху немалые деньги.

Подобный довод притуплял бдительность жертвы аферистов, и она, как правило, покупала ветхое строение, уже принадлежавшее к тому времени Микеланджело и его поделщикам. Обманутый платил сумму, в несколько раз превышающую реальную стоимость здания.

Кто будет торговаться из-за тысячи рублей, когда впереди возможность обладать миллионным сокровищем!..

Естественно, вступив в законные права, новый владелец дома первым делом искал тайник. Когда выяснялось, что в подвале нет ни бочек, ни сундуков с сокровищами, он отправлялся в полицию.

Там его снова ждал удар. Никакого Моисеенкова стражи порядка не задерживали и не отправляли на лечение. Лишь тогда обладатель строения, годного лишь на снос, понимал, что попал в лапы аферистов.

После успешной и выгодной продажи нескольких развалюх в Киеве Микеланджело и его поделщики на какое-то время покидали город. Вдали от родных мест они прожигали добытые деньги и замыслили новые дела.

Энциклопедия кладов

Незадолго перед Первой мировой войной Микеланджело снова вспомнил о ненайденных сокровищах Киева.

— Не дают они мне покоя... — заявил он поделщикам. — Видимо, недостаточно поимели мы с них навару. Вернее, даже не с самих кладов, а с былей и небылиц о них.

— Пора бы ставить жирное «ша» на спрятанных сокровищах. Киевские фраера давно подняли хай и зудят «тарбар» по поводу наших игр, — ответил один из приятелей. — Сам ведь заявлял, что надо уметь вовремя зажмурить глаза и отойти в сторону от чарующего сияния, а то оно может ослепить и затянуть в темень каторги.

— Я не собираюсь повторять пройденное, — пояснил Микеланджело. — С недвижимостью и с изготовлением

фуфловых карт легендарных сокровищ мы вовремя завязали. Но не дают мне покоя книги о кладях. Видать, дремлет во мне литератор. Каждый год в мире появляется не меньше десятка справочников, пособий о кладях, их описание и история. Ох, сильно и неистребимо желание у человека быстро и без усилий разбогатеть!.. Слышал я от букинистов, что подобные книги хорошо расходятся. Не будем и мы оставаться в стороне от этого мирового процесса. От красивого обмана иногда больше пользы, чем от уродливой реальности. Люди порой, сами того не осознавая, мечтают, чтобы их обманули.

— Уж не в издатели ли ты собираешься податься?

— А почему бы нет?.. На время, конечно... — Микеланджело засмеялся в ответ и пояснил: — Удивим-порадуем народ Всемирной энциклопедией кладов! Станем вровень со стариками Брокгаузом и Эфроном. И главное — на какое-то время у нас будет солидная, легальная «крыша»!

— Но кто будет писать эту энциклопедию? — засомневались приятели.

— А все уже написано, — успокоил Микеланджело. — Мы найдем студентов, они выберут из книг и прессы любые упоминания о кладях. Затем разложат, так сказать, по полочкам полученную информацию — и энциклопедия готова! А наша задача — грамотно запустить весть о новом издании и толково его продать...

Неизвестно, как бы расходилась задуманная Микеланджело Всемирная энциклопедия кладов, но началась Первая мировая война. А она порушила и более грандиозные планы.

Хотя, чем крупномасштабней боевые действия, тем больше людей прячут свои богатства. И в тех землях, которых коснулась Первая мировая, появилось множество новых кладов.

Киев не исключение.

«И будешь богаче прежнего»

Предводитель шайки аферистов Микеланджело был, несомненно, прав в том, что к началу XX века в мире было

издано огромное количество книг о спрятанных сокровищах. Писали знаменитые и малоизвестные литераторы, ученые, исследователи, искатели приключений. Тысячи новелл, очерков, романов, статей рассказывали читателям о кладках.

«...стоит только порыться на сажень в глубину, чтоб быть в золоте по самое горло. <...>

Как не отведать счастья поисками этих сокровищ? Дело, казалось, такое легкое, а добыча такая богатая...» — рассуждал один из героев книги Ореста Михайловича Сомова.

Популярный в XIX веке писатель хорошо знал русские и украинские поверья и приметы, связанные с сокровищами. С древних времен у славян считалось, что большинство кладов невозможно отыскать без разрыв-травы или папоротникового цвета.

«...Разрыв-трава водится на топких болотах, и человеку самому никак не найти ее, потому что к ней нет следа и примет ее не отличишь от всякого другого зелья.

Надобно найти гнездо кукушки в дупле, о той поре как она выведет детей, и забить дупло наглухо деревянным клином, после притаиться в засаде и ждать, когда прилетит кукушка. Нашедши детенышей своих взаперти, она пустится на болото, отыщет разрыв-траву и принесет в своем носике; чуть приложит она траву к дуплу, клин выскочит вон, как будто вышебен обухом; в это время надобно стрелять в кукушку, иначе она проглотит траву, чтоб люди ее не подняли...» — советовал персонаж из книги Сомова.

Приводил писатель и старинный способ добычи папоротникова цвета: «...он цветет в одну только пору: летом, под Иванов день, в глухую полночь <...> ступай сам-третий в лес, в самую глушь. Чтоб вы ни видели, ни слышали, будьте как без глаз и без ушей: бегите бегом вперед, не оглядывайтесь назад, не слушайте ничего и не откликайтесь на зов.

Вас станут манить — не глядите; вам станут грозить — не робейте; все вперед, да вперед, пока не увидите, что в глуши светится; тогда один из вас должен бежать на это светлое, рвануть изо всей силы и крепко зажать его в руке.

После все вы трое должны бежать назад, так же не останавливаясь, не оглядываясь и не откликаясь...

Носи его в ладанке, на груди: тогда все клады и все подземные богатства на том месте, где будешь стоять или ходить, будут перед тобой как на ладони. Захочешь их взять, приложи только папоротников цвет — сами дадутся. Все пойдет тебе в руку и будешь богаче прежнего...»

Подобные сказочные способы и приметы есть у многих народов. Вот только помогают ли они? Как убедиться? Ведь легенды и сказки не проверяются. В них просто верят или нет.

В XXI веке появились различные технические средства для поиска сокровищ. Возникли и новые предания, были и небылицы о кладах, но по-прежнему люди вспоминают и пересказывают легенды и поверья охотников за сокровищами давних времен.

И так же, как в прошлом, в наше время находятся те, кто пользуется доверчивостью и неистребимым желанием людей отыскать клад.

Роковой медальон

А бывает, что драгоценное творение старых ювелиров является ключом к открытию сокровенных тайн и несметных сокровищ.

Предание о Ключе-медальоне

«Заветная хата»

Во второй половине XIX столетия на Нивках процветало известное не только в Киеве увеселительное заведение «Эльдорадо». А невдалеке от него утопала в садах «Заветная хата», или, попросту говоря, тайный игорный притон для состоятельных господ.

По вечерам сюда приезжали богатые помещики, банкиры, фабриканты, купцы. Бывали здесь офицеры и чиновники из знатных аристократических семей.

Неказистое снаружи, внутри строение блистало позолотой, мрамором и хрусталем. Полиция здесь появлялась редко. Не потому, что опасалась недовольства влиятельных посетителей. Стражи порядка не хотели бросать тень на своих осведомителей — владельцев «Заветной хаты».

Кто на самом деле содержал заведение? Об этом не упоминалось даже в полицейских протоколах. В документах стояли имена подставных лиц.

«Заветная хата» не привлекала к себе внимания посторонних — любителей сенсаций. Здесь почти не случалось шумных скандалов. Извозчики, доставлявшие азартных господ, получали особое вознаграждение за молчание. Кого они привезли в «Заветную хату», выпытать было сложно.

Проговорившийся мог лишиться лицензии или вовсе «вылететь» из Киева. Так же не болтала лишнего и прислуга в игорном заведении.

Пропажа реликвии

Но однажды традиционный покой «Заветной хаты» все же был нарушен. Как-то под утро, когда часть гостей уже разъезжалась по домам, а другая еще устало завершала игру за карточными столами, раздался отчаянный крик:

— Мой медальон!.. Так и есть!.. Украли «армелис»!..

Все — от хозяев до привратников «Заветной хаты» — всполошились. Такого позора еще не случалось в изысканном заведении. Кинулись к нарушителю спокойствия. Им оказался молоденький подпоручик, сын весьма уважаемого в Киеве генерала.

— Да что вы так волнуетесь? Никуда не пропадет ваша вещица!.. — принялся убеждать офицера один из владельцев «Заветной хаты». — Видимо, вы ее просто обронили... Сей момент, мы ее отыщем...

Но изрядно выпивший молодой человек стоял на своем:

— Ук-крали, шпаки недомордованные, мой «армелис»... Нет теперь у меня сокровенного ключика... Я найду, найду, кто это сделал!.. Ну-ка, признавайтесь, каналы!..

Подпоручик, чуть пошатываясь, принялся обходить комнаты и окидывать бесцеремонным, пронзительным взглядом оторопевших игроков.

Те отставили карты и начали возмущенно перешептываться:

— Где этот юнец так надрался?..

— Главное — с кем? Ведь он здесь один в таком состоянии... Еле на ногах стоит и несет какую-то околесицу!..

— Не стоит задиристых, несдержанных юнцов приглашать в наше общество...

— С таким позора не оберешься...

А подпоручик вдруг зловеще ухмыльнулся и затянул популярную юнкерскую песню:

*Терпеть я штатских не могу
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками!*

Воинственное песнопение офицера вконец растревожило «Заветную хату».

— Да как хоть выглядит ваш арме... «армелис», или как там его?.. — подступились с вопросами к подпоручику.

— Золотой медальон с шестью камушками... Сокровенная реликвия тайного ордена карпатских скифов... Он — ключ к несметным сокровищам... — отчаянно пробормотал нарушитель спокойствия. — Я пропал... Мне не простят этого...

— Час от часу не легче!..

— Юнец не просто напился, а, кажется, свихнулся...

— Начитался приключенческих романов, вот и несет ахинею!..

— Какой-то орден тайный упомянул. Скифы... Реликвия... Сокровища...

— Видать, доконали молодца книги... А ведь сын почтенных родителей!.. — тревожно переговаривались игроки.

Тем временем один из владельцев заведения завершил с прислугой безрезультатные поиски.

— Весьма сожалею, господин подпоручик, нигде нет вашей драгоценной вещицы. Может, вы ее дома позабыли? Припомните... Очевидно, вам стоит выйти на воздух — освежиться...

Воинственный задор молодого человека угас. Он обреченно махнул рукой и направился к выходу.

Невинная уловка

Когда за ним закрылась дверь, игроки снова заговорили. Нашлись и сочувствующие офицеру:

— Господа, а может, у этого юноши и в самом деле пропал ценный медальон?..

— Неужели вы верите в какие-то реликвии неведомого скифского ордена? В Киеве и без того уйма всяких мистических баек и сказочек!..

— Дело не в мистике, а в пропавшей реальной золотой вещице.

— А была ли она у юнца на самом деле? Чего не наговоришь под парами Бахуса!..

Внезапно разговор посетителей «Заветной хаты» оборвался криками:

— На помощь!..

— Он истекает кровью!..

— Убили!..

Завсегдатаи и прислуга заведения ринулись на тревожные вопли к выходу.

Возле крыльца, уткнувшись лицом в траву, неподвижно лежал подпоручик.

В лунном свете отчетливо было видно, как из перерезанной шеи струится кровь. Все медленнее и медленнее... Правая рука молодого человека тянулась к зарослям кустов, словно мертвый указывал, куда скрылся убийца.

— Смерть произошла не больше трех минут назад, — авторитетно заявил один из игроков. — Злодей не успел далеко уйти...

— Так в погоню за ним!..

— Отыщем душегуба!..

— Не дадим скрыться преступнику!.. — раздались разогретые вином голоса.

— Полноте, господа, в такой темноте мы никого не найдем. Давайте-ка лучше решать, что делать с несчастным подпоручиком, — остановил решительных завсегдатаев игорного дома их более рассудительный приятель.

— А что же еще остается делать? Надо посылать за полицией и доктором!..

— Безусловно, мы так и поступим, — вкрадчиво вмешался совладелец «Заветной хаты». — Но прошу об одном, господа: нельзя подставлять под удар заведение. Ведь его тут же прикроют. И негде будет вам коротать вечера и ночи... Да к тому же всех начнет допекать расспросами полиция. Не дай бог и газетчикам на язычок попадемся. А этим щелкоперам дай только покуражиться над добропорядочными людьми. Разнесут сплетни и слухи по всему Киеву!

— И то верно...

— Так что же вы предлагаете?

— Всего лишь маленькую поправку этого несчастного события. Я прикажу перенести тело бедного подпоручика подальше от нашего заведения, поближе к «Эльдорадо». А вы все должны засвидетельствовать, что молодой человек в хорошем расположении духа еще вечером попрощался с нами и отправился гулять в «Эльдорадо». Разумеется, ни о какой пропаже медальона полиции сообщать не стоит. Согласитесь, юноше мы уже ничем не поможем. А маленькая невинная уловка оградит нас от неприятных разбирательств.

«По своим правилам»

Предложение совладельца «Заветной хаты» было принято.

Убийство офицера, сына влиятельного в городе человека, заставило полицию изрядно потрудиться. Стражи порядка сумели быстро провести расследование, не вызывая особых кривотолков и внимания газетных репортеров, что случалось редко в подобных случаях.

Убийцу подпоручика вскоре «нашли». Козлом отпущения оказался потерявший человеческий облик от постоянного употребления опия грабитель. На каких условиях он взял на себя вину, так и осталось тайной. До суда «раскаявшийся убийца» не дожил: удавился в одиночной камере.

«Заветная хата» еще какое-то время продолжала неприменно существовать невдалеке от шумного «Эльдорадо». Завсегдатаи игорного заведения старались не вспоминать о таинственной гибели подпоручика и о пропавшем золотом медальоне.

Но слухи и сплетни рождаются, распространяются и живут по своим правилам, не всегда понятным людям. И молва о загадочной драгоценной вещице, которую покойник почему-то называл реликвией ордена карпатских скифов, разошлась по городу.

Однако о дальнейшей судьбе драгоценного украшения не было никаких известий.

Дорогой гражданской войны

С легендарной чекисткой и разведчицей Марией Александровной Фортус я познакомился в 70-х годах в Киеве. Хотя и она и я жили в то время в Москве, а родом были из одного города — Херсона.

Мария Александровна появилась на свет в 1900 году в семье банковского служащего. Беззаботное детство ее закончилось в тринадцать лет, когда отец оставил семью. Маше пришлось устроиться вышивальщицей в швейную мастерскую. Несмотря на изнурительный десятичасовой день, она решила продолжать учебу и закончить гимназию экстерном.

В пятнадцать лет Мария стала активно помогать херсонским революционерам-подпольщикам. Ей приходилось выполнять немало заданий большевиков и до 1917 года, и во время Гражданской войны. На способную девушку обратили внимание чекисты и предложили работу в своей организации.

Одно из первых заданий молодой чекистки было связано с изъятием ценностей у местной буржуазии.

— Я не только насмотрелась на украшения из золота, бриллиантов, сапфиров и изумрудов, но и стала немного разбираться в них, — вспоминала впоследствии Фортус. — Никогда не думала, что у местных богачей накоплено столько сокровищ. Экспроприация была крайне необходи-

ма неокрепшей Советской власти. Шла Гражданская война, не хватало оружия, обмундирования и продовольствия для армии. Голодала и беднейшая часть мирного населения.

Когда в Херсоне началось антибольшевистское восстание, руководство местной Чрезвычайной Комиссии поручило Марии доставить часть изъятых драгоценностей в Киев. Два объемистых портфеля с бриллиантами и золотом она должна была пронести через сотни километров охваченной войной Украины. Опасный путь Фортус проделала со своим коллегой Иваном Багненко.

В ЧК им выдали фальшивые документы. Иван и Мария представлялись мужем и женой, пострадавшими от притеснения большевиков. Реквизированные сокровища Фортус прятала в специально сшитом поясе на животе, прикидываясь беременной.

Несколько раз по дороге в Киев их останавливали, проверяли документы, выпрашивали, откуда и куда держат путь. Удача сопутствовала чекистам. Драгоценности удалось сберечь. Хотя золото и бриллианты весили немало и в кровь растерли ее тело, Мария вытерпела боль, и никто не усомнился в ее беременности.

Задание Фортус и Багненко выполнили. Добрались до Киева и сдали ценный груз лично председателю Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии.

Куда потом были отправлены золото, бриллианты, изумруды, сапфиры, доставленные из Херсона, Мария Александровна не знала. Ее это не очень-то и интересовало. Но запомнила она одно украшение: старинный золотой медальон с шестью большими драгоценными камнями. Не склонная к мистике Фортус все же отметила: «было в этом украшении нечто завораживающее».

Еще в Херсоне, когда она составляла опись драгоценностей, не удержалась и открыла медальон. Показалось, будто внутренняя его часть меняет свой цвет: из красноватой постепенно становится фиолетовой.

Юной чекистке стало не по себе. Она закрыла медальон и никому не рассказала о его удивительном свойстве. Попросту говоря, Мария побоялась, что старшие товарищи

начнут насмехаться и назовут ее мечтательной выдумщицей.

После передачи драгоценностей во Всеукраинское ЧК Фортус долгие годы не вспоминала о загадочном ювелирном изделии. Ее жизнь и без того была наполнена тайнами и приключениями.

Встреча в Вене

Во время Гражданской войны не раз ее засылали с опасными заданиями во вражеский тыл. В 1930-х годах Фортус была направлена в Испанию, где вместе со своим мужем — генеральным секретарем компартии Каталонии — и с сыном Рамоном она сражалась против фашистов. Муж и сын ее погибли. Мария Александровна вернулась в Советский Союз и одной из первых женщин закончила Военную академию.

В годы Второй мировой войны Фортус возглавляла войсковую разведку знаменитого партизанского соединения под командованием Дмитрия Медведева. Затем служила в разведотделе штаба 3-го Украинского фронта. Выполняла задания командования в гитлеровском тылу.

О жизни и подвигах Марии Фортус в начале 1980-х годов был снят многосерийный художественный фильм «Салют, Мария!». Роль этой легендарной разведчицы исполнила знаменитая украинская актриса Ада Роговцева.

— Сразу после окончания Второй мировой судьба снова свела меня с большим количеством драгоценностей, — рассказывала впоследствии Фортус. — В Вене, где разместился штаб Центральной группы Советских войск, я возглавила спецгруппу по розыску имущества, принадлежавшего гитлеровцам. В первую очередь нас интересовали изделия из драгоценных металлов и камней и художественные произведения.

Вот тогда-то и всплыл в памяти загадочный золотой медальон с шестью бриллиантами.

Однажды Мария Александровна встретила с бывшим шофером абвера. Фортус запомнила только его имя —

Эрик. Еще до окончания войны он был тяжело ранен и остался инвалидом.

Ничего интересного рядовой водитель не рассказал, и лишь одна мистическая история, о которой поведал инвалид, привлекла внимание Марии Александровны.

Но мистика неприемлема в официальных документах, и воспоминания абверовского шофера остались вне протокола.

Станный интерес агента

В составе особой команды Эрик прибыл в Киев в начале 1943 года. Первое время шофер недоумевал: почему ему, сотруднику военной разведки, приходится заниматься перевозкой ящиков, явно не имеющих отношения ни к оружию, ни к армейскому снаряжению?

Спустя некоторое время Эрик из разговоров офицеров узнал, что особая команда абвера разыскивает в Киеве драгоценные изделия и шедевры изобразительного искусства, а затем отправляет их куда-то в Австрию. Там, в горных пещерах, якобы создано по приказу фюрера временное тайное хранилище.

На какой срок и зачем сокровища прятали в подземелья, шофер так и не понял.

В первые дни пребывания в Киеве ему приказали тщательно изучить карту не только города, но и окрестностей, знать назубок и немецкие наименования улиц, площадей, переулков, и названия их до 1941 года.

Во время оккупации украинской столицы гитлеровская администрация изрядно потрудилась с переименованием городских объектов. Крещатик (при советской власти — улица Воровского) превратился в Айхгорнштрассе; Банковая — в Бисмаркштрассе; Богдана Хмельницкого (при советской власти — улица Ленина) — в Театрштрассе; Энгельса — в Лютерштрассе; Коминтерна — в Банхофштрассе; бульвар Тараса Шевченко — в Ровноверштрассе.

В дни оккупации немало улиц Киева получили имена вождей и известных личностей Третьего рейха.

Абверовский шофер довольно быстро освоился в городе и вскоре знал не только названия, но и историю многих киевских строений. За это Эрика ценили и частенько доверяли ему особые секретные поручения.

Летом 1943 года в Киев прибыл новый офицер абвера. Он пополнил спецкоманду по розыску всевозможных драгоценностей, старинных рукописей и художественных произведений. Но, в отличие от коллег, этот офицер не обследовал подвалы старых домов, не занимался экспроприацией ювелирных изделий, не копался в архивах и запасниках музеев.

Почему-то интересовали его значные места города, барахолки, притоны. В общем, внедрялся он в «пропащее дно» Киева. Новый служащий абверкоманды свободно говорил по-украински и по-русски, «толковал по фене» и знал множество блатных песен.

Пару недель Эрик был приставлен к нему в качестве своеобразного экскурсовода. Ведь к тому времени шофер уже неплохо ориентировался в Киеве. Потом офицер сменил военную форму с погонами гауптмана на гражданскую одежду и стал действовать самостоятельно.

Подслушанный разговор

Один раз Эрик получил приказ увести гауптмана из городской окраины Шулявки. По-видимому, агент Абвера основательно погулял там в каком-то притоне. Он был пьян и весел. А по дороге в штаб даже слегка разоткровенничался.

Правда, откровенность профессионального разведчика заключалась всего лишь в нескольких фразах:

— А знаешь, старина, я все-таки найду этот, трижды проклятый, «армелис»... Даже если он действительно обладает мистической силой и не всякому дается в руки!.. Так что будет выполнено поручение самого...

На этом признания гауптмана оборвались. Видимо, он понял, что сболтнул лишнее, и сумел взять себя в руки. Весь оставшийся путь офицер не проронил ни слова.

Эрик прекрасно понимал: расспросы могут привести его в лучшем случае на передовую, а скорее всего — навечно в тюремные застенки. Так он и не узнал, чье поручение выполнял гауптман и что это за «трижды проклятый "армелис"».

Но незнакомое словечко навсегда засело в памяти.

Осенью 1943 года команда, в которой служил Эрик, покинула Киев. Накануне отбытия шофер случайно услышал разговор гауптмана с командиром абверовского подразделения.

— Не знаю, сколько мне еще торчать в этом городе... С приходом красных в иных условиях предстоит работать, — посетовал гауптман.

— Неужели все из-за какого-то медальона?.. Стоит ли рисковать высококлассным агентом из-за, пусть и невероятно дорогого, но всего лишь украшения? — высказал недоумение командир абверкоманды.

— Э... не скажи!.. — гауптман сделал протестующий жест. — Сам по себе древний «армелис» действительно очень дорогая штука... Даже специалисты пока не могут назвать его истинную стоимость. Но ведь главное не цена медальона с шестью бриллиантами...

Собеседник не дал договорить:

— Да брось ты!.. Наслышан я и о мистической силе медальона, и о сокровищах и таинственном оружии ордена карпатских скифов, к которым он может привести... Но мы же с тобой не верим в оккультистские бредни!..

Чем закончился разговор офицеров, Эрик не услышал. О судьбе агента абвера, оставленного в Киеве, он тоже ничего не знал...

Мария Александровна вспомнила о медальоне с шестью драгоценными камнями, который видела в молодости. Она попыталась выяснить, что означает слово «армелис» и попал ли после освобождения Киева в поле зрения «СМЕРШа» или НКВД загадочный гауптман.

О медальоне узнать ничего не удалось. В освобожденном от гитлеровцев Киеве поймали одного абверовца, но под описание Эрика он совсем не подходил. Другой человек, иное задание...

Еще один земляк

Наверное, я тоже не вспоминал бы о золотом медальоне с шестью драгоценными камнями. Но через пару дней после знакомства с Марией Александровной Фортус в Киеве произошла неожиданная встреча.

И снова — земляк из Херсона. Саша Коваленко давно покинул родной город и работал на стройках Заполярья. А в Киев наведалься повидать своих родственников. Столкнулись мы днем у памятника Тарасу Шевченко, а потом до самой ночи бродили по городу.

Менялись темы разговора, менялись и заведения, где отмечалась радостная встреча. В тот день мы могли себе позволить расслабиться. Относительно свободное время, достаточная сумма в карманах, долгая разлука, а еще — Сашкины приятельские отношения со многими киевскими швейцарами и официантками.

В общем, начали с ресторана «Столичный» на Крещатике. Потом нас занесло в буфет на Труханов остров, а оттуда — в Первомайский парк. Завершился наш поход снова на Крещатике, но уже в ресторане «Абхазия».

Мой земляк с детства собирал газетные сообщения о необычных случаях и явлениях, о загадочных историях прошлого и настоящего. Его родственники и приятели удивлялись, когда Сашка поступил не на журфак, а в строительный институт.

Сам он обычно отвечал на это:

— Ничего... Рано или поздно все же напишу книгу, а может, не одну, о всевозможных тайнах...

Безусловно, такому человеку я не мог не рассказать и о недавнем знакомстве с нашей землячкой Марией Фортус, и о загадочном медальоне.

«Где-то в Киеве»

Услышав слово «армелис», приятель не просто оживился, но даже приподнялся из-за стола:

— Так-так... С этого места — поподробней!..

— Ты чего подскочил? — удивился я. — Как будто услышал о давно пропавшем друге!..

Сашка загадочно улыбнулся:

— Потом объясню... Давай, продолжай.

Я пересказал услышанное об «армелисе».

— Это существенное дополнение... — важно кивнул приятель.

— Сдается мне, ты тоже кое-что знаешь о сокровенном медальоне таинственного ордена, — заметил я.

— Поднакопил маленько информации... — подтвердил Сашка и снова улыбнулся. — На книгу не наберется, а на газетный очерк — материала достаточно!

— Так в чем же дело? Пиши...

Приятель замотал головой:

— Не напечатают... Слишком много вокруг этого «армелиса» мистики, трупов и всяческой чертовщины. Несколько лет назад один венгерский журналист ухватил какую-то нить истории о медальоне. Решил разматывать таинственный клубок. Отправился искать следы скифского ордена в Карпаты. Вот только не знаю, в какой стране... — Сашка развел руками и, делая ударение на каждом слове, добавил: — И не вер-нул-ся!..

— Пропал без вести?

— Нет... Тело его нашли в пропасти...

— Да мало ли гибнет в горах людей!.. Медальон-то при чем?

Сашка снисходительно взглянул на меня:

— Согласен: в горах нередко погибают... Но куда подевались вещи журналиста и его рукописи?.. А как объяснить странный ожог на его груди, как будто к ней приложили раскаленный медальон с шестью выпуклыми камнями?..

— Ты лично видел этот след? — поинтересовался я.

— Нет... Но информация достоверная.

— Ох уж эти достоверные информации, которые можно обсуждать, но нельзя проверить!.. Не полетишь же ради этого в Венгрию...

Приятель не дал мне договорить.

— Не собираюсь тебя убеждать. Венгрия далеко, а Киев — вот он! — Сашка для убедительности обвел рукой круг, словно хотел рассеять сомнения, в каком городе мы находимся.

— А что, и здесь происходили кровавые истории, связанные с мифическим «армелисом»?

Глаза Сашки округлились: мне даже показалось, что он мгновенно отрезвел.

— В том-то и дело!.. Ведь этот самый медальон находится где-то в Киеве! Его ищут... За ним охотятся...

Может быть, Сашка подумал, что после такого заявления я вскочу от изумления и кинусь на поиски «армелиса».

Но мне совсем не хотелось куда-то мчаться и разыскивать то ли реально существующий, то ли мифический медальон.

Не хотелось и охлаждать романтический пыл приятеля. Уж сколько мне довелось слышать самых невероятных и убедительных историй о кладах, о роковых драгоценностях!..

Мое молчание Сашка истолковал по-своему. Наверное, принял его за колебание — «верить или не верить».

И он снова заговорил.

Перестрелка в заброшенном доме

— Лет десять назад мой двоюродный брат Валерка работал в киевской милиции участковым. На вверенной ему территории располагался Театр имени Ивана Франко. Неподалеку от театра находился заброшенный дом. Жильцов оттуда давно выселили, а его все никак не могли снести. Как водится, подобное строение притягивало к себе пацанов, алкашей, бездомных. Так что Валерке частенько приходилось наносить визиты в это беспокойное место.

Однажды ночью шел он мимо. Торопился домой и вовсе не собирался проверять старую развалину. И вдруг оттуда внезапно — шум, грохот, крик!..

Братуха — за свисток. Думал подать сигнал: вдруг поблизости патруль милицейский. А свисток-то на работе за-

был. Решил в одиночку действовать. Ствол-то у него при себе имелся. Правда, не учтенный — когда-то с бандюгана убитого снял и прикарманил. Вот с этим заныканным оружием и ринулся на свою голову в заброшенный дом.

А там началась буза — покруче шума-гама. Кто-то в кого-то из пистолетов принялся палить. Строение пустое, каждый выстрел, как взрыв «лимонки» грохочет. И это — в центре Киева!.. Валерка думал, менты со всей округи вскоре слетятся!.. Зря надеялся!

Пока размышлял, что делать, лунный свет в окна провалился. Видит братуха: дедок за печкой притаился, а в него из двух стволов бьют откуда-то из глубины дома. Но и дедок не ангелочком оказался: наганчик допотопный в руке сжимал. В него раза три-четыре пальнут — он одним выстрелом огрызается.

Заметил он Валерку и сразу определил:

— Красноперый?!..

— Ну...

— Чего застыл?!.. Шмаляй по тем ярчукам поганым!..

У меня «маслята» уже на исходе!..

— Да кто ты такой — мне приказывать?! — возмутился Валерка. — С кем перепалку затеял?

А дедок ему спокойненько разъяснил:

— Упустишь этих шмендриков, начальник, — тебя кабинетные лампасы на всю жизнь запакуют в красную зону... Тут, в доме, такая цаца захована, что подороже будет любого ювелирного магазина. За ней шмендры и явились...

— А ты, значит, оберегаешь народное добро?.. — Валерка хотел задать еще вопросы, однако выстрелы прервали содержательный разговор.

— Эй!.. Кончай палить! Дом окружен!.. Всем — на пол, стволы откинуть!.. — заорал Валерка.

А в ответ из темноты — ругань и снова пальба.

Тут уж братуха ответил. Стрелял он будь здоров! Прицелился на вспышки — и попал. Один стрелок затих сразу, другой еще поохал, постонал и тоже умолк.

Предложение незнакомца

Лишь когда Валерка подошел к трупам, осознал — в какую передрыгу попал. Двое убитых, да еще из прикарманного ствола!.. И неизвестно, какая «мокрая» история за его заныканным пистолетом тянется... В общем, понял братуха: тюрьмы не миновать.

— Ну, дед, и вляпался я с тобой!.. Сдавай наган и выкладывай, что на самом деле тут произошло, — в отчаянии приказал он.

— Что, совсем худо, красноперый? — участливо спросил старик. — Да уж лампасы кабинетные за этих жмуриков тебя не погладят по головке. А ловко ты их завалил!..

И тут с Валеркой произошло непонятное. Видимо, от безысходности. Взял и ляпнул незнакомцу, что ствол у него прикарманенный. Правда, спохватился, да поздно.

А дед в ответ радостно захихикал:

— В халазии ты, востроглазый, от пят до макушки увяз. Не меньше червонца через испуг тебе уготовано.

Рассвирепел Валерка. И так на душе муторно, а тут еще какой-то старый бандит подначивает!

— А ну, мигом сдавай наган и — руки на стенку! — приказал братуха. — Ты у меня в отделении разучишься язвить!..

— Ой, напугал, чудик красноперый!.. — засмеялся старик. — Не я тебе ствол сдам, а ты мне — свой сейчас отдашь.

— Чего?!.. — Валерка аж оторопел от такой наглости.

Дед снова рассмеялся:

— Ну и времена пошли! Кому рассказать, что Микеланджело жизнь легавому спасает, — от хохота изойдутся!..

— Какой Анджело?.. Ты чего несешь, старый? — Валерка протянул руку за наганом.

— Тебе послышалось... — уже серьезным тоном ответил дед. — А теперь, дурик, слушай и смекай! Эти жмурики — не бакланы с Шулявки. Вмазывать из стволов в войну обучены. Неизвестно, чем закончился бы мой стык с ними. Вот и выходит, что выручил ты меня. Теперь — мой черед на

добро ответить. Я сейчас сваливаю. Стволы наши скину в речку. И ты — чист перед начальством! Вали мокруху на меня. Скажешь: двое на двое стрелков было. Задержать никого не смог, так как полез под пули с голыми руками. Уразумел?.. Да не тяни, сдавай ствол, твои ведь в любой момент могут объявиться!..

Понял Валерка: нет для него иного выхода, — и отдал старику пистолет.

А напоследок все же полюбопытствовал:

— Так из-за какой драгоценности пальбу затеяли?

— Не стоит тебе знать... — ответил старик. — Непомерна цена того медальона шестикаменного, но еще непомерней — число проклятий на нем.

— У кого хоть сейчас этот медальон? — не унимался Валерка. Видимо, сказывалась милицейская выучка.

Старик кивнул на убитых:

— Спроси у них... У живых не советую интересоваться шестикаменным медальоном...

Сказал и исчез. И сделал это вовремя.

Вскоре нагрянула милиция. Валерка поступил так, как советовал дед. Начальству про медальон, конечно, не сообщил. Из милиции братухе все же пришлось уйти. Решение он принял сам. Начальство ни в чем его не упрекало, но после того случая как-то настороженно стало относиться...

Если сами захотят

— История, конечно, захватывающая, — наконец, прервал я Сашку. — Но с чего ты взял, что «шестикаменный медальон», о котором упомянул старик, и есть тот самый «армелис»? Мало ли драгоценностей припрятано в киевских домах и подземельях!..

Приятель упрямо затряс головой:

— О нем... О нем, родимом, говорил таинственный дед моему брату!..

В тот вечер, а вернее, в ту ночь мы остались каждый при своем мнении и больше об «армелисе» не вспоминали.

Много лет я ничего не слышал о Сашке. Может быть, он по-прежнему охотится за тайнами прошлого и по-прежнему не дает ему покоя роковой медальон?..

Что же касается самого «армелиса», то никаких серьезных документов о его запутанной истории, как и о загадочном ордена карпатских скифов, мне отыскать не удалось. Лишь предания и противоречивые слухи изредка напоминают о легендарном медальоне.

Но, как считали алхимики, есть у драгоценностей особые свойства, и заявляют они о себе, лишь когда им самим заблагорассудится.

Вдруг и «армелис» напомнит о своем существовании новыми приключениями, загадочными происшествиями? А может, наконец он раскроет тайну ордена карпатских скифов?

Кто знает!..

«Здесь все произрастает»

*В Киеве — райские места! Есть где
погулять, — везде сады и виноградь.*

Старец Леонтий. 1701 год

В окружении лесов и рек

Как и большинство европейских городов, Киев возник в лесной местности. Водоем с пресной водой и леса были необходимы любому поселению древности. Дерево шло на строительство домов, храмов, оборонительных укреплений, на изготовление орудий труда, производство транспортных средств и даже украшений. Лес кормил человека, одевал и давал ему лекарства.

О месте возникновения Киева летописец Нестор писал: «...Был кругом града лес и бор великий...» Как отмечено в древней хронике: «...Киево-Подол в том столетии был еще не населен. Перерытый топями и лесами, он представлял пустыню, в которой, однако ж, как бы украдкою между деревьями находилась церковь Святого Илии, выстроенная на берегу ручья Почаины...

На противоположной стороне, к югу, вне града, находился лес, в котором ловили диких зверей посредством перевеса сетей; отчего место сие называлось Перевесищем. Впрочем, все окрестности древнего Киева были покрыты дремучими лесами...»

Многие участки города получали наименования благодаря животным и растениям.

В описании древнего Киева Николаем Закревским есть немало упоминаний об этом: «Между горами, в долине, поросшей лесом, и на возвышениях расположено небольшое селение, называемое Зверинец, едва ли из 50 домов состоящее; оно находится не более одной версты к югу от Печерска и немного ближе к северо-западу от Выдубицкого монастыря, коему в древности и принадлежало. Принимая в соображение название сего села, его местоположение и близость бывшего Красного княжеского дворца, можно полагать, что здесь содержалась княжеская охота...»

И цветы, и виноград

Разрастался город, а вместе с этим вырубались леса. Но тяга у многих киевлян к миру животных и растений все же оставалась.

Известный сирийский путешественник Павел Алеппский в середине XVII века побывал на берегах Днепра: «В Киеве у каждого дома, будто у каких-то дворцов, расположены большие сады, где растут фруктовые деревья. Много в них орехов и винограда.

На ухоженных грядках с огурцами киевляне сеют крокусы, руту и гвоздику разных цветов. У дороги, ведущей к Выдубицкому монастырю, все кручи обросли дикими фруктовыми деревьями».

Киевляне со времен Средневековья разводили в городе сады, огороды, цветники, выращивали лекарственные растения и даже несвойственный для местного климата виноград. В летописях отмечалось, что огороды располагались «с юго-западной стороны Старого Киева, между Лядскими, Золотыми и Львовскими воротами».

В своих исследованиях Николай Закревский упоминал и о разведении винограда в Киеве на горе Щековице: «Сильвестр Косов, говоря в своем Патериконе 1635 года о женском монастыре Святого Николая на Аскольдовой мо-

гиле, сообщает, что в его время при Пустынном монастыре был Виноградный сад. <...>

Межигорский монастырь также имел виноградники. Из этих садов для царя Алексея Михайловича привозили в Москву виноградные лозы и другие фруктовые деревья и плоды, о чем говорится в отписках (донесениях) киевского воеводы, князя Юрия Трубецкого к царю Алексею Михайловичу, 1674 года. <...>

Был и в наше время (первая половина XIX века) в Киеве Виноградный Сад, казенный, принадлежавший прежде с Кловским Дворцом Лаврскому монастырю. Сад этот находился на Печерске, на южной стороне Кловского урочища... Особый надзиратель, для которого был выстроен там же деревянный, небольшой, в один этаж, дом, смотрел за виноградным садом.

Также и при самом Печерском монастыре разведен виноград...»

Есть много свидетельств тому, что в Средние века почти в каждом частном дворе Киева был свой сад.

Озеленяли и воспевали

В начале XVIII столетия в городе появились первые государственные сады. Вслед за организацией в Киеве университета при нем был создан Ботанический сад. Во второй половине XIX века по обе стороны Золотых ворот устраивались скверы.

Не забыли киевляне и знаменитую Владимирскую горку. На запущенных участках на ней высаживались деревья, кусты, цветы.

Известный украинский писатель Иван Семенович Нечуй-Левицкий в 1910 году в очерке «Вечер на Владимирской горке» восторгался своим любимым уголком Киева: «Какая пышная эта широкая картина! Лучше ее трудно найти во всей Европе. <...> Ее не смог бы запечатлеть ни один великий художник в мире, даже Рафаэль и Микеланджело».

Очарован был Владимирской горкой и поэт Владимир Маяковский:

*Лапы елок,
лапки,
лапушки...
Все в снегу,
а теплые какие!
Будто в гости
к старой,
старой бабушке
я
вчера
приехал в Киев.
Вот стою
на горке
на Владимирской,
Ширь во-всю —
не вымчат и перу!*

Часто приходила сюда ученица киевской гимназии Анна Ахматова и, конечно же, слагала стихи:

*Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены.*

Но киевскую флору не только воспевали и лелеяли. В разные времена деревья и кустарники в городе вырубали, выкорчевывали. Они гибли от погодных условий.

В 1874 году Киев пережил страшную засуху. Цветы, травы и деревья в течение нескольких дней были уничтожены пеклом. Город сделался мрачным, лишенным зелени. Люди задыхались от душливого зноя.

В конце XIX века городская дума приняла Постановление о древесных насаждениях. В нем отмечалось, что необходимо засадить вязами Крещатик, Александровскую и Большую Васильевскую улицы и Лукьяновку; каштанами — Безаковскую улицу и Старый город; кленами — Подол и Плоский участок; липами — Липки и т. д.

Вскоре в Киеве появилось 12 новых скверов. И в центре, и на окраинах высаживали: желтую акацию, жасмин, жимолость, сирень, шиповник, каштан, клен, липу, вербу, ель, березу, тополь.

Кто-то из киевских журналистов заметил, что в городе нет ни одной породы кустарника или дерева, не отмеченных в художественной литературе.

«Если тебе будет очень плохо, то иди куда-нибудь на Днепр, в Байковые горы... В Киеве нет лучшего товарищества, нежели Днепр, сады, горы и чудные перспективы улиц», — рекомендовала своей сестре Леся Украинка.

Однако сама поэтесса, измученная болезнью и прикованная к постели, не могла себе позволить такую прогулку.

У нее оставалась возможность лишь наблюдать Киев из окна, о чем она записала: «Який шумливий світ там, за вікном! Та я його не бачу. Тільки й видно мені з вікна шматок різьба на брамі та ще тополю із міського саду!..»

Тополь, которым любовалась Леся Украинка, рос в Ботаническом саду.

Гостям Киева часто показывают деревья, под которыми отдыхали Григорий Сковорода, Александр Пушкин, Адам Мицкевич, Оноре де Бальзак, Тарас Шевченко, Николай Гоголь, Лев Толстой, Петр Чайковский, Михаил Врубель, Иван Котляревский, Григорий Квитка-Основьяненко, Иван Франко, Архип Куинджи, Николай Лысенко, Александр Куприн и другие знаменитости, бывавшие в Киеве.

Достоверна ли эта информация? Можно опровергать или утверждать, что кто-то из замечательных творцов сидел или прогуливался именно под этой кроной. Но бесспорно, что немало именитых поэтов, композиторов, художников, писателей обращались в своем творчестве к деревьям Киева.

Былинные сказители

В «Описании Киева», изданном в 1868 году, говорится, что в местности вокруг Межигорья еще встречаются древ-

ние дубы, которые в народе называли Владимировыми — в честь великого Князя киевского. Согласно преданиям, под этими деревьями он отдыхал после охоты, встречался с иноземцами, принимал государственные решения.

В одном из дубов якобы находилось невидимое для простых людей гнездо киевского вещего ворона. За советом и предсказаниями к легендарной птице приходили волхвы, колдуны и ведьмы. Три дня и три ночи они должны были сидеть под заветным дубом, чтобы вещая птица соизволила показаться на глаза.

Многовековые киевские дубы называли «былинными сказителями». Тому, кто им поклонялся, они могли рассказать немало тайн прошлого. Но и у этих благородных ветеранов растительного мира находились противники и недоброжелатели.

Как отмечено в книге «Описание Киева»: «...рука человеческая в продолжении многих столетий щадила эти величавые дубы.

Настал, однако ж, роковой час, и бывшие свидетели славы и бедствий Вышгорода пали в 1860 году под секирами межигорских вандалов».

Хозяйственные киевские ведьмы были весьма не довольны вырубкой многовековых деревьев. Предотвратить варварство они почему-то не смогли, зато наказали нечестивцев. «И у каждого дровосека на год отсохла правая рука...» — так сообщалось в городском предании.

Несколько дней после вырубки заветных дубов ведьмы собирали их щепки и листья. Из щепок изготавливали амулеты, а из листьев — колдовские отвары.

На тех участках, где росли Владимировы дубы, стала вдруг встречаться мандрагора. Раньше этих растений в Киеве не произрастало. Хотя киевские ведьмы и знахари нередко использовали корень легендарного растения для приготовления различных колдовских отваров и ядов.

Якобы после появления мандрагоры на местах срубленных вековых дубов о Киеве стали говорить: «Здесь все произрастает, даже мандрагора».

Лесные поверья

И в те времена, когда город окружали непроходимые леса, люди задумывались о сохранении деревьев. В древности вокруг Киева было немало священных пущ и заповедных рощ, где совершались таинственные обряды и где запрещалось губить растительность.

Это считалось грехом, за которым следует наказание: усыхание или перелом рук, умопомрачение или скорая смерть. Согласно поверьям, такая участь ожидала и того, кто срубит дерево, посаженное и выращенное человеком.

Этнографы XIX века отмечали, что «...среди лесных дебрей сложились верования первобытных племен: в высоких, почти недоступных борах, как и в красивых рощах, поселились высшие силы, народные божества; они-то и наложили строгие заповеди охранения таких мест. Деревья, отдельные от прочих и выделяющиеся из ряда других массивностью и долголетием, способные возбуждать трепетное душевное настроение даже в городских жителях и цивилизованных людях, в глазах дикарей оказались стоящими под нравственной защитой особых существ...»

В старину знающие люди могли безошибочно определить не только священные или полезные, но и проклятые деревья.

Чаще всего проклятой считалась осина, поскольку на ней повесился Иуда. В Киеве, как и в других городах и селениях, у христиан было не принято высаживать ее вблизи жилья. Ну а если осина росла там, где намечалось строительство, ее выкорчевывали.

Знающие люди могли определить и так называемые «сказанные деревья», обладающие злой силой. Если такое дерево шло на строительство, то здание через год разрушалось, а живущие в нем люди сходили с ума или умирали без видимых причин.

Распространено было поверье, что даже щепка от «сказанных» бревен, подложенная недобрым человеком, ломает любые строения.

Дерево поэта

В середине прошлого века многие киевляне и гости украинской столицы обращали внимание на старый, корявый и весьма неприглядный осокорь. Рос он на Крещатике, среди прекрасных каштанов.

Ствол этой разновидности тополя был так согнут, что ветви почти касались тротуара. Ходили слухи, будто он проклят и приносит несчастье всем, кто проходит мимо.

Однако, согласно другой примете, осокорь на Крещатике помогал людям, дотронувшимся до его ствола. У них поднималось настроение, проходили головная боль и чувство страха.

Коммунальные службы города, конечно же, вовсе не из-за мистических соображений попытались спилить неприглядное дерево.

Но на защиту несчастного осокоря выступил известный украинский поэт, ученый и общественный деятель Максим Фадеевич Рыльский. Городские власти не могли не прислушаться к его мнению. Никакие уговоры по поводу осокоря на Рыльского не действовали. Каждый раз поэт отвечал категорично: «Прошу не уничтожать дерево...»

Так появились слухи, будто осокорь на Крещатике мистическим образом связан с судьбой Максима Фадеевича. Поэт умер в 1964 году. И вскоре заветное для него дерево срубили, а пень выкорчевали.

А киевские старожилы еще много лет показывали приезжим место, где рос «осокорь Рыльского». Но они перестали упоминать, что это дерево когда-то считалось проклятым.

«Зеленый календарь»

Растительный мир лесов, степей, городов и селений нередко становился своеобразным указателем, подсказывающим, когда и какими заниматься делами. В XIX веке в Киеве издавались календари, а в газетах публиковались народные приметы, связанные с природой.

«...Развернулся дубовый лист, стало быть, земля вошла в полную силу... Коли на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой... Березовый лист стал величиной с полушку — значит, земля показывает время, когда следует запахивать пашню, и на Егорья (23 апреля) выезжает даже "ленивая соха"... Если цвет ягоды калины будет в кругу, то сев считается поздним... Зацвели ягоды на волчьем мыке сверх — лучше начинать посев ранний...

Начнет цвести лютик желтыми — земля приказывает сеять овес; зацвела черемуха — пришла пора пшеницы... Когда яблони в полном цвету — садят картофель; когда земляничные кустики словно бы спрыснуты молоком — пришла пора сеять гречиху...

Когда на Ивана Купалу собирают росу, отрывают в муравейниках масло и рвут целебные травы, то в это время говорят: "Земля-мати, благослови меня травы брати, твою плоду рвати: твоя плода ко всему пригодна" и т. д.

По обилию шишек на ели судят о хорошем урожае на все яровые хлеба; если же такое обилие замечается на соснах, то это предвещает хороший урожай одного ячменя. Сильный цвет орехов обещает яровой хлебород на будущий год...»

У киевских рыбаков были в XIX столетии свои приметы, связанные с растениями. Раннее цветение каштанов указывало на обилие в Днепре и его притоках сомов. Еще говорили: «Сирень обильно цветет — щуку зовет». А вот богатый урожай желудей почему-то связывали с появлением огромного количества раков в киевских водоемах.

«Из недр земли...»

Есть у Николая Закревского описание необычного киевского источника.

«В Межигорье, в полуверсте от обители, один нагорный источник издавна называется Звонками.

Источник этот славится чистотою воды и романтическим видом, вытекая из горных обрывов, поросших тенистыми деревьями. При одном из его ключей устроена не-

большая часовня. Вероятно, что красота местоположения подала повод к различным повестям об этом источнике. Одни пишут, что Екатерина II, бывши в Киеве, не могла пить другой воды, кроме Звонковой <...> другие, что один из последних межигорских архимандритов сзывал в соседнем пруду рыбок по звону колокольчика; третьи, что на этом роднике иноки устроили из звонков (колокольчиков) гармонику. Сильная струя родника, ударяя в колокольчики, производила приятные звуки.

<...> Межигорье составляет одну из живописных местностей Киева; горожане часто посещают это прелестное урочище и несколько раз в продолжение лета составляется увеселительная прогулка из Киева в Межигорье на пароходе с оркестром музыки».

Говорят, что источнику Звонки когда-то посвятил свои строки Иван Франко:

*Из недр земли бежит-поет водица,
Струится бесконечною стезей,
Детей весны живет своей красой
И щедростью, не знающей границы.*

*Родник с его волшебною струей —
Народная душа, что и в печали
Пробьется к людям песнею живой...*

(Перевод Анны Ахматовой)

«Неведомый цветок»

Согласно преданию, раз в год, в самом начале мая, у межигорского источника расцветал один-единственный цветок, которому даже названия не придумали. Так в народе и величали его «Неведомый цветок».

Уж на что киевские ведьмы слыли знатоками флоры, но и они толком ничего не могли рассказать об этом растении.

Нельзя было искать Неведомый цветок — он сам объявлялся у межигорского источника. Как выглядит таинственное растение, о том не упоминается ни в книгах, ни

в легендах. Не разглашают тайну и те, кому суждено было сорвать его.

Лишь одни сутки живет Неведомый цветок. Зато за отпущенный ему короткий срок он исполняет множество желаний человека. Ровно через день обладатель этого цветка должен вернуться к межигорскому источнику и бросить в воду свою волшебную находку.

Ну а тех, кто оставлял при себе, рисовал или показывал кому-то Неведомый цветок, ожидала страшная беда. Как утверждала молва, нарушители неписанного правила бесследно исчезали, внезапно умирали или сходили с ума.

В предании не говорится, какие силы и почему так жестоко наказывали человека. Некоторые суеверные киевляне в XIX веке старались в начале мая вовсе не появляться у межигорского источника: вдруг наткнешься на роковой цветок, не удержишься от соблазна и сорвешь.

Больной художник

И все же находились упрямы, не верящие в мистические силы цветка и отправлявшиеся на его поиски. Городская молва приписала эти черты характера знаменитому художнику Михаилу Александровичу Врубелю.

Он неоднократно приезжал и подолгу жил и работал в Киеве. В конце 80-х годов XIX столетия художник создавал настенные росписи в Кирилловской церкви и написал для этого храма четыре иконы. Во Владимирском соборе Киева на внутренних стенах храма по эскизам Врубеля были выполнены орнаменты.

О своей встрече с Михаилом Александровичем в Киеве писал Константин Паустовский: «Но отец все же пошел к Врубелю и взял меня с собой. Мы вошли в гостиницу около Золотых ворот и поднялись на пятый этаж. В коридоре пахло гостиничным утром — одеколоном и кофе. Отец постучал в низкую дверь. Нам открыл худенький человек в поношенном пиджаке. Лицо, волосы и глаза у него были такого же цвета, как и пиджак, — серые с желтоватыми пятнами. Это и был художник Врубель.

...Я смотрел на Врубеля, и мне было его жалко. Он дергался, перебегая глазами, непонятно говорил, закуривал и тотчас бросал папиросу. Отец разговаривал с ним ласково, как с ребенком».

Лишь вечером киевский гимназист, будущий писатель Константин Паустовский узнал от отца, что Врубель душевно болен.

В 1886 году Михаил Александрович написал в Киеве картину «Девочка на фоне персидского ковра». Эта замечательная работа привлекла внимание не только поклонников живописи. К ней потянулись и любители мистики.

В то время, когда Врубель завершил картину, по Киеву поползли слухи: «Живописца видели в начале мая прошлого года у межигорского источника. У него в руках был роковой Неведомый цветок...»

Странно, как же эти свидетели могли узнать таинственное растение, если его никто не видел? Но о чем только не воспоет народная молва!..

Единственная просьба

Среди поклонников мистики заговорили, будто Врубель попросил Неведомый цветок исполнить лишь одно свое желание: «Люди подолгу должны стоять у каждой моей работы, не в силах оторвать от нее взор, и навсегда ее запомнить...»

Наверное, не стоило Михаилу Александровичу обращаться с подобной просьбой к волшебному растению. Он и без того создавал навсегда запоминающиеся шедевры.

Но за одним странным поступком был совершен и второй. Мало того, что Врубель загадал всего лишь единственное желание, так он еще не захотел бросить роковой цветок в межигорский источник и решил нарисовать его!..

Изображение Неведомого цветка якобы можно разглядеть в узоре на картине «Девочка на фоне персидского ковра». Но для того, чтобы увидеть загадочное растение, надо не меньше часа смотреть на это полотно.

Желающие нашлись. Они неотрывно глядели на картину, пока не падали в обморок. А к автору любители мистики относились с сочувствием: ведь его ожидало неминуемое наказание.

Когда спустя годы киевским обывателям стало известно о смерти сына Михаила Александровича и о психическом заболевании художника, снова пошли разговоры о Неведомом цветке.

Многолетняя отсрочка наказания Врубеля произошла оттого, что темные силы полюбили его творения и решили подождать, пока он не закончит последнюю картину, полагали мистики.

Умер Михаил Александрович в 1910 году. Предание о Неведомом цветке вроде бы давно позабылось. Но и сегодня находятся посетители киевского музея, которые подолгу всматриваются в картину «Девочка на фоне персидского ковра», словно пытаются раскрыть важную тайну...

«Чудо-зверь, обликом жуток»

Самой темнотой и мировой злобой порожденная тварь, не ведающая жалости, скалила огромные клыки. Даже при убогом свете луны было видно, как наливаются кровью глаза тудища.

Предание XVIII–XIX веков

Из далеких южных земель

В первой половине XIX столетия Иван Фундуклей писал о местности, которая в наше время находится на окраине Киева: «Имя Китай принадлежит, как известно, князю Андрею Боголюбскому, от которого оно присвоилось и пустыни...

Китаевская пустынь, основанная великим князем Андреем Юрьевичем, находится верстах в 10 от Печерской лавры и в 2-х верстах от Днепра. Расположенная в ложине, она окружена со всех сторон горами, покрытыми дремучим лесом и отражающимися в спокойной поверхности пруда, который образуется из ручья, опоясывающего пустынь.

Местоположение этой пустыни самое способное для безмолвия и богомыслия отшельнического. По преданию, известно, что близ нее на северной горе находился загородный дворец князя Андрея Юрьевича. Он был окружен валом, кото-

рого следы по ныне остаются. Во внутренности этого городища или замчища, открываются в земле остатки каменных зданий.

Дворец и пустынь, издревле принадлежавшая лавре, были разорены во время междоусобий и нападений неприятельских».

Как отмечал Иван Фундуклей, в Китаевскую пустынь удалялось немало отшельников. Все они уединялись, чтобы в непроходимых лесных дебрях совершать свой духовный подвиг и обращаться к Богу с добрыми помыслами — на благо человеку.

Однако в тех дебрях обитали не только люди со светлыми намерениями.

В предании не упоминается, в каком году появился в Киеве чародей по прозвищу Фазилий. Возможно, случилось это в XII столетии, во времена князя Андрея Боголюбского, внука великого Владимира Мономаха.

Зачем прибыл из далеких южных земель чародей, неизвестно. Киевлянам он заявил, что собирается лечить горожан от разных недугов и изготавливать для них чудодейственные лекарства.

Тяжелый мешок

Первое время Фазилий и впрямь исцелял людей, даже тех, которым местные знахари уже ничем не могли помочь.

Прославился чужестранец в Киеве после того, как вернулся в строй дружинника Алешу. В сражении воину раздробили кости ног. И готовился богатырь покинуть этот мир. Боль и жар по всему телу мутили его рассудок. В короткие минуты сознания молил он лишь о быстром избавлении от земных мучений.

Родня без особой надежды позвала к умирающему дружиннику Фазилия.

Глянул чародей на воина и прошептал:

— Дождись меня. Я скоро вернусь...

А родне Алеши чужестранец пояснил:

— Будут у вашего кормильца новые кости, крепче прежних!..

Отправился он в Китаевскую пустынь.

День пропадал, другой... На третий появился.

Домочадцы Алеши с изумлением сообщили чародею:

— Жив еще страдалец!.. Думали: вот-вот помрет, а он, гляди-ка, дождался твоего возвращения!..

Фазилия это не удивило. Велел он принести мешок, оставленный им во дворе.

Кинулись родичи дружинника исполнять приказ. Их удивило поведение дворового пса. Зубы оскалил, шерсть вздыбил, носится бесшумно кругами вокруг мешка из черной кожи и смотрит на него не отрываясь. Вроде бы и приблизиться боится, и убежать подальше не может.

Не стали раздумывать над странным поведением пса домочадцы Алеши. Схватили мешок, а он, хоть и невелик, да больно тяжелым оказался. Два человека с трудом смогли внести его в дом. Бухнули ношу к ногам Фазилия.

— Что там у тебя?!..

— Не камнями ли набил свой мешок?..

— В нем кости могучих тварей — чудо-зверей далекого прошлого, — пояснил чародей и велел оставить его наедине с умирающим.

Что он делал с Алешей, какими такими колдовскими снадобьями поил, чем растирал, никто не видел...

Объяснение чужеземца

Вскоре вышел Фазилий к домочадцам дружинника:

— Ну-ка, помогите вывести нашего лежебоку на солнышко — подышать свежим воздухом...

Смотрит родня, а умирающий уже сам нетвердо шагает к порогу. Хоть и бледный, осунувшийся, но видно, что уже не собирается покидать этот мир в ближайшее время.

Помогли Алеше выйти во двор и усадили на дубовую колоду.

Жмурился он от яркого света и будто сам не верил, что ожил и ногами-руками двигает.

Вот только пес не обрадовался хозяину. Поджал хвост, заскулил и спрятался за дровяником. Отчего он так испугался ожившего хозяина, домочадцы не стали выяснять. Щедро отблагодарили Фазилия и пошли разносить весть по Киеву о целительском искусстве чужеземца.

Быстро поправился Алеша и вскоре смог вернуться на княжескую службу.

Но радость омрачалась некоторыми странностями. Заметил он, что скотина, птицы и звери стали его бояться. При встрече куры уносились врассыпную, собаки поджимали хвосты и прятались, коровы мычали так, что и людям делалось жутко. Даже верный конь шарахался от Алеши и не давал оседлать себя.

Понял народ: не обошлось тут без нечистой силы. Стали допытываться у Фазилия, что он сотворил с дружинником. Иноземец не уклонялся от вопросов и обстоятельно ответил:

— Обитали в давние времена в Китаевой пустыни, в непроходимых чащах и глубоких пещерах, чудо-звери обликом жуткие. Похожи они были на заморских львов, только размерами превосходили и их, и даже самого большого медведя. А верхние клыки чудищ не уступали длиной половецким кинжалам. От одного рыка жуткого зверя не только все твари замирали в лесах, но и рыба в ручьях сновала, как ошалелая. И никакие, самые удалые и ловкие, охотники не могли справиться с тем чудищем. Только могучий владыка — холод — победил жуткого зверя. Выступил он пещеры и лесные чащи так, что камень и дерево от мороза трескались. Вот и клыкастые чудища не смогли избежать этой напасти. Навсегда остались они в Китаевой пустыни. А в костях их сохранилась до наших дней небывалая сила. Я те кости собираю, тру в порошок и готовлю из них живительные снадобья...

Исчезновение чародея

Вроде бы правдиво рассказал чужеземец, а недоверия не рассеял. Стал народ пристальней приглядываться к нему,

отмечать каждый его шаг, не пропускать ни одного слова. А вдруг раскроется, что служит он дьяволу и обращается за помощью к нечистой силе?..

Опасения оказались не напрасными. Вскоре заметили киевляне, как Фазилий ходит по городу и всюду рассыпает порошок. Спыхватился народ, но поздно. Вся живность во дворах обезумела. Самые спокойные птицы людей принялись клевать, собаки стали норы выкапывать и в них прятаться, а коровы, овцы и козы бросались с высоких круч в Днепр.

Лопнуло терпение киевлян, схватили Фазилия, связали его и решили без княжеского суда утопить проклятого чародея. А тот понял, что никакие оправдания и объяснения уже не помогут. Он молча сносил побои и не отвечал на вопросы.

Расправиться с Фазилием решили утром. Ведь окончательная победа над черной силой должна происходить при свете солнца. Связали чародея и посадили в бочку. Его последнее пристанище для надежности накрыли просмоленной крышкой. Из такой темницы никому не вырваться! И охрану приставлять не надо.

Едва взошло над Днепром солнце, как город разбудил непонятный шум. Многие киевляне повыскакивали из домов.

— Неужто из степей снова надвигается враг?!

Но шум подняли вовсе не супостаты под стенами города. То выли, орали, пищали вокруг бочки с Фазилием обезумевшие куры, гуси, козы, коровы, собаки.

Отчего они разбушевались? Почему вселенский гам устроили? Люди спросонья не могли понять.

Наконец палками и хворостинами разогнали они возмутителей спокойствия. На всякий случай проверили бочку.

Отодрали крышку, и — о ужас! — опустела темница!

— Куда подевался чародей-гадюка?!..

— Где спрятался иноземец — дьявольский прислужник?!

Побросали разъяренные горожане хворостины и палки, схватили повесомее оружие: осиновые колья, дубины и топоры.

Облазили жаждущие скорой расправы все киевские закоулки и укромные места. Нет нигде окаянного чужеземца! То ли сквозь землю провалился, то ли черти унесли за Лысую гору...

Долго в тот день не могла стихнуть ярость киевлян. Сожгли они бочку, из которой Фазилий исчез, — не полегчало на душе. Разгромили, разнесли по бревнышкам дом, где жил чародей, — и это не помогло.

Растерявший шар

Тут свой городской колдунок под горячую руку подвернулся. Схватили бородатого недомерка, хотели тут же на колья поднять и в Днепр сбросить.

Принялся колдунок так верещать и вопить, что удивился народ: и откуда столько силы в старичке взялось?..

— Братцы!.. Родимцы православные!.. Не берите грех на душу!.. Или я не осеняю себя крестным знамением?.. Или мало с вами выпил медовухи?.. И колдовскими делами я редко занимаюсь!..

— И то правда... — рассудили чуть поостывшие от ярости киевляне. — Совсем растерял чародейские силы, муравей старый! Оттого не колдуном, а колдунком и стали его величать. В последнее время за что ни возьмется он, все шиворот-навыворот получается у него. Наведет на кого-нибудь колдунок порчу, а человек тот вдруг расцветает от счастья, здоровья и неизвестно откуда свалившегося богатства. А как возьмется колдунок лечить кого-то — через пару дней захворавший отдает Богу душу...

Конечно, старичка частенько били за утрату профессиональных навыков, но мастерство от этого не возвращалось.

Обрадовался колдунок, что расправа миновала, и пообещал указать место, где скрывается проклятый чародей.

Принесли старичку четыре миски с водой. В одной — дождевая, в другой — из лужи, в третьей — колодезная, в четвертой — днепровская. Стал колдунок нашептывать над мисками и всматриваться в воду.

Наконец объявил:

— Ищите злодея на Лысой горе. Сидит он там на вершине, вишни жрет и вниз плюет...

Умудренные опытом киевляне сразу все поняли. Сказал колдунок «на Лысой горе», значит — ищи не на вершине, а в низине и в другой стороне. Так и поступили.

И Вернулись в город ни с чем

Добрались жаждущие справедливого возмездия до Китаевой пустыни, а в дебри ее не вошли. Как-то боязно стало. Уж очень мрачно выглядела чаща. Долетали из нее неясные звуки — то ли невиданные чудо-звери добычу искали, то ли сам дьявол песни пел да с кикиморами, лешими и водяными беседовал.

А тут еще колдунок под ногами вертится, большого знатока из себя строит:

— Слыхал я от своего прадеда-язычника — да простятся ему все грехи! — будто водятся в этой непролазной чаще неведомые добрым христианам звери. Сила в них такая, что самого здорового медведя могут разорвать, как волк — зайчонка. Баял нам чародей заморский про их косточки и не упомянул, басурманин, о живых чудовищах. И не завалить их ни копьем, ни мечом, ни топором!..

Потоптались в растерянности удалые киевляне, поглядели с сомнением на свои рогатины, колья и дубины.

— Может, прав колдунок?..

— Стоит ли соваться с таким оружием в неизвестное?..

— Сюда целую рать княжескую посылать надо...

Дали слегка по шее колдунку, чтобы не верещал много, потрепали маленько его за бороду и вернулись в город.

— Нехай чародей — собака заморенная — сам на клыки и когти зверей напорется!..

«Беда на свист идет»

Словно волна за волной, накатывали на Киев новые беды: пожары, голод, мор, засухи, вражеские набеги. Каза-

лось бы, от всего этого недосуг горожанам вспоминать укрывшегося в Китаевой пустыни чародея.

Но тот сам давал о себе знать. Нередко смельчаки, отправлявшиеся в дремучую пустынь за ягодами, целебными травами или поохотиться, видели Фазилия. Близо подходить к нему никто не решался. Но люди могли отчетливо разглядеть его бесноватые глаза и услышать неразборчивое бормотание. Тут уж даже самым лихим удальцам становилось не до охоты и не до ягод с травами. Живыми бы выбраться из чащи!

Как только очередная весть о встрече с Фазилием облетала Киев, так сразу колдунок лез ко всем со своими пояснениями. Давно уже его сверстники покинули мир земной, а об этом недомерке смерть то ли позабыла, то ли не хотела связываться.

— Оживляет проклятый Фазилий древних чудовищ, — нашептывал колдунок. — Соберет, нечестивец заморский, кости, обольет их отваром, поплюет своей ядовитой слюной, произнесет черное заклинание, а потом свистеть начинает... И оживает древнее чудовище и на свист направляется. А Фазилий указывает ему, какого человека растерзать...

Хоть и не нравились киевлянам запугивания колдунка, и знали, что у него все шиворот-навыворот получается, но иногда к нему прислушивались.

Возможно, с тех времен и появилась в Киеве примета: беда на свист идет, свистом и кормится. Так поговаривали вплоть до XX века. Может, поэтому и легендарного Соловья-разбойника народная молва наделила способностью разрушать и убивать свистом?..

И не такое можно увидеть

Исследователи предполагают, что слово «китай» в древности означало «военное укрепление». В Китаевой пустыни археологи обнаружили остатки городища примерно IX–X веков.

В XIV столетии в этой местности возник пещерный монастырь. А в 1763–1768 годах здесь была возведена Троиц-

кая церковь. С того времени вроде бы никто уже не вспоминал о давнем чародее Фазилии и не встречал «чудо-зверя обликом жуткого».

Сегодня там, где находились непроходимые леса и легендарная Китаева пустынь, расположены кварталы Киева. И лишь неутомимые знатоки древних тайн могут поведать о неизвестных чудовищах из далекого прошлого.

Некоторые исследователи загадочных явлений полагают, что легендарные чудовища, упомянутые в предании, — это саблезубые тигры или пещерные львы. В подтверждение своих слов они ссылаются на изображение саблезубого тигра, якобы обнаруженного в Китаевских пещерах во время археологических раскопок в 1910–1912 годах.

Могли дожить хищники палеолита до Средневековья? Специалисты в подобном сомневаются. Зато современные колдунки, знающие ответы на все вопросы, уверяют, что в киевских подземельях и не таких древних существ можно увидеть!.. И даже в наше время.

Через тысячи бед

И суждено Киеву пройти еще тысячи бед. Но он выстоит.

Да окрепнут от тех страшных испытаний его жители. Да станут прекрасней киевские сады, улицы, площади и дома... И вечно пусть гладит киевские берега Днепр.

Предсказание. Начало XX века

«Со дней своего основания»

В старину киевляне говорили: «Первая беда явилась в город, как только услышала слово "Киев". И с тех пор она лишь ненадолго покидает его, но всегда находится где-то совсем рядом». Кому-то эти слова покажутся всего лишь витиеватым отрывком из предания. Но кто сможет их оспорить?

Действительно, со дня основания редкий год Киев был спокоен и безмятежен. Первые упоминания о нем в летописях неразрывно связаны с трагедиями. Пожары, войны, эпидемии, засухи, массовый голод, разорения, наводнения и другие природные бедствия — через эти испытания не раз проходил древний город на Днепре. По самым приблизительным подсчетам, подобные катастрофы погубили с VII века до наших дней более десяти миллионов его жителей.

Николай Закревский в книге «Описание Киева» отмечает: «В княжение Всеволода I Киевская область и сама столица претерпели многие бедствия.

От беспрестанных неслыханных пожаров все растения и нивы изсохли, в болотистых местах леса воспламенялись сами собою, работы сельских жителей остановились, голод, болезни, мор свирепствовали во многих областях. В 1092 г. от 14 ноября до 1 февраля (1093 г.) умерло в Киеве 7000 человек (около ста в день; количество умерших определено по числу проданных гробов). К этому присоединилось землетрясение».

Множество киевлян погибало в те времена и от вражеских набегов: «...Половецкий князь Боняк, осадив 20 июня столицу, привел жителей ее в трепет, сжег Красный двор Всеволода на Выдобицах, сады и несколько домов на Оболони. <...>

Ночью, выломав двери у обители Печерской, он истреблял все огнем и мечом, восклицая: "Где есть Бог их? Да поможет им!"»

Но едва утихли войны с половцами, как начались новые раздоры и брани между князьями.

Возвращались и восстанавливали

Следующее XII столетие не уберегло Киев от новых бедствий.

Как отмечал Николай Закревский: «Бездождие и великие засухи часто истребляли посевы. В 1124 году сильный пожар, продолжавшийся с 23 июня два дня, обратил в пепел большую часть столицы, особенно нагорную ее сторону, монастыри, около 600 церквей и всю Жидовскую улицу; были также два землетрясения и солнечное затмение; явления эти приводили суеверных жителей в ужас.

Между тем продолжался непрерывный ряд кровавых драк между удельными князьями и ряд бедствий столицы; несчастная мать градов Русских беспрестанно переходила из рук в руки, беднела и унижалась.

В 1139 году Всеволод II Ольгович опустошил Копырев Конец; в 1145 году великий пожар истребил половину Киево-Подола...»

В 1204 году новая кровавая беда постигла Киев. Город снова был захвачен половцами и их союзниками. Завоеватели «...умерщвляли старцев и недужных, молодых и здоровых оковывали цепями и толпами гнали в плен. Знатные люди, юные жены, священники, монахини, словом, все были жертвою их неистовства. <...>

Город пылал; во всех местах раздавались стоны раненых и умирающих. Днепровская столица никогда еще не испытывала столь ужасной участи... Все добрые соотечественники, самые отдаленные, говорит летописец, оплакивали несчастье Киева...»

Но шло время, и его жители, сумевшие вовремя скрыться в лесах, возвращались на родные пепелища и постепенно восстанавливали город.

А спустя несколько лет — новые набеги и разорения. Немалую дань приходилось платить киевлянам, чтобы спастись от врагов.

Самое разрушительное нашествие

В Лаврентьевской летописи в 1240 году появилась скорбная запись: «Того же лета взяша Киев Татарове и Святую Софию разграбиша и монастыри вси, и иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная; а люди от мала и до велика вся убиша мечем. Си же злоба приключися до Рождества Господня на Николин день».

Известный писатель и историк Николай Карамзин отмечал, что хан Батый задолго до 1240 года много слышал о славном и богатом Киеве. Внук Чингисхана Мангу был послан осмотреть его. Город на Днепре очаровал Мангу. «Блестящие главы многих храмов в густой зелени садов, высокая белая стена с ее гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством византийским в счастливые дни Великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров». Монголо-татарское войско

не решилось идти на приступ. Мангу вознамерился переманить киевлян на свою сторону, но те не поддались на уговоры и даже убили послов хана «...и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного».

Вскоре многотысячное войско Батыя осадило Киев. «Скрип бесчисленных телег, рев верблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию летописца, едва позволяли жителям слышать друг друга в разговорах. <...> Стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда и киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: "стрелы омрачили воздух, копья трещали и ломались"; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе; но татары ввечеру овладели стеною».

После короткой ночной передышки захватчики возобновили штурм. Несмотря на яростное сопротивление киевлян, город был покорен.

«Татарам никто уже более не сопротивлялся; несколько дней яростно истребляли они все огнем и мечем. Таковую же участь имела и Печерская обитель; множество народа Киевского надеялось защититься в стенах этого монастыря, и мужественно оборонялись, но все было тщетно. <...>

Монголы, сокрушив таранами стены монастыря, умертвили большую часть людей, иных в плен взяли; осквернили святилище Богородицы, похитили все сокровища, сняли золототканый крест с главного купола, а самую церковь опустошили, истребили до основания кельи и ограду монастырскую...

Несколько монахов Печерской обители, спасшихся от меча татар, жили в лесах, ископав себе уединенные пещеры. Из привязанности к святому месту тайно, по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся иногда по ночам, собирались отшельники на службу Божию в один малый придел церковный, который уцелел среди всеобщего разрушения. Весь город превратился в одну огромную кучу развалин», — так описывал Николай Закревский печальный итог покорения Киева.

В XIII веке известный арабский историк Ибн аль-Асир, пораженный жестокостью войска Батыя и разрушениями

в Киеве, писал: «В летописи не занесено ничего подобного либо похожего на это нашествие.

К числу самых ужасных бед, о которых они повествуют, относится расправа Навуходоносора с израильянами; избиение их и опустошение священного Иерусалима. Но что такое Иерусалим сравнительно с опустошенными этими проклятыми людьми областями, главный город которых был вдвое больше Иерусалима. <...>

Я полагаю, что народы не испытают более подобного разгрома до самого того времени, когда человечество предстанет на суд Божий и пока мир не обратится в ничто.

Ибо даже антихрист пощадит тех, кто последует за ним, хотя погубит тех, кто окажет ему сопротивление, те же не пощадили никого и убивали и женщин и мужчин, вспарывали животы беременных и резали еще не родившихся...»

Согласно преданию, в те времена один старец, сумевший бежать из Киева, заявил, что беда всегда где-то рядом с его городом и, если он восстановится, будущим поколениям киевлян надо всегда помнить об этом.

Огонь, вода, голод и мор

Очень медленно после событий 1240 года возрождался великий город на Днепре. Но по-прежнему Киев терзали те же беды: вражеские набеги, огонь, вода, голод, мор.

В летописи упоминается, что в 1416 году город захватило войско хана Эдигея: «...татарове монастырь Печерский пограбиша и пожгоша и со землею соровна <...> оттоле Киев погуби красоту свою...»

В XIV столетии из Азии в Европу проникла чума. Эта страшная эпидемия погубила более половины киевлян.

В документах начала XVIII века отмечалось: с марта 1710 года до января 1711 года продолжавшаяся в Киеве моровая язва опустошила город.

Неизвестный современник жуткой эпидемии писал: «Тогда пуст Киев остался, яко выгнано всех обывателей из Киева. И странствовали от града в град, един другого чуждаючися: отец детей, дети отца; и многих трупы поядали

зверье, птицы, псы и свиньи. Церкви Божественные опусташели, також и монастыри, и не было ни жертвы, ни приношения. И тако было время, что ни купити, ни продати; ибо города были позапираны, дома позабиваны, жители изгнаны и все, кто что имел оставлял и бегал по пустыням и полях; видели друг друга смерть ходячи; ибо и сидячи вмирали нечаянно и живии чуждались мертвых своих...»

Прошло шестьдесят лет, и снова Киев охватила смертоносная эпидемия. Сохранилось описание этого события, оставленное доктором Иоанном Лерхе. Он прибыл в Киев осенью 1770 года.

«Народ уходил из города через горы или через реку в близь лежащие деревни и заражал живущих там.

На Подоле с каждым днем становилось хуже; между тем жители <...> стали утаивать больных; мертвых тайно погребали на дворе и в садах, или ночью от 10 до 20 трупов выбрасывали на улицу пред чужими дворами, дабы скрыть заразу в собственном доме. Мало помалу больные были открываемы, а оставшихся здоровых отсылали на один остров Днепра в карантин; но и здесь многие заболели. Зараженных отправляли в особый лазарет, где все почти умирали. <...>

Уверяют, что на Подоле до 15 ноября уже умерло 6000 человек.

<...> многие бедные люди поселились в домах, коих хозяева вымерли от моровой язвы; но за новое хозяйство они дорого заплатились. Заболевшие дети и беременные женщины очень редко выздоравливали... Когда от 5 до 15 ноября был порядочный мороз, то многие думали, что моровая язва уменьшится, но это не помогло, потому что люди, находящиеся в теплых комнатах вместе с больными, так же легко заражались, как и во время теплой погоды. <...>

В Софийском монастыре умерло более 50 монахов, а из певчих и прислужников более 70. Напротив того Михайловский монастырь остался невредим, потому что эта обитель заперлась и с городом не имела никакого сообщения. <...>

Многие киевляне отдавали свои пожитки под сохранение в церкви и монастыри. <...>

Один военнопленный турецкий офицер объявил, что может избавить Киев от эпидемии, если ему возвратят свободу. Этот турок написал несколько записок на своем языке следующего содержания: "Великий Магомед! На сей раз помилуй ты Христиан и спаси их от моровой язвы, ради избавления нашего из плена!"

Записки эти были привязаны к шестам и выставлены на колокольнях в Киевоподоле; но все напрасно; язва все более и более свирепствовала; священники низвергали шесты с записками и проклинали сие предприятие, а все прочие толковали это в дурную сторону. Магомед и свою Турцию не может избавить от чумы, которая там каждый год хозяйничает; но между тем упомянутому турку удалось уйти неизвестно каким образом. <...>

Во время эпидемии три главные части города не имели никакого сообщения; только из незараженных домов люди могли выходить по билетам для купли съестных припасов. Наконец 30 марта в Старой Крепости (на Старом Киеве) и на Подоле позволено было свободное сообщение».

Самый знаменитый пожар XIX века

Как отмечалось в летописях, самым пожароопасным районом Киева был Подол. Пожары в 1111, 1145, 1161, 1169, 1751, 1811 годах уничтожили там не только большинство строений, но и погубили тысячи людей. Немало страдали от огня Печерск и Верхний город.

Не спасались от пожаров и монастыри, храмы, церковные постройки. В 1180 и 1697 годах горел Софийский собор. В 1772 году огонь уничтожил Лаврскую типографию. В 1658 году пожар охватил Братский монастырь, а в 1827-м — колокольню Никольско-Пустынной церкви. В 1780 году сгорела библиотека духовной академии.

Много погибло киевлян во время знаменитого пожара 1811 года. Спустя четверть века Николай Закревский вспоминал об этой трагедии: «В десять, или одиннадцать часов утра раздался первый роковой набат с колокольни при Воскресенской церкви. Любопытные устремились к тому

месту, где впервые вспыхнул пожар; это было, как мне сказывали, на пространстве между Житным Торгом и упомянутою церковью. Но изумление объяло жителей, когда они почти в одно время услышали со всех колоколен несчастное известие, и тогда же увидели страшный огонь в четырех, или пяти, противоположных концах города...»

Как свидетельствовал Закревский, в Киеве сразу возникли слухи, что город умышленно подожгли инородцы. Но все же он склонялся к версии о другой причине пожара.

«Тогда было лето жаркое и сухое; следовательно деревянные кровли домов легко возгорались от падающих искр; усилившийся пламень нарушил равновесие атмосферы и произвел бурю, которая разносила искры, головни на величайшее пространство и распространяла пожар с такою скоростью, что в продолжении трех часов Киевоподол представился огненным морем; кто не успел заблаговременно спастись, бегая по тесным улицам, не мог уже сыскать выхода и сделался жертвой свирепой стихии; многие погибли в погребках или церквях...

Пламенные волны, переходящие от одной части нижнего города до другого, сильный ветер, разносящий во все стороны горящие доски, густой дым, падение домов на пространстве трех квадратных верст и отдаленный крик спасающихся — все это представляло зрелище необыкновенное и ужасное...»

Нередко там, где случаются трагедии, появляются люди, желающие поживиться на чужом горе. Происходило это и в 1811 году в Киеве.

Николай Закревский сам был свидетелем мародерства: «Двор наш, находившийся тогда на улице, называемой Черная грязь, <...> был наполнен множеством солдат и чернью в лохмотьях. Эти вандалы казались весьма озабоченными <...>, они отбивали замки у наших чуланов, выносили в банках варенье и тут же ели, вынимая руками, а посуду в драке разбивали; то же было с напитками; словом, в несколько минут кладовые и погреб совершенно опустели. Потом принялись за вещи».

Киевский пожар 1811 года продолжался почти трое суток. Дым разносился от города на десятки верст. Те, кто не погибли в огне, умирали от удушья. Домашние животные, если находили в себе силы, убегали из Киева в леса. Днепровская береговая кромка в пределах города несколько дней была черной от осевшей на воду сажи.

Среди разрушений, нанесенных пожаром, значились известные Греческий, Братский, Флоровский монастыри, духовная академия, Лаврское подворье, более двух десятков церковных зданий.

По воспоминаниям Николая Закревского после трагедии 1811: «Подол представлял обширное и печальное пожарище, покрытое пеплом и грудами кирпичей; изредка торчали каменные стены и печные трубы, не успевшие обрушиться. <...>

Старый Киев, окруженный древними валами, кроме святых обителей и двух-трех церквей, заключал в себе нестройное сборище хижин и лачуг; самый Печерск был похож на уездный город...»

Исчезновение Охрима-Латки

«От огня земного — убегай, а от огня небесного — защищайся молитвой», — говаривали в старину.

А еще утверждала молва, что Киев притягателен для молний как ни один другой город. В древности киевляне знали о так называемых «местах Перуна», расположенных на возвышенностях. Именно в эти зоны чаще всего били молнии.

До X века язычники поляне устанавливали там изваяния божества грозы. Сгорали вокруг истуканов травы, деревья, кусты, гибли животные и люди, но сами идолы оставались невредимыми. Пораженных молнией соплеменников, живых или мертвых, поляне сжигали на костре, а пепел развеивали вокруг изваяний Перуна.

Но и в древние времена, и даже в XX веке считалось, что «огонь с небес» не только приносит беды. Есть немало сообщений о том, как после удара молнии люди исцелялись от разных заболеваний и приобретали необычные свойства.

Подобное случилось в Киеве в начале XIX века.

Неизвестно, откуда явился в город идиот-оборванец. Не мог он вымолвить ни слова, только мычал и делал знаки, чтобы ему подали на пропитание. Сердобольным киевлянам пришелец приглянулся веселым нравом.

Умел он всему радоваться. Подадут корку хлеба — идиот заливался смехом и в пляс пускался. Пролетит над головой птица или дождь хлынет — еще больше радости. Горожане прозвали этого безобидного малого Охрим-Латка. Насчет второй части прозвища понятно — вся одежда у оборванца была в заплатках. Но почему Охрим, так и осталось тайной.

Подметили киевляне, что в грозовые дни веселого идиота так и тянет на днепровские кручи. Сострадательные люди гоняли его оттуда: ведь именно в те места чаще всего били молнии. Но увещевания не помогали.

Уведут Охрима-Латку с опасной вершины, а через какое-то время он снова появляется там. Ни ливень, ни ветры, ни раскаты грома его не смущали. Идиот весело приплясывал под проливным дождем и радостно мычал, глядя в небо.

— Не кончится добром этот гопад в грозу на днепровских кручах, — сокрушались опытные люди, но поделать ничего не могли.

И однажды недобрые предчувствия сбылись. Немало киевлян видело, как во время пляски под проливным дождем веселого идиота поразила молния. От удара он тут же свалился.

Никто не кинулся в ливень карабкаться на кручу. Дело ясное — погиб бедолага христорадник, а похоронить его можно, лишь когда утомонится ненастье.

Утро следующего дня выдалось солнечное. Отправились несколько благочестивых горожан на кручу, где погиб Охрим-Латка, чтобы забрать тело. Пришли на место, огляделись, а покойника нет нигде.

Не могло же его ветром унести или дождем смыть? Стали шарить в травах и кустарниках. Никаких следов.

Обнаружилась на днепровской круче лишь странная ямка. Может, она образовалась от удара молнии? Глянули

в нее, а там на дне — золотая монета, увесистая, давняя, чужеземная.

— Видать, чистая душа была у Охрима-Латки, раз от него не пепел, а золото осталось, — предположил кто-то.

— Будет чем достойно помянуть раба Божьего...

Возражений не последовало, и народ тут же отправился на Подол в шинок.

Пацкие на золото

А через пару дней киевляне были изумлены, увидев Охрима-Латку живым и невредимым.

Но в каком виде!..

Из цирюльни вышел напوماженный, расфуфыренный франт. Несмотря на дорогое барское одяние, цилиндр и преображенное лицо, его узнали сразу:

— Охрим-Латка!..

— Да он ли это?!

— Гляньте, люди добрые, в какую важную птицу превратился оборванец!..

— Вот так чудо!..

В ответ бывший Охрим-Латка поднес к глазам лорнет, удивленно взглянул на обступивших его людей и пробормотал что-то по-иностранному.

Народ еще больше обомлел и поразевал рты.

Вчерашний идиот оборванец пожал плечами, опустил лорнет и зашагал в сторону Почтовой конторы, где уселся в готовый к отправлению дилижанс.

На том и закончилось пребывание в Киеве пораженного молнией Охрима-Латки, неизвестно под каким именем крещеного. Да и крещеного ли вообще?..

Зато в городе еще долго обсуждался этот необыкновенный случай. Кое-кто из старожиллов вспоминал, что подобное уже происходило в городе в давние времена.

Удар молнии, по их словам, для кого-то гибель или увечье, а для иных — второе рождение, благо и преображение. Случалось, люди, не знавшие ни одного иностранного слова, заговаривали на чужом языке, будто на своем род-

ном. Немые от рождения обретали речь, слепые становились зрячими, горбатые и кривые распрямлялись и на годов десятков молодели.

Ну а что касается внезапного богатства Охрима-Латки — и тут старожилы нашли объяснение. Оказывается, молния частенько бьет в место, где находятся богатые золотом и серебром клады. Недаром в старину киевляне говаривали: «И огненные небесные змеи падки до золота и серебра».

Видимо, здорово повезло идиоту-оборванцу: мало того, что молния шарахнула в башку в нужное место, да еще клад ему раскрыла.

В какие земли отправился человек, прозванный в Киеве Охримом-Латкой, какова его дальнейшая судьба — это уже мало интересовало обывателей. Одни из них кинулись перекапывать места, излюбленные молниями. Другие стали выжидать: когда же разразится гроза, чтобы взобраться на гору и подставить голову под небесный огонь.

А третьи, самые недоверчивые и рассудительные, отправились в ближайший околоток с сообщением. Мало ли кто шастает, расфуфыренный, по городу, вертит лорнетом и по иностранному лопочет? От таких жди любой пакости.

Неоконченный список

Наверное, невозможно подсчитать, сколько человек погубили и сколько произвели разрушений молнии за всю историю Киева. Сотни печальных примеров отражены в летописях, но тысячи не упомянуты на бумаге. В мае 1839 года над городом разразилась гроза — погибло 4 человека.

По свидетельству современников, в июле 1848 года «...лили сильные дожди, сопровождавшиеся необыкновенно порывистым ветром; со многих домов снесены были крыши, множество деревьев вырвано было с корнями, повалены заборы, и, наконец, Крещатицкая улица наполнилась водой... между домами прервалось всякое сообщение; вода стояла в полроста человеческого».

Когда начался этот ливень, на глазах у горожан молнией убило двух монахов. Через пару дней после грозы обнаружили еще несколько трупов со следами ударов «небесного огня».

14 февраля 1853 года в Киеве снова разгулялась стихия, погубившая десятки людей. Как отмечали современники, буря «...сорвала с крючьев несколько ворот, повалила инде заборы и разбила ставнями множество стекол в окнах, а на церкви Святого Архангела Михаила, что на Кожемяках, сорвала ветром крест».

Спустя три недели снова над городом разразилась гроза, от которой погибло 5 или 6 человек.

Увы, этот печальный список трагедий не обрывается и в наше время. Будет ли, наконец, найдена достойная защита от молнии? Возможно, нынешнее поколение киевлян ответит на этот вопрос.

Бабий Яр и трагедия 13 марта

Массовые эпидемии и голод, вражеские набеги, пагубные наводнения и другие природные катастрофы — подобным бедам были подвержены почти все города с многовековой историей. Но в Киеве происходили и трагедии, если так можно сказать, самобытные, ставшие известными во всем мире.

Об одной из них поведал в своей книге в начале 70-х годов прошлого века коренной киевлянин, писатель Виктор Некрасов: «Бабий Яр... Черные дни Киева. <...>

Тридцать лет назад, в первую же неделю немецкой оккупации, на стенах киевских домов появились объявления: “Все жида города Киева должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ) с документами, деньгами, ценными вещами, теплой одеждой и прочим...”.

Трагедия Бабьего Яра известна. Хочу только подчеркнуть: это было первое столь массовое и в столь сжатый срок сознательное уничтожение людьми себе подобных. Сто тысяч за три дня! Разве что Варфоломеевская ночь мо-

жет сравниться — там было убито до тридцати тысяч гугенотов. Хиросима и Нагасаки уже потом.

Бабий Яр — это старики, женщины, дети. Это беспомощные. Люди покрепче, помоложе, и не только евреи, нашли здесь свой удел уже позже — немцам понравился этот Яр.

Потом немцы ушли. Пытались скрыть следы своих преступлений. Но разве скроешь... Заставляли военнопленных сжигать трупы. Складывать в штабеля и сжигать. Но всего не сожжешь.

Потом овраг замыли...»

Виктор Некрасов вспоминал и другую катастрофу на месте печально известной киевской трагедии. Она произошла в 1961 году: «Прорвало дамбу, сдерживавшую намытую часть Бабьего Яра. Миллионы тонн так называемой пульпы устремились на Куреневку. Десятиметровый вал жидкого песка и глины затопил трамвайный парк, снес на своем пути прилепившиеся к откосам оврага домишки, усадьбы. Было много жертв».

Трагедия 13 марта 1961 года погубила около полторы тысячи киевлян. В то страшное утро лавина высотой более десяти метров, сметая все на своем пути, скатилась с Сырца на Куреневку. Люди, автобусы, трамваи, автомобили, грузовики, дома в считанные минуты были погребены под толщей смертоносного потока. Согласно официальному отчету, «общая площадь территории, залитой пульпой (жидкая глиняная грязь), составила 30 000 квадратных метров...»

Известные, забытые, еще не открытые

Население Киева устраивало свои невидимые подземные жилища, лишённые света и воздуха... и выходило из них для охоты на киевских горах и для ловли рыбы в многоводном и могучем Днепре. О такой жизни первобытных киевлян свидетельствуют находимые при раскопках на дне пещер остатки очагов, костей животных и рыб, битой посуды, орудий труда, вооружения и даже произведений искусства...

Возле всех киевских расположенных по берегу Днепра наземных монастырей существовали в ближайшем соседстве пещерные подземные монастыри, давшие жизнь первым.

Книга «Зверинецкие пещеры в Киеве (их древности и святости)». 1914 год

Уберегут от тысяч бед и забот

В XIX столетии киевляне говорили о своем городе: «Что ни хата, что ни дворец или монастырь — обязательно под ними есть вход в пещеры».

В этих словах не было преувеличения. Сотни лазов, колодцев, тайных ходов, созданных природой и руками людей на разной глубине, пронизывали недра города, сплетаясь в лабиринты.

С давних веков к пещерам у киевлян особое, почтительное отношение. На первый взгляд неприветливый мир мрака и тишины сберег от захватчиков, от смерти, плена и рабства множество людей. Неизвестно, когда появилось высказывание: «Почитай пещеры — и спасут они от тысяч бед и забот».

Немало написано книг и сложено преданий, сказок, песен о подземельях города. Их исследовали и монахи, и археологи, и любители-краеведы, и строители, и охотники за сокровищами.

В первой половине XIX столетия киевский гражданский губернатор Иван Фундуклей несколько лет изучал киевские пещеры. Казалось бы, чиновнику такого ранга негоже ползать по колодцам, тайным сходам и лабиринтам.

Кое-кто пытался отговорить его от этого увлечения, но подобные увещевания и советы не действовали. Как только выдавалось свободное время, губернатор вызывал кладбищенского землекопа Гната Чуприну и известного в городе колодезника Степана — то ли Собко, то ли Сожко. С ними он составлял план очередной подземной экспедиции и пускался в путешествие по миру тишины и мрака.

Странное увлечение и дружба столь важной особы с простолюдинами не могли остаться без внимания обывателей. Конечно же, появились слухи и пересуды. Поговаривали, что Фундуклей ищет древние клады и поэтому связался с Гнатом и Степаном, которые давно продали души подземным духам, скифским богам и языческим идолам.

А еще толковали, что губернатор задумал создать под землей «город-царство» и навсегда остаться в нем правителем.

Оживший истукан

Иван Фундуклей был не только талантливым организатором и предприимчивым руководителем, сделавшим немало полезного для Киева, но и остроумным человеком.

Самые нелепые слухи о себе он выслушивал с улыбкой и все подтверждал:

— Я собрал со всей империи самых знаменитых фальшивомонетчиков, и они в киевских пещерах чеканят золотые монеты?.. Полно, батенька, устарело. Я давно заменил фальшивомонетчиков «чудью белоглазой». Этих северных гномов завезли по моему приказу. А они, шельмы, ловки по золоту и драгоценным камням работать... Встречал ли я в пещерах ослепших скифов и оживших языческих истуканов?.. Да, мы с ними давно дружбу водим, и никаких разногласий не возникает...

Однажды в Киеве появился иностранный то ли негоциант, то ли промышленник. Человек, видимо, очень неприятный и чванливый. Невзлюбил его Фундуклей и, чтобы тот побыстрее убрался из города, запустил о нем нелепый слух.

Во время прогулки губернатор, как бы невзначай, поделился с обывателями:

— Господа, под большим секретом сообщаю: один из языческих истуканов решил покинуть пещерный мрак. Он принял обличие современного человека. Под видом иностранца этот идол пребывает теперь в нашем городе... Какие у него помыслы — увольте, господа, — мне неизвестно...

Для гражданского губернатора подобный розыгрыш может показаться легковесным. Зато быстро подействовал. Слух об ожившем истукане, явившемся из мрака на белый свет, мгновенно облетел Киев. Нашлось немало поверивших в эту нелепицу.

С утра до вечера толпа любопытных стала ходить за чванливым иностранцем, тыкать в него пальцами, отпускать непристойные словечки, щипать, чтобы выяснить, из чего он сделан.

Первый день объект фундуклеевой шуточки лишь изумлялся. На второй — озверел, стал орать на любопытных и грозно размахивать тростью. А на третий — плюнул на дела и умчался из Киева.

— Не выдержал ходячий истукан!..

— Видать, не по нутру пришелся ему белый свет...

— Вернулся восвояси, в темень подземельную... — сошлись во мнении знатоки и толкователи городских слухов.

«Благодаря киевским пещерам»

В книге «Обозрение Киева в отношении к древностям», изданной в 1847 году, Иван Фундуклей отмечал: «Святые пещеры Киево-Печерской лавры состоят из двух особых отделений, известных под именем Ближних, или Антониевых пещер, и Дальних, или Феодосиевых. Ближние отстоят от Великой Печерской церкви на 90, а дальние 200 сажень.

Место, где они ископаны, было вначале необитаемо и покрыто дремучим лесом... Преподобный Антоний. <...> пожелав еще в юности иноческого жития, прошел к святой Афонской горе. Там он принял монашеский сан и, пробыв не малое время, возвратился на Русь "с благословением от Святой горы", и, обходя здешние монастыри, искал для своего подвижничества уединенного места в дебрях, окружающих Киев.

Он нашел пещеру, ископанную Варягами, и в ней первоначально поселился около 1013 года. Во время братоубийства, свершенного Святополком, Антоний опять удалился на Афонскую гору, и по вторичном возвращении оттуда, нашел уже другую пещеру, ископанную священником Илларионом; и, полюбив сие место, поселился в нем.

Слух о святой жизни нового отшельника привлекал к нему многих людей, в том числе и князя Изяслава, приходившего с дружиною своею просить у него благословения и молитвы. И стала собираться при нем братия; и когда число ее увеличилось до 12-ти человек, то они распространили пещеру и устроили в ней церковь и кельи. Сия пещера известна под именем дальней...

Впоследствии преподобный Антоний, любя уединение, назначил братии игуменом Варлаама (который был сын одного знаменитого боярина киевского), а сам начал копать себе особую пещеру, в расстоянии на 110 сажень от первой. В ней, безвыходно пребывая 40 лет, преподобный Антоний окончил свою святую жизнь...

Обе пещеры ныне хранят нетленные мощи святых угодников Печерских».

Иван Фундуклей подчеркивал, что благодаря киевским пещерам удалось сохранить от пожаров, вражеских нашествий и других бедствий не только многие материальные богатства, но и духовные.

В своей книге он привел лишь часть известных ему сведений о городских подземельях. К сожалению, многие записи исчезли при его переезде на новое место службы, в Варшаву.

Вероятно, свои исследования подземного мира Киева Фундуклей начал с Гнилецких, или Пироговских, пещер: «Верстах в трех от села Пирогова <...> находится древняя Гнилецкая пустынь.

Следы ее обозначены остатками кирпичей, на месте, которое в народе называется церковищем, и на котором была каменная церковь во имя Рождества Богородицы, существовавшая по всей вероятности еще до нашествия Батыя. Вблизи этого места, в середине горы, находятся пещеры, называемые в простонародии Антониевыми... Печерские монахи, по разорении лавры в нашествии Батыя, скитались вблизи Киева, жили в лесах и вертепах, до самого обновления церкви и монастыря <...> только по временам они сходились к развалинам Великой церкви, для тайного совершения божественной службы. <...>

Своим устройством гнилецкие пещеры сходны с лаврскими. Они имеют два входа, один с восточной, другой с западной стороны. Пространства от одного входа к другому находится на поверхности около 15 сажень. От каждого входа идет пещерная улица покато вниз, в длину сажень около десяти, вышиной в сажень, а шириной не больше аршина. Потом эти улицы разделяются на несколько ветвей или отдельных ходов. Некоторые ходы уже завалены обрушившимися сводами».

Фундуклей подробно описал и Кирилловскую пещеру: «Она находится в лесу, на правой или киевской стороне оврага, лежащего по сю сторону бывшего Кирилловского монастыря, что ныне городское богоугодное заведение. <...>

Происхождение Кирилловской пещеры очень давнее. В простонародье она служит и поныне предметом баснословного рассказа о змее и о могучем киевском богатыре Кирилле кожемяке. Лютый змей, поселившийся в этой пещере, требовал от киевлян дань людей, и никто не мог противиться чудовищу, кроме Кирилла кожемяки».

О межигорской пещере Фундуклей писал, что находится она «...при спуске в Межигорье дорогою от Киева, на правой ее стороне. <...>

В этой пещере некогда была подземная церковь, обложенная по местам плитами красного камня и кирпичом. По этому камню и форме кирпича видно, что церковь эта принадлежит древнему времени. Близость бывшего здесь Белоспасского монастыря невольно внушает мысль, что ископание пещеры могло принадлежать подвижникам этой обители, когда она подверглась разорению в нашествие Батыя. <...>

В горах и лесах вокруг Киева есть еще и другие пещеры... Некоторые из них, вероятно, ископаны древними отшельниками, для молитвенного уединения; но иные, конечно, вырыты с тою же целью, как и варяжская, и отчасти принадлежат временам гайдаматчины».

«Мы ждем тебя...»

Фундуклей оставил в Киеве о себе добрую память.

По свидетельству современников, он не только «щедро и часто раздавал людям свои сбережения, но делал это весьма тактично, чтобы никого не обидеть и не задеть самолюбия». Иван Иванович старался оказывать материальную помощь незаметно для посторонних, словно стеснялся своего благородного поступка.

Он хорошо владел девятью или десятью европейскими языками, но употреблял их лишь в общении с иностранцами. Фундуклей прекрасно играл на фортепиано, однако об этом мало кто знал.

Почти каждый день он обходил улицы и площади Киева, замечал хозяйственные неполадки и принимал решения. А свои решения Фундуклей умел претворять в жизнь.

С собой у него всегда был мешок с медными деньгами для раздачи нищим. За свой счет Иван Иванович впервые вымостил камнем Андреевский спуск, отремонтировал несколько административных зданий, благоустроил рыночные площади, построил фонтан с бассейном и мраморной чашей на Крещатике. Жители Киева называли этот фонтан Фундуклеевским.

Немало денег гражданский губернатор пожертвовал на городские богоугодные заведения, на храмы и на улучшение содержания арестантов. Когда в 1845 году произошло разрушительное наводнение, Фундуклей не просто помог пострадавшим, а добился, чтобы подобная помощь стала традицией для губернского правления.

Иван Иванович приобрел городскую усадьбу (на углу улиц Богдана Хмельницкого и Пушкинской) и впоследствии подарил ее Первой женской киевской гимназии. Спустя годы она стала называться Фундуклеевской.

Перевод его в Варшаву многие киевляне восприняли как серьезную утрату. А на стене Варяжской пещеры появилась странная надпись: «Фундуклей, мы ждем тебя». Кто ее сделал — так и осталось загадкой.

Одни говорили, что это озорство студентов и гимназистов, другие указывали на Гната Чуприну и Степана Собко — давних друзей Ивана Ивановича. Ну а любители мистики утверждали, что сами духи подземелья начертали свое пожелание. Надпись на стене пещеры многие годы оставалась не тронутой. И лишь после смерти Фундуклея словно сама собою исчезла.

Продолжатели дела

Несмотря на отъезд своего покровителя, гробокопатель Гнат и колодезник Степан не прекращали исследований. При этом старались особо не привлекать к себе внимания. Губернское начальство стало с подозрением относиться к несанкционированным проникновениям в пещеры.

К середине XIX века в городских подземельях находили убежище не только местные преступники, но и уголовники

из других губерний. Появилось немало знатоков киевских пещер, которые за деньги прятали желающих от полиции.

Но и стражи порядка не дремали. Как сообщал в те времена «Киевский телеграф», каждую весну в Печорской, Дворцовой и Плоской частях совершались массовые облавы. Полиция проникала в пещеры, вылавливая воров, бродяг, дезертиров и других подозрительных личностей. Конечно, полностью очистить от них киевские подземелья не удалось.

Помощники Фундуклея Гнат и Степан фиксировали на бумаге каждое свое проникновение в пещеры. Они рисовали схемы обследованных лазов и периодически отправляли отчеты в Варшаву. Наверное, Гнат и Степан получали от Ивана Ивановича инструкции и распоряжения.

Сам он, в силу занятости на новой службе, лишь несколько раз сумел посетить Киев.

Немало любопытствующих пытались выяснить, какие открытия совершили Степан и Гнат, о чем они докладывали Фундуклею, какие задания получали от него из Варшавы. Но гробокопатель и колодезник умели держать язык за зубами.

А уж если их очень досаждали вопросами о пещерных поисках да еще «сдабривали» настырные вопросы угощением, хитрые Степан и Гнат «запускали вьюна». То есть начинали нести небывальщину. Но делали это так артистично и убедительно, что у слушателей долго не закрывались рты от изумления.

Очередное злоключение

Собралась однажды компания любопытных вокруг неутомимых исследователей подземелья. Пропустили по рюмке, потянулись повторить. А Гнат при этом так морщился, будто все косточки у него изнывали от боли. Рюмку поднять и то не вмоготу.

— Ну, шо, брат Гнатэ, тяжко? — участливо спросил Степан.

— Ой, тяжко, братику! — едва слышно ответил гробокопатель.

Компания замерла и выжидающе уставилась на приятелей.

— Что случилось?..

— Какая-то такая болячка прицепилась?..

— Та опять нарвались на чалдрину печерну... Забирай ее, холера! — горестно пояснил Гнат.

— Давно уже не дает нам покоя эта мавпа крылатая, чалдрина окаянная. Куда мы — туда и она! Ни в каких лазах подземных от нее не укрыться... — сокрушенно добавил Степан.

— Чалдрина печерна?.. Никогда о такой не слыхали, — живо заинтересовались слушатели.

— Ох, не приведи господи повстречать ее!..

— Даже вспоминать эту бесову дочь неохота...

— А все ж-таки расскажите!

То ли для еще большего возбуждения внимания, то ли чтобы успеть сочинить на ходу очередную байку, Гнат и Степан вначале не соглашались. Но минуту-другую поломались и все же уступили пожеланиям.

— Да ну ее, нечисть зубастую...

— Чего вспоминать на ночь глядя мавпу крылатую?.. — неохотно и опасливо начали Гнат и Степан. — Обитает она где-то в подземном море-болоте...

— Да откуда же в киевских пещерах море-болото? — удивились слушатели.

— В наших подземельях и не такое встречается... — неохотно пояснил Гнат. — А живет та белым светом не виданная уродина в вечной крошечной тьме, в могильной тишине...

Степан тут же продолжил:

— Любит она лишь блеск золота и драгоценных камней и оберегает клады от непрошенных гостей с белого света. Отыщет какой-нибудь человек сокровище в пещере, только дух переведет от радости, а это сатанинское наказание уже рядом...

— Видеть-то она не может, ибо нет у нее глаз, но все слышит и нюхом распознает. Даже если затаишься в темноте — жуткое отродье все одно учует...

— И тогда прощайся с белым светом!.. Не будет дороги назад...

— Не так ее клыки и когти страшны, как взор. Ни одна земная нечисть не может так в душу заглядывать!..

— Так она ж безглазая!.. Сами же говорили... — перебил приятелей самый дотошный из компании.

Но бывалых рассказчиков подобные замечания не смущали.

— Верно... И в самом деле — безглазая. Но все равно каким-то кандибоберным образом умеет чалдрина заглядывать в душу. После этого человек становится рабом. Идет покорно за ней: хоть в море-болото подземное, хоть на пир истуканов языческих.

— Да как же вы отделались от нечисти и на белый свет вернулись?..

Степан и Гнат многозначительно переглянулись, будто взвешивали: открывать или не стоит сокровенную тайну.

Но, опрокинув еще по рюмке за счет слушателей, все же решились:

— Есть у той чалдрины печерной одна слабина. О том ведьмы Ирица и Босорка нам рассказывали. Давно позарилась сатанинская дочь на скифский золотой меч, а заполучить его не может. Древние боги скифов и близко не подпускают ее к священному оружию. Рисуют они какие-то знаки на стенах пещеры, и чалдрина от них отступает. Видать, боится...

— Как же она без глаз видит те знаки? — снова проявил недоверие кто-то из слушателей.

— От шепуток неумный! — возмутился Гнат.

— А ты сам отправляйся в пещеру, к морю-болоту, и выясняй... — язвительно предложил Степан.

Никто за столом не откликнулся на его предложение. Вдруг и в самом деле обитает в киевских подземельях неведомая злобная тварь?..

А довольные Гнат и Степан снова заговорили:

— Вот мы и пообещали той окаянной чалдрине поспособствовать...

— Если не погубит нас, мы ей скифский золотой меч добудем.

- Неужели поверила?..
- Поверила, да не очень. Дала нам срок — ровно год.
- И ни одного денька лишнего.
- А коль не уложимся... тогда — прощайте, братцы!..

Навсегда пропадем в подземном море-болоте...

— Потому, не будем терять время. Ибо, как говорили наши древние учителя — скифы: «Если чарка не наполнена — день вычеркнут из жизни...»

«Кровь и золото в каждом словечке»

Конечно, рассказам Гната и Степана мало кто верил без оглядки. Зато их были и небылицы мгновенно разлетались по Киеву, обрастали жуткими деталями и домыслами и долго обсуждались обывателями.

Брякнули под чарку знатоки пещер о сговоре с неведомым чудовищем — и тут же по городу поползли слухи: распорочные хлопцы уже добрались до золотого скифского меча. А отыскивали его по карте подземелий, составленной Фундуклеем.

Расспросы любопытствующих ни к чему не приводили. Гнат и Степан отделивались шуточками:

— Добудем золотой меч — вам первым его покажем. А как сгинем в подземном море-болоте — к вам первым в страшном сне заявимся.

Неизвестно, сколько времени исследовали киевские пещеры Гнат и Степан и что на самом деле собирались они извлечь на белый свет...

Когда в Киев пришла весть о смерти Ивана Ивановича Фундуклея, одна ясновидящая с Оболони заявила:

— Сгинут скоро хлопцы... Дошутковались лазуны пещерные. А не ведают, баламуты, что письмеца их Фундуклею по дороге распечатывались, да все секреты вычитывались. А послания те не забавные — кровь и золото в каждом из них скрыты...

И в самом деле: вскоре после недоброго заявления оболоньской предсказательницы пропали Степан и Гнат. «Наверняка сгинули приятели в подземелье, — решили киев-

ские обыватели. — Жаль... теперь не услышим их славные байки!..»

Митяй и Милашка

А спустя какое-то время в поле зрения киевской полиции попали прибывшие из Парижа молодая очаровательная мадам и ее респектабельный седовласый супруг.

Случайным знакомым он представлялся Александром Дюма-младшим и заявлял, что собирается написать роман о киевских пещерах и о погибшем в них славном кабальеро Алквистоне.

Чем славен и вообще кто такой этот Алквистон? Как занесло благородного кабальеро из испанских далей на днепровские берега? Киевские знакомые «Александра Дюма» стеснялись задавать ему подобные вопросы. Но при этом живо поддерживали замысел французского гостя:

— Давно пора воспеть светлый образ благородного Алквистона. И куда раньше смотрели наши отечественные господа сочинители?..

Однако у полиции были свои взгляды на творческие планы визитера. Стражи порядка прекрасно знали, что Митяй Варшавский, он же Черета, вообще не возьмется за описание жизни и подвигов славного кабальеро.

Сыщикам не удалось его задержать. Известный вор Митяй Варшавский и его поделщица Милашка Фру успели скрыться.

Криминальная парочка очень торопилась. В их гостиничном номере остались полупустой пузырек с порошком опия и оброненный листок с фрагментом схемы киевского подземелья. На листке была выведена дата «17 марта 1842 года» и стояла подпись Ивана Ивановича Фундуклея.

Находка ничего не дала полиции, а лишь добавила вопросов. Но еще больше вопросов возникло у стражей порядка на следующий день.

В подвале заброшенного дома рядом с Панкратьевским спуском были обнаружены два трупа. Кто перерезал глотки Митяю Варшавскому и Милашке Фру? Что занесло

авторитетных преступников в эти трущобы? Полиция не нашла ответа.

Зато по киевским «малинам» «прошелестела воровская почта»: «Местные ни при чем... Митяю и Милашке сыграли хану залетные...»

Зачем?.. Дела пещерные — дела темные, на большой крови и золоте замешаны. И никакие духи, вурдалаки и прочая нечисть тут не виноваты.

Но выводы местных блатных показались любителям мистики слишком обыденными. И в Киеве снова заговорили о непознанных жутких тайнах городских подземелий.

Пѣна казачья

*Ишли ляхи на три шляхи,
Козагеньки на готыри,
А татаре поле вкрыли.
А в том войску козацькому
Ехал возок та й покрытый
Червоною кытайкою,
Заслугою козацькою.
А в том возку было тело
Порубане, погорниле.
За тем возком конь лыцарский,
Веде коня хлоп козацький.
Держить в руке спис довгенький,
А у другой мет ясненький.*

Казачья песня XVIII века

Долина целебных ключей

Урочище Межигорье в Средние века было покрыто дремучими лесами. Славилось оно целебными родниками. За сотни километров сюда приходили на лечение люди и надолго поселялись в этом заповедном месте.

Урочище привлекало племена в бронзовом веке. Археологи обнаружили немало следов стоянок древнего человека. Здесь обустраивали свои капища поляне и омывали идолов водами целебных ключей. В Межигорских пещерах находили приют христиане, уединяясь от мирской суеты.

В 1161 году князь Андрей Боголюбский основал в этом урочище церковь Белого Спаса. В описании Киевской лавры (конец XVIII века) говорится: «В оном Спаском монастыре, во месте деревянной, создал каменную церковь Благочерный Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. <...> положение храма было не на том месте, где нынешний находится; но на другом, на версту с половиною ближе к Киеву, над рекою Днепром, между нынешним монастырем и селением называемым Вышгород».

Различные документы и записи XVIII века отмечали духовную связь Запорожской Сечи с Межигорьем. Согласно преданию, умирающий от ран казак «услыхал глас небес: пересиль боль и слабость, доберись до киевских круч и омой свои раны водой межигорских ключей... И залечатся твои раны и душа твоя возрадуется». Казак так и поступил и вскоре выздоровел.

Николай Закревский в книге «Описание киева» отмечал, что в XVII веке «...народная слава общежительного монастыря Межигорского, простота и строгие правила отшельнической жизни иноков сей обители, все это вместе обратило к Межигорью сердца Запорожского товарищества...

Запорожцы <...> послали в Межигорье приглашение быть войсковым монастырем, духовенством всего Запорожья, обязываясь при сем быть всегдашнею парафиею (приходом) и ктиторами сей обители. Желание их состояло в следующем: а) чтобы Межигорский монастырь посылал в Сечь только главного иеромонаха, б) поминал при богослужениях своего ктитора и всю парافیю и в) заведовал вполне войсковым гошпиталем, который тогда же устроен был при Межигорье, для содержания в нем нищих, калек, преимущественно увечных запорожцев, на счет Запорожской Сечи».

Многие монахи Межигорского монастыря назначались учителями к детям казаков. Задача так называемых сечевых школ была сформулирована еще в XVII веке. В них учили: «Богу добре молитися, на коне репьяхом сидети, саблю рубати и отбиватися, з рушницы метко стреляти и шписою мощно колоти».

Запорожцы стремились хотя бы один раз в два-три года бывать в Киеве, чтобы поклониться Святому Спасу Межигорскому. При том они обязательно дарили монастырю лампаду или икону.

Богатые казаки не только делали пожертвования, но и за свой счет ремонтировали старые постройки в монастыре и возводили новые. Так, в XVIII столетии на деньги кошевого атамана Кальнишевского была построена колокольня, а на средства кошевого судьи Николая Тимофеевича возведена церковь Святого Пантелеймона.

Немало казаков оставались в Межигорье на месяцы и годы. Совершалось это «по обету или по приговору казачьего войскового суда за различные преступления». А некоторые запорожцы из лихих, дерзких рубак становились смиренными монахами и, как говорили в те времена, «оканчивали дни свои в покаяниях и молитвах».

Путь в послушники

Николай Закревский приводит в своей книге рассказ киевских старожилов о традициях, связанных с переходом казака в монахи. Соблюдались эти правила и традиции в XVII–XVIII веках.

«Запорожец, доживший до седин и старости и решившийся оставить свет, прежде всего просил выделить из общей кружки (кассы) причитающуюся ему часть денег...

Набивши черес (кожаный пояс) червонцами, приглашал он, на свой счет, человек 30 или 40 приятелей повеселиться и проводить его. Общество это отправлялось в Киев, где около двух недель товарищи чудили и шумно помогали козаку прощаться со светом.

Появление их пробуждало город от тихой, обыденной жизни. Одетые в синие и красные жупаны или кармазины из тонкого сукна, нося на голове красные бархатные шапки, разъезжали эти сечевики на ретивых конях, на которых сверкала богатая сбруя. Как необходимая принадлежность, им сопутствовал хор музыкантов, игравших на скрипках, виолончели, цимбалах, бандуре с присовокуплением ино-

гда и турецкого барабана. Кроме музыки, Сечевиков сопровождали песенники. Все они вместе производили шум, пьянствовали на счет прощавшегося, танцевали и предавались дикому ликованию.

Толпа зевак осаждала эту полувоенную и полушутовскую процессию, которая производила особенное впечатление на бедных бурсаков и этим средством во множестве привлекала их в Сечь».

Шумная компания запорожцев в сопровождении десятков, а порой и сотен горожан, согласно традиции, обходила все киевские базары. Там казаки покупали целые возы с горшками и рыбой и несколько бочек дегтя. Горшки они разбивали вдребезги, рыбу швыряли прохожим. А деготь запорожцы выливали на землю, а порой купались в нем!

Как отмечал Николай Закревский: «Проведя некоторое время в подобных наслаждениях, гурьба эта, с такою же церемониею, отправлялась наконец в Межигорье. Но у врат этой обители для запорожца оканчивались мирские потехи. Он прощался со своими приятелями, оставлял музыкантов и провожавшую его толпу народа.

Ворота отворялись; с выходом монахов все умолкало, и сечевик, переступая порог уединенного монастыря, пресекал все связи со светом. Он отдавал свое имущество в пользу обители, разставался с богатым нарядом козацким, надевал власяницу и посвящал себя молитве и покаянию. Обыкновенно это были суровые, самые строгие к себе монахи».

Без буйных потех

О Межигорском монастыре в Киеве ходило немало преданий. Еще в 30-х годах XVIII столетия один казак, постригшийся в монахи, заявил братии, что их обитель сгорит от «взора наиглавнейшей бабы в империи».

Кого он имел в виду? Наверное, одну из цариц. Хотя в те времена о венценосных особах побаивались говорить подобное.

Недоброе пророчество бывшего казака монастырская братия вскоре забыла. А вспомнилось оно лишь спустя много лет.

В 1787 году, во время своего долгого пребывания в Киеве, императрица Екатерина II заявила, что желает увидеть знаменитый, любимый запорожскими казаками монастырь.

В ночь перед назначенным государыней осмотром Межигорская обитель вдруг загорелась. К утру пожар превратил великолепную лавру в черные руины. После этой беды монахи разошлись по разным монастырям.

Лишь в 1860 году Межигорскую обитель удалось восстановить. Но она утратила свое бывшее значение и самостоятельность. Ее передали в подчинение Киево-Печерской лавре.

В XVII–XVIII веках у запорожских казаков существовала еще одна традиция, связанная с Межигорским урочищем. Перед тем как принять для себя жизненно важное решение, лихие рубаки отправлялись туда, чтобы несколько суток наедине побыть в пещере.

Там они якобы могли услышать ответы матери-земли на волнующие их вопросы. Вначале казаки поднимались на Пекарницкую гору и разжигали на всю ночь костер. Считалось, что не каждый сможет вернуться на белый свет после пребывания в Межигорской пещере. Потому казаки, на всякий случай, наслаждались светом костра, звездами, вечерней и утренней зарей.

В ночь перед спуском запорожцы отдыхали, но без «буйных потех и походов». У костра они вспоминали бывшее, выпивали и, конечно же, пели песни. Выбирали из своего богатого репертуара самые веселые и озорные:

Жит'є наше казацке — ми не пропадем.

Хоть гуляем и пьем — а нужды не знаем.

Мы в гулянии, в вечер, в полудень и в ночи,

Только б грати та спивати — до сего охочи.

Сам моторный, волос чорный — и лицем хороший.

Нуте, нуте, молодицы, — нуте погуляйте!

Одни грайте, други скачьте — а третьи спивайте.

Кто знает, что ждет казака во мраке подземелья? Услышит ли он там доброе предсказание или печальное? Может, не доведется уже ему петь веселые песни?..

По-разному возвращались запорожцы из Межигорских пещер. Одни выходили на белый свет радостные, окрыленные, другие — понурые, с тоской и страхом в глазах. А уж сколько историй можно было услышать в старину о приключениях казаков во мраке подземелий!.. О том, как одних пещера одаривала богатством, наделяла замечательными, сказочными способностями и выводила на белый свет в добром здравии, а с другими обращалась хуже самой вредной мачехи.

И удача может заблудиться

Неизвестно, чем и в какие времена прогневал киевское подземелье удалой-развеселый казак Павло. И в бою, и в веселье был он одним из первых. Всегда приходил товарищам на выручку, слабых не обижал, а в иные минуты в глазах его играли озорные огоньки. Любит таких удача. И мимо Павла она не проходила: что ни день — обязательно ему улыбалась.

И зачем нежданно-негаданно удачливого казака потянуло в киевские пещеры, толком никто не знал. Может, решил испытать себя или захотел побывать там, где еще никогда не был, испытать то, чего еще никогда не испытывал?

В общем, задумал — исполнил. И отправился он из Сечи в Киев. В какую пещеру спускаться и где тайный лаз в нее, бывалые товарищи подсказали. Не забыл Павло давнюю казацкую традицию, связанную с походом в подземелье. Вот только почему-то не позвал друзей к ночному костру на горе.

Повстречал его у входа в пещеру старик:

— Гей, козаче!.. Куда так торопишься? Не забыл ли прочитать молитву? А у костра с товарищами ночку провел? Не забыл присесть и задуматься: куда и зачем идешь?

Рассмеялся в ответ Павло:

— Стоит ли терять время? Раньше влезешь во тьму, раньше оттуда и выберешься на белый свет!..

Взглянул дед на казака с тревогой и покачал головой:

— Не стоит уходить в подземелье, чтобы потешить любопытство. Мать — сыра земля не приемлет подобного. Остуди свой раж, козаче, дай над собой власти холодному рассудку и ответь Богу и самому себе: куда и зачем ты идешь?..

Снова засмеялся Павло и стал крутить от нетерпения ус.

— От приставучий дед попался!.. Ступай своей дорогой! Пугай своими речами баб да ребятню! Не боялся я сабель басурманных и пик ляховых, от пуль и кинжалов не прятался. Куда задумывал идти — там и оказывался. Удача мне мостики через любые преграды стелила. Авось, и в пещерах убережет...

Сказал казак и раздвинул кусты, где начинался лаз в пещеру.

— И удача может заблудиться во тьме подземелья!.. Верно люди говорят: свой гонор страшней вражьей сабли. От залихватской гордости куда больше голов теряется!.. — произнес вдогонку старик.

Но казак уже не услышал тех слов. Сырость темного подземелья не остудила его. Он упрямо пробирался в неизвестное.

Никто не хватился Павла в первые дни. Мало ли в Киеве заезжих казаков надолго оседают в шинках, по тайным притонам с недоброю славою, по хатам с непотребными, балагурными девицами?..

Возвращение на белый свет

Приехали из Сечи друзья Павла и начали его поиски. Да разве просто так отыщешь человека в запутанном огромном подземелье?

Призывали казаки на помощь знатоков киевских пещер, но пропавший сам объявился. Вернуться-то он вернулся на белый свет, но только совсем другим человеком. Угасли

былые веселье и кураж в глазах, и смотрел теперь Павло все время куда-то в сторону, вниз. Губы его беззвучно шевелились, будто нашептывал, пересказывал запорожец — то ли Богу, то ли самому себе — свою пройденную жизнь.

Поднесли ему казаки две чарки. Одну с доброй вишневкой, другую с двойной горилкой.

— Пей, Павло!.. Вмиг вся напасть пещерная с души смется!..

— И кручина сама собой развеется...

— И очи сполохнут задором!..

Взял казак равнодушно чарку с вишневкой. Чуть пригубил и отставил. Поднес ко рту горилку, да только усы намочил и вернул товарищам. А сам ни на них, ни на выпивку не смотрит.

Переглянулись тревожно запорожцы:

— Ох, братцы, совсем дело худо...

— Где это видано, чтоб казак горилку обидел и вишневку не приветил?..

— Пропала головушка забубенная!..

А Павло уселся за стол к товарищам и безучастливо продолжал молчать, будто и не слышал их беспокойных слов.

— Что хоть видел? Что повстречал в подземелье? — попробовали разговорить его сечевики.

Пожал Павло плечами и нехотя забормотал:

— Бродил, бродил по темным закоулкам, по сырым переходам и вел беседу...

— С кем? — удивились запорожцы.

— Со всеми, кого встречал...

— Кого ж тебе там нечистая сила послала? Может, слепых скифских богов или оживших языческих истуканов? — пошутил один из казаков.

— И с ними встретился, — кивнул Павло.

— Может, тебе показали, где хранится золотой скифский меч или другие сокровища? — не унимался шутник.

Но тут же получил тычок под ребра от товарища.

— Сокровищ не видел... К вечному блужданию и размышлениям приговорила меня мать — сыра земля, — по-

яснил Павло. — Все оставшееся время на белом свете мне теперь блуждать, путаться, теряться и беспрестанно думать, думать, думать...

— Такого казака нечисть пещерная погубила!.. — сделали наконец вывод запорожцы.

— Пропал лихой рубака...

— Лучше уж от сабли басурманной сложить голову, чем такое страшное наказание испытать!..

Какая дума не дает покоя?

Посокрушались, посовещались запорожцы и решили просить Межигорский монастырь принять в свое лоно бедолагу Павла. Но определить его в святую обитель не удалось: исчез он тихо и незаметно.

Кинулись запорожцы искать меченного пещерным проклятием вначале в самом Киеве, потом по окрестным селениям. Но так нигде его и не обнаружили.

И возвратились казаки в Сечь с печальной вестью о пропавшем товарище. Лишь спустя месяцы услыхали запорожцы, что бродит Павло неприкаянным оборванцем по украинской земле и нет нигде ему пристанища.

Как дитя малое плутает он и на городских улицах, и в раздольных степях, и в рощах. Не глядит бедолага на встреченных людей и все думает, думает, думает...

Куда и зачем он идет? Какие горестные мысли не дают ему покоя? Что на самом деле с ним приключилось в пещере?.. Даже самые бывалые и мудрые сечевики не могли ответить.

— Все мы не без греха... И прихвастнуть можем, и любопытством не обделены, и гордыня в нас играет, и упрямства хоть отбавляй, и в пещеры киевские не раз лазили... Так почему же столь необычное наказание одному выпало?..

И на это не смогли найти ответ бывалые казаки.

Свет из подземелья

*На Украине жил когда-то,
Телом бодр и сердцем тист,
Жил старик, слепец, маститый,
Седовласый бандурист.*

*В черной шапке, в серой свитке
И с бандурой на ремне,
Много лет ходил он в людях
По родимой стороне.*

*Жемтук-слово, гудо-песни
Сыпал вещей с языка.
Были струны на бандуре
Под рукою старика.*

Константин Слугевский

Средневековые артисты

Когда у славян появились первые музыканты, акробаты, дрессировщики, танцоры, песнопевцы, точно не известно.

В 583 году, по свидетельству византийского хрониста Феофана, греки захватили в плен трех славян «...без всяких железных доспехов, с одними только гусями». Император Византии Маврикий, «...подивившись их росту и похвалив их величавую наружность, отослал их в Гераклею». Что стало потом с этими гусярами, Феофан не упоминает.

Скорее всего, пленники услаждали слух и развлекали императора и его приближенных.

В киевских преданиях рассказывается о знаменитом поэте, певце, музыканте Бояне.

«Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земле, шизым орлом под облакы», — говорится в «Слове о полку Игореве».

Согласно мифологии, Велесов внук Боян понимал язык зверей, птиц, воды и ветра и умел все услышанное от них перекладывать на музыку. Немало сложил он песен о князьях, богатырях и героях. Как говорилось в летописи, Боян «князям славу рокотал».

Имя легендарного поэта, певца и музыканта упоминается в надписях Софии Киевской. В росписях этого собора, помимо библейской тематики, есть и светская. На южной стороне центрального нефа храма изображены дочери Ярослава Мудрого. А на стенах лестничных башен — фигуры музыкантов и скоморохов.

Любили киевские князья и богатые горожане устраивать в своих чертогах представления. Зазывали они к себе поэтов, танцоров, музыкантов, песенников, щедро угощали их, одаривали и, бывало, по несколько дней наслаждались зрелищем.

Средневековые артисты были весьма почитаемы киевлянами. Но после страшного нашествия и разорения Киева в XIII веке надолго там смолкли голоса певцов и музыка.

Веселые и устрашающие представления

Шло время. Город восстанавливался, богател. И опять на его улицах и площадях появились артисты. Новые времена диктовали новые формы искусства.

В XVII–XVIII веках немало киевских бандуристов, музыкантов, певцов, поэтов и актеров пришли из числа учащейся молодежи. Как отмечалось в летописи тех времен, «...ученики и студенты заводили певческие партесные хоры.

Сверх того, малые дети ежедневно под окнами у граждан испрашивали пищу в обеденное время пением стихов. <...> Студенты же по вечерам испрашивали таким же образом с пением при воротах разных кантов, что называлось спеваньем.

Иногда по вечерам для ночующих на Житной площади торгашей пели они канты, сочиненные в честь святых и икон чудотворных, Богоматери Атырской, Каплуневской и проч.

Во время праздника Рождества Христова отборные студенты и ученики ходили по домам со Звездами, с Вертепом или Райком, представлявшими куклами Рождество или Воскресение Христово; но после сии представления предоставили цеховым мастерам, а вместо того представляли диалоги, драмы и говаривали поздравительные речи.

В летние вакации, составив артели уходили они по разным губерниям и слободским полкам для сбора подаяний, певали по церквам приходским службы, а по домам разные канты, также говорили речи, представляли диалоги, комедии, трагедии и проч. Эти хождения назывались епетициями».

В XVII–XIX веках на Святки, на Масленицу, на Троицу, на Ивана Купалу в веселых киевских представлениях участвовали не только студенты и странствующие актеры. Тысячи ряженных из торговцев, ремесленников, чиновников, казаков, прислуги наполняли улицы и площади города. Они надевали маски и костюмы чертей, птиц, зверей, леших, водяных, покойников и устраивали представления под открытым небом.

Несмотря на любовь киевлян к артистам, те все же подвергались гонениям и в Средние века, и позднее. Причины тому были разные. Так, в 1794 году бродячие комедианты в песне отозвались нелестно об императорской семье. О случившемся донесли властям. Но артисты ловко ускользнули от посланных за ними стражей порядка и скрылись в киевских пещерах. Их безуспешно искали несколько дней.

Городские подземелья с древних времен были для странствующих лицедеев не только убежищем от всяких неприятностей и местом для ночевки. В них артисты проводили репетиции и хранили свой реквизит, музыкальные инструменты, сценические костюмы.

В XVIII–XIX веках бродячие комедианты иногда устраивали в киевских подземельях «ужасающие мистерии». Происходило это, когда на облюбованные ими участки проникали посторонние: нищие, воры, дезертиры, искатели сокровищ...

Туда, где монахи оборудовали подземные кельи, комедианты не лезли. В недрах Киева хватало мест для всех. Согласно преданию, самыми излюбленными были у артистов Зверинецкие пещеры.

Заново открытые

Как отмечалось в справочнике, изданном в 1914 году, эти пещеры «...находятся в той части города, которая с незапамятных времен носит название Зверинца. Они заключены в горе, к востоку от которой, в недалеком расстоянии, расположен Выдубицкий монастырь; к юго-востоку, в таком же близком расстоянии, находится Св.-Троицкий монастырь; вся западная сторона, по своим холмам и долинам, покрыта скромными домами зверинецких обывателей; на северо-западе, на далекой горе возвышается Киево-Печерская лавра».

О Зверинецких подземельях киевляне знали с давних веков. Примерно в 988 году в них был основан монастырь Святого Михаила. Но просуществовал он недолго. В справочнике говорится, что «...может в 1096–97 или в 1240 году наступила полная гибель пещерного монастыря: он был засыпан половцами или татарами. <...>

Надписи, найденные на стенах Зверинецких пещер, по своим палеографическим <...> и филологическим особенностям могут быть отнесены к XI-му веку».

Исследователи считают, что эти подземелья были заново открыты в 1882 году. Но тайно от властей ими пользова-

лись в XVII–XIX веках разбойники, беглые крепостные, дезертиры и, как уже было сказано, странствующие актеры.

В книге И. Каманина, опубликованной в 1914 году, приводится рассказ старой киевлянки Феодосии Матвиенковой о Зверинецких пещерах. Однажды утром она услышала гул провалившейся земли, а затем увидела светлую радугу, которая как бы касалась места провала.

«...В полдень того же дня сосед Матвеевской, живописец Дмитрий Зайченко, со своим товарищем, возвращаясь из Свято-Троицкого монастыря, заметили провал. Они разрыли отверстие. <...>

Зайченко спустился в образовавшуюся яму, где пробыл около 15 минут; при свете восковой свечи он обнаружил длинную пещеру, в которой по его словам, было много человеческих голов, костей, неистлевших остатков монашеских поясов, четок, обуви и т.п.

В тот же день, вечером, в пещеру спускались многие монахи Свято-Троицкого монастыря, подтвердили слова живописца и даже кое-что позабрали оттуда».

В документах, собранных Каманиным, не говорится о находках монастырских служителей. Однако по городу пошла молва, будто монахи наткнулись на какие-то сокровища и утаили их. А еще они обнаружили старинные кожаные и деревянные маски. Эти не представляющие ценности вещи монахи выбросили у выхода из пещеры.

Детвора из близлежащих домов тут же подобрала маски. Видимо, немало обывателей были ими напуганы, раз пришлось полиции пресекать озорство ребятни. Старинные аксессуары лицедеев изъяли и сожгли на пустыре возле околотка.

Ночные видения

Свидетельница образовавшегося прохода в Зверинецкие пещеры Феодосия Матвиенкова оказалась весьма любопытной особой. Несмотря на свой почтенный возраст, она вместе с подружкой ринулась осматривать

подземелье. Правда, завистливые соседи потом утверждали, что не жажда познания потянула туда старушку, а надежда отыскать сокровища.

После своей непродолжительной экспедиции Феодосия сообщила, что «...видела там около 50 истлевших гробов <...> ; в каждой пещерке лежало по двое покойников головами к ее устью».

Исследовательница также обнаружила человеческие черепа. Их оказалось, по ее подсчетам, 99. «...Доходила она и до какой-то двери, постучала рукой, но отзвука не было, потому что снизу дверь оказалась засыпанной почти до половины землей. <...> Дверь деревянная, покрытая толстыми листами железа, которые прибиты железными же гвоздями с головками в копейку».

О многом поведала Феодосия своим слушателям. И лишь на вопрос: попались ли ей сокровища? — не желала отвечать и переводила разговор на другую тему.

Среди соседей пошли разговоры, что неутомонная старушка стала посещать Зверинецкие пещеры каждую ночь. И всякий раз возвращалась домой уже под утро с тяжелым мешком.

А сама Феодосия жаловалась знакомым, что повадились к ней во сне покойники, разодетые, как лицедеи в давние времена. Они играли на старинных инструментах, кривлялись, плясали, пели и тянули руки, выпрашивая награду за представление.

Матвиенкова отмахивалась и уговаривала их:

— Ступайте прочь, откуда пришли. Нет у меня денег!..

Покойники дружно хохотали в ответ:

— А ты хорошенько поищи, Феодосьюшка. Пещеры наши богатющие: что ни шаг — то жменя золотых и драгоценных камней припрятана...

— Ой, не ленись, поклонись тьме подземельной, и одарит она тебя!..

— Сами-то почему к бедной старухе являетесь, а не у тьмы подземной награды просите? — задавала справедливый вопрос Матвиенкова.

Еще громче хохотали покойники-лицедеи:

— А ты иди с нами — тогда и узнаешь...

Но Феодосия не поддавалась на такое предложение. Понимала: уйдешь с этой компанией во тьму — и уже белого света не увидеть.

После месяца ночных кошмаров отслужила Матвиенкова по лицедеям из далекого прошлого панихиду. И страшные ночные визиты прекратились.

Стихийные проникновения

А тем временем в Зверинецкие пещеры зачастил народ. Одни искали там сокровища, другие посещали их из праздного любопытства, третьи — с научной целью.

Особенно досаждала этим подземельям детвора. Как отмечали современники, «ребятня, играя, выносила из пещер черепа и кости, катали черепа по улицам и во дворах, надевали их на колы, соревновались, кто дальше забросит».

Старики отчитывали детей за греховные забавы и предсказывали всевозможные беды. На сорванцов увещевания не действовали. Игры с черепами прекратились, лишь когда в 90-х годах XIX века в Зверинецких пещерах пропало трое мальчишек. Ни живых, ни мертвых, их так и не смогли отыскать.

А в 1911 году произошел новый оползень. Он захоронил вход в подземелье, которое за три десятилетия до того обнаружила Матвиенкова. Зато этот оползень открыл два новых входа. И стихийные проникновения в Зверинецкие пещеры продолжились.

Как отмечал в своей книге Каманин, «...со времени первого открытия пещер в 1882 году и до начала расчистки и исследования их в конце 1912 года прошло почти, страшно сказать, 30 лет, в течение которых и окрестные жители, и играющие в них дети, и далекие посетители могли свободно и безнаказанно уносить из пещер все, что кого интересовало. Неудивительно, если в пещерах не найдено никаких вещей, кроме кожаных поясков, четок, крестов и остатков обуви».

О давней монастырской жизни в этих пещерах Каманин писал: «Зверинецкая обитель, которая возникла более чем за полустолетие раньше Печерской, явилась как бы предтечей этой последней.

Будучи сходны в своей основе жизни, они различались только масштабом <...> в Печерской обители все было поставлено шире и тверже. Главной же отличительной общей чертой обеих обителей было возведенное в систему пещерно-подвижничество; Печерской обители оно доставило, благодаря непрерывности ее существования, вечную славу святости и составило ее историческую заслугу; слава же и заслуга Зверинецкой обители, с ранним прекращением ее жизнедеятельности, была прервана и забыта».

«Тем живучей они становились»

Скромные находки археологов в Зверинецких пещерах не могли поколебать уверенности киевлян в существовании там богатых кладов.

— Пусть нам талдычат про сгнившие ремешки, чоботы и костяные пуговицы! Мы-то знаем об истинных сокровищах, — заявляли друг другу обыватели после очередной заметки в газете о работе археологов.

Незадолго до начала Первой мировой войны по Киеву распространились слухи о множестве людей, бесследно исчезнувших в Зверинецких пещерах.

Чтобы прекратить досужие домыслы, в прессе появилось разъяснение, что подполья эти небольшие и полностью исследованы.

«Состоят они из 5 "улиц". Длина самой большой из них, названной археологами Алтарная, всего лишь 54,35 метров. Четыре другие немного короче. В них находятся кельи средневековых монахов, и нет никаких признаков богатых кладов».

Публикация вызывала насмешки недоверчивых горожан:

— Дурят нас, простаков!..

— Умалчивают, что на Алтарной улице отыскивали древний лаз в такие подземные глубины, что дух захватывает!..

— А из тех глубин тайные лазы ведут еще дальше — в пещеры с сокровищами. Стены там разрисованы то ли скифами, то ли язычниками...

— Доброму христианину и глядеть на те художества опасно. Человек может вдруг растаять в воздухе и сам стать рисунком на стене...

— А совершают обход пещер ожившие языческие идолы под музыку, песни и кривляния не захороненных комедиантов...

Подобные разговоры можно было услышать на любом киевском базаре, в компаниях скушающих кумушек, на вечеринках и посиделках.

Поняли власти, что чем больше борешься со слухами, тем живучей они становятся. Публикации об исследованиях Зверинецких пещер прекратились. К тому же началась Первая мировая война, и появились поважней проблемы. Вслед за бедой 1914 года грянули Февральская и Октябрьская революции семнадцатого, а за ними — Гражданская война, военные перевороты и частые перемены власти в Киеве.

Как писал о тех временах Михаил Афанасьевич Булгаков, «...по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; а я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил».

В Гражданскую войну Зверинецкие пещеры облюбовали дезертиры, босяки, беспризорники. От них по Киеву снова покатались волны фантастических слухов об этом подземелье.

Гетманский клас

В начале декабря 1918 года, предчувствуя, что в ближайшие дни придется бежать из Киева, гетман Украины Павел Петрович Скоропадский решил спрятать секретные

запасы золота и серебра именно в Зверинецких пещерах. До того они хранились в подвале киевского частного дома какого-то родственника гетмана.

Возможно, Скоропадский надеялся вернуться и не пожелал делиться со своими союзниками — немцами. Тайную операцию по захоронению золота и серебра он поручил самым надежным казакам из личной охраны.

За пару дней до этого они совершили зачистку Зверинецких пещер. Выгнали оттуда дезертиров, уголовников, нищих. Поскольку подобную акцию трудно утаить, горожанам и германскому командованию было объявлено о борьбе с партизанами, что скрывались в подземельях.

После очищения подполья от ненужных свидетелей казаки спрятали там сокровища гетмана.

Произошло ли это на самом деле? О том нет документальных подтверждений.

Скоропадский дожил до 1945 года. Во время фашистской оккупации Украины он якобы предпринимал тайные попытки вернуть спрятанные в Киеве сокровища. Об этом бывший гетман не сообщил гитлеровскому командованию.

Действовал Павел Петрович через своих доверенных людей на Украине. Добыть золото и серебро из Зверинецких пещер (если они вообще были там спрятаны) агентам Скоропадского не удалось. Зато слухи о богатейшем гетманском кладе оказались неистребимыми.

Впрочем, еще с XVII века молва приписывала сокрытие сокровищ всем гетманам. Так было издавна: если народ поверил в какое-то предание, то никакие факты, научные доказательства и исторические документы не смутят его.

Однажды в недобрый вечер

В начале 1919 года киевляне вдруг вспомнили о Феодосии Матвиенковой.

— Неужто еще жива?! — удивились старожилы. — Сколько же ей сейчас?..

Стали подсчитывать. Молва щедро накинула старухе пару десятков лет — вот и вышло, что перевалило ей за сотню.

Возможно ли такое?..

— В Киеве и не такое случалось. Особенно с теми, кто связался с духами подземелья, — неизменно отвечали старожилы.

То, что Феодосия подружилась с пещерной нечистой силой, поверили многие ее соседи. На то были веские, по их мнению, доказательства. Первое: живет и здравствует карга и помирать не собирается. Второе: завелись у нее денежки, а откуда — не говорит.

К тому же не раз видели Феодосию неподалеку от входа в Зверинецкие пещеры. И что еще не менее важно: самогон, который она гонит и продает, сильно бьет по башке. Видать, добавляет какое-то зелье, полученное от нечисти.

Самые дотошные соседи пробовали следить за приткой Феодосией, да больно ловкой оказалась старушка. Будто много лет обучалась у филеров и агентов контрразведки. В считанные минуты уходила от любой слежки.

И все же не уберегли ее ни ловкость, ни темные силы нечисти. Однажды, в недобрый вечер, заявили в хату Матвиенковой налетчики. Случилось это, когда в Киеве настала нэпманская пора.

Незванные гости были нетерпеливыми и нервными. От предложенного угощения отказались и сразу потребовали указать, где в Зверинецкой пещере спрятано сокровище.

Старуха огорошила их несговорчивостью. Она стала дерзить и кричать непристойности. Многие слышали за свою недолгую, но бурную жизнь «моторные хлопцы», но от слов сумасбродной Феодосии покраснели как барышни.

Хоть и сконфузились налетчики, а отступать не собирались.

— Укажешь, ведьма, где сокровища, — отдаем тебе десятую часть и уходим с миром. Не укажешь — только через смерть твою мы покинем эту хату, — твердо заявили упрямые гости.

В ответ от старухи — лишь виртуозный мат.

— Мадам, угомонитесь! Лахудра, нечистью тронутая, шасталка халазная, — ласково попытался наладить добро-сердечные отношения самый дипломатичный из налетчиков, — нехорошие баяндрасы разводишь, ведь дети на улице могут услышать... Ну, скажи, перешкода старая, чего ты так за сокровище держишься? На тот свет хочешь унести, чертей одаривать?

Но и столь «деликатное» увещевание тактичного налетчика не подействовало.

Необычное условие

Пока бандиты ломали голову, как бы расколоть упрямую старуху, она вдруг сама пошла на попятную.

Махнула решительно рукой Феодосия и выдала новую порцию ругательств.

— А пропадите вы пропадом, здерщики забузованные! Так и быть — отдам вам золотишко и цацки сверкающие! Только не надорвитесь!

Радостно переглянулись бандиты и загалдели:

— От такой ноши разве надорвешься?

— Не извольте, маманя, беспокоиться о нашем здоровье.

— Давно бы так, мадам! Мы сразу поняли, что с вами приятно иметь дело...

— Тихо, пацаны-бенкетари! — тут же осадила гостей Феодосия. — Сперва мое условие!

Налетчики насторожились, ожидая подвоха от вредной старухи.

— Для начала моего крепыша подайте! — Она кивнула на бутыль белесого самогона и пододвинула кружку. — Да полней, полней, до краев самых наливайте, жлобы кандальные!..

Понюхали налетчики изделие Матвиенковой, и аж передернуло всех.

— Мадам, если будете употреблять это пойло, то не доживете здоровенькой даже до ста пятидесяти лет, — участливо произнес один из бандитов.

— Лучше о себе побеспокойся! — проворчала старуха и залпом опустошила кружку.

— Мадам, а закусить не желаете?..

Налетчики снова переглянулись, на этот раз весьма озабоченно.

— Как бы эта ведьма не сковырнулась от своей отравы...

— Чего шепчетесь?.. Наливай вторую! — рывкнула Феодосия.

Гости повиновались:

— Однако лихая вы дамочка!..

— Это все ваши условия, мадам? — с надеждой поинтересовались бандиты, когда Матвиенкова опрокинула в себя еще одну кружку самогона.

Феодосия игриво подмигнула им:

— Ох, размякла я, хлопцы!

— Главное — что не гикнулась на тот свет...

— Хотела бы я оттуда поглядеть на ваши хари, — захихикала старуха. — Вот была б умора!.. Золотишко совсем рядом, а взять — не получается. Не успела раскрыть секрет покойница!..

Представив подобную перспективу, налетчики поспешно перекрестились. Это еще больше развеселило Феодосию.

— А чтобы такого не произошло, вы меня, пацаны, понесете на руках в пещеру. Ноги совсем непослушными сделались...

— От двух кружек вашей отравы и не такое могло случиться, — понимающе кивнул один из налетчиков.

Другой засомневался:

— Да как же мы вас, мадам, понесем на руках?.. Что люди подумают?

— А-а-а, плевать на них... — заплетающимся языком ответила Феодосия. — А еще, хлопцы, надобно побольше нарвать ромашек и положить у входа в пещеру...

У налетчиков вытянулись от изумления лица:

— Это еще зачем?!

— Мадам, осадите ваши пылкие прихоти!..

В ответ Феодосия помотала головой и заявила:

— Иначе стародавние лицедеи не выпустят назад из пещеры. Заставят под их музыку плясать — и ничего не поделаете. Затанцуетесь до смерти! И никакие револьверы, ножи и кастеты вам не помогут. Нет управы на тех комедиантов...

— Видать, свихнулась старая ведьма! — стали шептаться налетчики.

— А ты выпей, сколько она, еще не такую чушь понесешь...

— Делать нечего — надо любую блажь ее выполнять...

— Хватит чирикать! — приказала Феодосия. — Пора за дело браться!

— Мы готовы!.. Но где нам в такой темноте раздобыть ромашки?

Старуха безразлично зевнула:

— Где хотите... Но без венка в Зверинецкие пещеры нечего соваться...

Пожали плечами налетчики:

— Вот скаженная ведьма!

— Придется потакать старухе...

— Сделаем вид, что верим в ее бузу...

Последний «выкрутас»

Один из налетчиков кивнул товарищам и вышел из хаты. На ожидавшей бандитов пролетке он быстро домчался к Владимирскому собору. В те годы вблизи храма, в заброшенных складах, обитали беспризорники.

Свистнул по-особому налетчик — и мигом собралась ватага оборвышей. Поручение изумило их так же, как и обещанная сумма. Но слово известного бандита — надежная гарантия. Беспризорники тут же разлетелись по ночному городу на поиски ромашек. Вскоре пролетка была завалена цветами, собранными на кладбищах, в парках, во дворах.

Кое-как, трясущимися руками, Феодосия сама сплела венок, и странная процессия двинулась к Зверинецким пещерам.

Несмотря на крошечную темноту, старуха точно указала дорогу к неприметному входу в подземелье. Зажгли охотники за сокровищами фонари и свечи и полезли следом за Феодосией. С каждым метром проход расширялся, и наконец они смогли двигаться в полный рост. Миновали один поворот, другой и оказались в просторной пещере.

Старуха бережно опустила венок ромашек на землю и что-то забормотала.

Бандиты нетерпеливо переступали с ноги на ногу, однако не решались прерывать неведомый им ритуал. Лишь робко поинтересовались:

— Правильно идем?..

— Мадам, вы не сбились с пути?..

— Не заблукали часом, у такой темряви?..

В ответ Феодосия раздраженно махнула руками:

— Куда надобно, туда и пришли. А теперь прислушайтесь, касатики востроглазые...

Насторожились ее спутники:

— Что за наваждение!..

Откуда-то из темной дали зазвучали неразборчивые музыка и голоса.

— Кого занесло ночью в эти сатанинские чертоги?..

— Известно кого, — ухмыльнулась Феодосия. — Лицедеи из давних времен...

Не по себе стало налетчикам: а вдруг и в самом деле старуха не врет и что-то эдакое, необъяснимое и непонятное, существует в Зверинецких пещерах?..

Никто из них не был убежденным материалистом, но и в духов и оживших покойников бандиты не верили.

— Эй, братва, а музыка-то приближается!..

— Кто же это колобродит?

— Может, и впрямь незахороненные жмурики бузят?..

Станные звуки становились все ближе.

— А не дать ли нам драла, братва?.. Ну их к бесу, рыжевые и сверкальцы!.. Живыми бы отседа воротиться...

Пока размышляли, что дальше делать, да финки и стволы доставали, погасли вдруг разом фонари и свечи. Будто задул их пещерный ветер.

Стали охотники за сокровищами чиркать отсыревшими спичками и проклинать свою затею. Неожиданно прямо под ногами у них затеплилась одна свеча.

Пригляделись бандиты и — в крик:

— Мать честная!.. Шмякнулась карга старая!..

— Прикидывается... Покойницу изображает...

— Гляди-ка: и свечка в руках...

— Как же она успела зажечь ее?..

— Эй, мадам!.. Хватит бить понты!.. Хотя вы и шарахнули две кружки самогона, это еще не повод так хохмить... Мадам, здесь же сыро... С вашим шебутным характером вы и в самом деле можете не дожить здоровенькой даже до ста пятидесяти лет...

Но слова не возымели действия. Феодосия не шевелилась.

— Видать, всерьез гикнулась ведьма!..

— Вот зараза!.. А ведь еще в хате что-то брякала насчет своей внезапной кончины!..

— Кажется, это ее последний, самый пакостный, выкрутас...

— Ну и попали мы в халазию, братаны. Шухер бьет по всем мастям! Забодают нас неупокоенные жмурики — и огрызнуться стволами не успеем!..

И кинулись незадачливые охотники за сокровищами к выходу из пещеры. А по пятам их преследовали музыка, смех, песни и крики...

Попробуйте сами

Выбрались, когда над Киевом уже сияло солнце. И до того прекрасным показался налетчикам этот мир, что они рухнули в траву и некоторое время с блаженными улыбками смотрели на радостный небосвод, на румяные от солнечного жара облака, на парящих в высоте птиц.

— Хорошо-то как!.. — не сдержал наконец восторга один из бандитов.

— Пропади они пропадом, пещерные рыжевые и цацки, — отозвался другой. — Главное — что мы невредимыми на белый свет воротились.

— В общем, так, братва... — деловито спохватился третий. — О приключении нашем никому ни слова. На всю жизнь молчок — и про неупокоенных жмуриков с их музыкой, и про каргу-покойницу... Хотя и не по-христиански оставлять ее без погребения, да она своя в том пещерном мире. Подземные клоуны сами с ней разберутся...

Один из налетчиков сорвал ромашку и принялся ее разглядывать, будто увидел впервые.

— А может, этот цветок и впрямь спас нам жизнь?..

Ответа не последовало. Но все дружно сорвали по ромашке и тоже стали внимательно рассматривать...

Вероятно, обещание не болтать о своем пещерном злоключении налетчики сдержали. Хотя слухи о загадочной смерти Феодосии все же поползли по Киеву. Но тела ее в Зверинецких пещерах не обнаружили. Пропала старуха, не вернулась домой — да мало ли, куда она могла подеваться! В те годы бесследно исчезали тысячи жителей Киева. И предания пострашней, чем о подземных лицедеях, слышали горожане.

Один из налетчиков, попавших в передрагу в Зверинецких пещерах, благополучно дожил до 70-х годов прошлого века. Именно он, Саня-Задор, и пытался «дипломатично» договориться с Феодосией. Кануло в лету прозвище Задор, не осталось свидетелей его жиганских походов, и новые знакомые уже обращались к нему — Сан Иваныч. Как положено бывалому зеку, о своей лихой молодости он никому не рассказывал.

Вот только иногда, под пивко с таранью или под «Червоне мицнэ» с плавленым сырком, мог поведать о мистических историях Киева. А себя упоминал в тех рассказах в третьем лице, будто вовсе не о нем шла речь и к «Сане-Задору» он не имеет никакого отношения.

А если заходил вдруг разговор о Зверинецких пещерах, Сан Иваныч становился задумчивым, словно размышлял, что можно раскрыть, а что надо утаить. Нередко попадались в его компании недоверчивые слушатели.

— Все эти истории о сокровищах, привидениях, духах в киевских пещерах — байки и сказки! Ими только детей

пугать да туристов доверчивых приманивать, — насмешливо заявляли они.

Сан Иваныч не обижался на подобные высказывания и неизменно отвечал:

— А ты сам, мил человек, хаживал в те пещеры в одиночку? Нет?.. Так, поди же, попробуй день да ночь провести в подземелье. Вот потом нам и поведаешь, где сказка, а где были!..

Вызывались исполнить совет Сан Иваныча многие. Да только все они впоследствии старались не вспоминать о своем обещании. То ли охота пропадала проникать в пещеры, то ли другие причины мешали.

А может, кто-то из них все же спускался в легендарные подземелья, да повстречал такое, о чем не желал рассказывать?..

Крылатый похититель

Разные бывают судьбы у легенд и преданий. Одни забываются, едва возникнув, другие живут веками. Нередко их используют в своих творениях композиторы, живописцы, поэты, писатели. Случается, что затерявшиеся в прошедших веках легенды и предания вдруг возрождаются, обрастают новыми подробностями и опять волнуют слушателей.

Пещеры всегда порождали самые невероятные слухи, загадочные были и небылицы. Ибо, как говорили в старину: «Тайны любят подземелья, а подземелья — тайны»...

Одно из преданий, связанных с киевскими пещерами, скорее всего, относится к XVI или XVII столетию.

Явилась однажды в город ватага странствующих комедиантов. Был среди них, помимо певцов, танцоров и музыкантов, фокусник — он же и дрессировщик ворона и собаки. Его мудрая птица умела раскладывать на земле белые камешки, а дрессировщик по их расположению предсказывал зрителям судьбу. Ну а пес радовал публику плясками на задних лапах и по команде хозяина правдоподобно притворялся мертвым.

Выступления бродячих артистов в Киеве на второй или третий день были прерваны. Виною тому стало удивительное происшествие.

В замок очень важного пана влетел ворон и прямо на глазах у изумленного хозяина схватил из открытой шкапулки золотой браслет с драгоценными камнями. Спасти дорогую вещицу не удалось, крылатый грабитель тут же метнулся в окно и улетел.

Возмущенный пан вооружил слуг и отправился в город искать обидчика. Один из лакеев нашептал ему, что унес браслет специально обученный комедиантский ворон.

Так ли это было на самом деле? Может, слуга просто хотел показать свою осведомленность и выслужиться перед хозяином?..

По примеру древнегреческих артистов

Вооруженные люди вскоре схватили лицедеев, и владелец украденного браслета потребовал вернуть украшение.

— Нет его у нас, ясновельможный пан... Мы честные люди... А наш ворон так стар, что не может далеко и высоко летать, — стали оправдываться комедианты.

— Не хотите сами отдать — отниму силой! — не поверил им пан и приказал стражникам и слугам обыскать актеров.

Но драгоценность так и не нашли.

Хозяин браслета еще больше разъярился:

— Успели сбагрить мое добро — ну так за это заплатите! Взять с вас нечего... Нет даже медных монет за душой. А раз так, будете отрабатывать украденный браслет. Отныне станете потешать моих гостей в замке — изо дня в день, в течение трех лет, и безо всякого вознаграждения.

Возмутились артисты, попробовали выбраться из окружения, но силы оказались не равными. К тому же панские слуги были вооружены саблями и пиками.

— Вам, голодранцам, из Киева уже не выбраться! Городская стража предупреждена, не выпустит вас за ворота, — заявил пан. — Сегодня ночуете на базарной площади, а завтра освобожу один хлев в моем замке. Там и будете обитать три

года. А ворона и пса вашего я прикажу посадить в мешок и утопить. Тварям положено делать только то, что дозволено Всевышним, и любое обучение их есть дело сатанинское.

Ночью артисты не ложились спать и долго совещались и спорили, как избежать трехлетней кабалы, как отвертеться от проклятого пана.

Наконец приняли решение:

— Ни птицу, ни пса не отдадим на погибель и сами в рабство не пойдем!..

— Стража не выпустит нас из Киева? Да мы хоть навсегда останемся в городе... Только — в подземном. Если даже ослепнем в темноте, будем петь, играть и веселиться так, что проклятый пан со своими прихвостнями околеет от страха. А добрые киевляне станут приходить к пещерам, слушать нас и оставлять угощеньице, — заявил самый бывалый из комедиантов.

— Да разве такое возможно? — усомнился кто-то из артистов.

— Нечто подобное произошло у древних греков, — пояснил старейшина ватаги лицедеев. — Какой-то царек незаслуженно обидел артистов, не давал им спокойно жить и выступать, — и они ушли навсегда в пещеру. Но и там не забывали о своем предназначении. К ним приходили ценители прекрасного из многих эллинских городов. Даже Мраку — владыке подземельного мира — понравились выступления гордых артистов. И он сохранил навечно их танцы, пение, музыку... Много веков назад умерли те древнегреческие актеры, но и сегодня их можно увидеть и услышать в пещере. Конечно, если этого пожелает владыка подземельного мира...

Недолгими были сборы обиженных паном киевских актеров. Согласно преданию, отправились они в Зверинецкие пещеры. С тех пор на белом свете их никто не встречал.

Обряд на Зверинецкой горе

Нередко в те времена киевляне поднимались на гору, под которой находились Зверинецкие пещеры, и слушали

дивные песни и музыку. Самые отчаянные пытались проникнуть в подземелья, но не могли отыскать вход.

Может быть, странствующие комедианты в скором времени покинули бы свое мрачное пристанище, да уж больно живучим и злопамятным оказался ненавистный им пан. Хоть и скрутила и обездвижила его неведомая болезнь, но еще долго он жил и гонял вооруженных слуг на поиски лицедеев.

Одним музыка и песни — в радость, другим — мучение. Вот и зловредному пану досаждали выступления комедиантов.

Ни днем, ни ночью он не мог укрыться от звуков. Даже приглашал лекарей, чтобы избавили его от напасти. Но те лишь разводили руками:

— Такого еще не случалось в нашей практике. Медицина здесь бессильна...

Прошли десятилетия, века... Давно заросла бурьяном могила владельца замка и его слуг, да и сам замок сравнялся с землей.

Позабыли киевляне о бродячих актерах, ушедших в Зверинецкие пещеры. Может быть, вспоминали о них ведьмы и хранители тайн далекого прошлого, а еще — артисты других поколений.

Хоть и открылся вход в Зверинецкие подземелья лишь в конце XIX века, молва о них задолго до того распространилась по Киеву. В разные годы замечали горожане, как по ночам приходили к пещерам комедианты, приносили корзины со снедью и венки из ромашек.

Что они там делали, какие тайные обряды совершали, об этом любопытные обыватели толком не знали и лишь строили догадки.

Шло время, и профессия бродячих артистов становилась все более редкой. Странствующие труппы были поглощены или вытеснены из городов театрами, эстрадой, цирком.

Но, по мнению знатоков тайн, многие давние традиции комедиантов сохранялись и на сценах, и на аренах, и на эстрадных подмостках.

В 1883 году в Киеве успешно дебютировала будущая знаменитая актриса Мария Константиновна Заньковецкая. Согласно театральному преданию, в ночь после выступления она вместе с приятельницей отправилась к Зверинецким пещерам и там оставила корзину с едой и венки из ромашек.

Спустя много лет один киевский журналист поинтересовался, верит ли Мария Заньковецкая в давние театральные приметы.

— Театр — волшебство, даже в индустриальный век, — ответила актриса. — Мы не всегда понимаем, как и почему появились многие сценические традиции и приметы. Так будем же, если не фанатично верить в них, то хотя бы уважать. Возможно, этим уважением мы отдаем дань памяти актерам давних времен...

Говорят, и в начале XXI столетия рядом со Зверинецкими пещерами иногда появляются букеты и венки из ромашек. Специально ли их оставляют здесь или случайно? А может, новое поколение артистов продолжает соблюдать старинную традицию и отдает дань памяти своим коллегам из далекого прошлого?..

«И во тьме рождается свет»

Мыслители, поэты, музыканты, математики Древней Греции, чтобы обрести вдохновение, отправлялись в пещеры и находились там какое-то время в полном одиночестве.

Помогало?..

Кому как. Ведь подземелья могут быть и полезными людям и губить их.

У славян существовало поверье, что у каждой пещеры свой характер и душа, своя история и что в их глубинах можно не только вылечить различные заболевания, но и получить силу, совет, предсказание от «сердца земли».

Киевские любители тайн еще в середине XX века рассказывали о так называемом «часе печального эха». Последние крики и стоны всех погибших в разные столетия

в подземельях не исчезают, не ослабевают. Они сливаются в единый гул и блуждают в темных лабиринтах, порождая «печальное эхо».

Иногда «печальное эхо» прорывается на поверхность земли, а знающие люди улавливают его и предостерегают: «Грядет большая беда».

Вот только не все верят в эти предостережения.

Когда приходит «час печального эха», даже знатоки тайн не могут точно сказать и лишь пытаются уловить его приближение и расслышать в нем голоса прошлых бед.

Киевляне во все времена отличались оптимизмом и неунывающим характером. Возможно, от запорожских казаков появилась и стала популярной в городе поговорка: «Семь бед тихо миновали, с шумом-гамом проскочим и восьмую».

В истории случалось, что виновником бед становились городские пещеры: люди гибли в них, проваливались дома и строения. И тогда киевляне подбадривали друг друга: «И во тьме подземелья рождается добрый свет...»

Известный в XIX веке сановник и автор записок о своих странствиях Филипп Филиппович Вигель отмечал, что невозможно переоценить роль пещер в истории Киева и что будущее города тоже во многом зависит от подземелий.

А еще Вигель писал: «Киев! При имени его бьется и поныне охладевшее мое сердце, воспоминания о нем еще и поныне способны из потухающих глаз моих извлекать слезы. В течение всей жизни моей ничего прекраснее мне не казалось, как первые предметы, которые в нем поражали младенческие мои взоры».

Живущим в XXI веке эти восторженные слова о любимом городе могут показаться слишком напыщенными и сентиментальными. Что ж, у каждого времени свой язык восхваления и проклятия. А восхвалений и проклятий в истории Киева было немало. Ему желали добра и бед многие: и коренные жители, и приезжие. А старый мудрый Киев выслушивал их и продолжал жить по своим, известным только ему, законам.

Так было, так будет!..

И никакие проклятия и злоба великому городу не помеха. Время быстро смывает их, как в половодье смывает Днепр ненужный сор со своих берегов...

Пусть же остаются лишь добрые пожелания в домах, парках, на улицах, в сердцах горожан, чтобы всегда можно было повторить о Киеве слова Михаила Афанасьевича Булгакова: «Город прекрасный, город счастливый».

Содержание

Днепровские предания	3
Звалась река Борисфен.....	3
Любовь, страх и уважение	5
Крест над рекой	7
Новые обряды, прежнее почитание	8
«Собирательница мудрости и света»	8
Набег крымчаков	10
Давняя первомайская традиция	11
В согласии и споре с великой рекой	12
Победы и поражения	12
Куда летит черный вестник?	13
Последнее предсказание волхва	15
Похвалялся древлянский вождь	16
Огненная баня	17
«Поведай, Днепр-батюшка»	19
Разглядеть будущее	19
Святые лики на воде	20
На то он и вечный	21
«По отклику зозули»	21
«Девятисмерть, не коснись меня!»	22
«Дом «страшного деда»	23
Спор «студизусов»	25
В день Симона Зилота	26
Загадочное исчезновение	27
Станные люди на Трухановом острове	29
Днепровские забавы	30
«Сиреневая примета»	31
Обращения к великой реке	32
Крест на щеке	34
Воспоминания паломника	34
«Чтобы черт за своих не принял»	36
Каламар-Кадук	37
«Будто песню пели»	38

«Со мной не пропадешь!»	39
«Кривобокая хата»	41
Недобрые мысли и славная вишневка	42
Кровь «рудого черта»	45
«Не поминай на ночь куцего»	47
И всполошились разбойники	48
Чертova ничья	50
Кара отступникам	51
Исчезновение Яремы	52
Конец учебы	54
Страшный список	55
На штурм «кривобокой хаты»	56
Унесет вода беды	58
«Встретимся у фонтана»	60
Новая традиция	60
Годы больших перемен	61
Новая обитель арестантов	63
От острога до «Самсона»	64
После дальней дороги	65
«Петушиная жажда»	67
Два богатыря	70
«Сострадалец» у фонтана	70
Разбойник Самота	71
Мистическая связь	72
Отгулял атаман	74
Не говори оружию «прощай»	76
Предостережение эмигранта	76
Дар-испытание	78
Почитание и преклонение	79
«И ленится, и бесится»	81
Кинжал с черными рубинами	83
В северных землях	84
Пропажа клинка	86
Укус «Прыткой змейки»	87
Достопамятный визит	87
Вольный бал в магистрате	89
Прелестные панночки	90
По заказу эмира	91
Смерть ливанского правителя	93
Новый владелец	94
Недоброе пожелание	95
Под колокольный звон и музыку	96
Оборванный след	97
«Услышишь все, что угодно душе»	98
Дотошный репортер	99
«И не будет от них покоя»	101
Бокал за ведьм	101
На легендарной Лысой горе	102
Там собирали цветы и травы	104

Происшествия в форте.....	105
Взрыв в Лысогорском форте	106
«Во всем виноваты...»	109
Прогулки по излюбленным местам.....	109
И наступало светопредставление.....	110
Провожали завистливым взглядом.....	113
Подлые обвинения и доносы	114
Загадочное исчезновение	116
На перекрестье торговых путей	119
Из века в век	119
Приученные к бедствиям.....	120
Что прятали и что находили	121
Дом Артемихи.....	122
Скрыться не успел	124
Самые известные в Киеве	125
Карты базарных «схованок»	126
«Темнота все скроет»	128
Очередная потеха на Подоле	130
Таинственный сундучок	133
«Не может быть!»	135
Неудачная погоня и прозорливый истопник	136
И в наше время... ..	138
«Займемся землей!»	138
«И самому невезучему улыбалась удача»	140
Где же тот дом с сокровищами?.. ..	142
Новые владельцы старых домов	144
Энциклопедия кладов	146
«И будешь богаче прежнего»	147
Роковой медальон	150
«Заветная хата»	150
Пропажа реликвии	151
Невинная уловка	153
«По своим правилам»	154
Дорогой гражданской войны	155
Встреча в Вене.....	157
Станный интерес агента.....	158
Подслушанный разговор	159
Еще один земляк	161
«Где-то в Киеве»	161
Перестрелка в заброшенном доме	163
Предложение незнакомца	165
Если сами захотят	166
«Здесь все произрастает»	168
В окружении лесов и рек	168
И цветы, и виноград	169
Озеленяли и воспевали	170
Былинные сказители	172
Лесные поверья.....	174
Дерево поэта.....	175

«Зеленый календарь»	175
«Из недр земли...»	176
«Неведомый цветок»	177
Больной художник	178
Единственная просьба	179
«Чудо-зверь, обликом жуток»	181
Из далеких южных земель	181
Тяжелый мешок	182
Объяснение чужеземца	183
Исчезновение чародея	184
Растерявший дар	186
И вернулись в город ни с чем	187
«Беда на свист идет»	187
И не такое можно увидеть	188
Через тысячи бед	190
«Со дней своего основания»	190
Возвращались и восстанавливали	191
Самое разрушительное нашествие	192
Огонь, вода, голод и мор	194
Самый знаменитый пожар XIX века	196
Исчезновение Охрима-Латки	198
Падкие на золото	200
Неоконченный список	201
Бабий Яр и трагедия 13 марта	202
Известные, забытые, еще не открытые	204
Уберегут от тысяч бед и забот	204
Оживший истукан	205
«Благодаря киевским пещерам»	207
«Мы ждем тебя...»	209
Продолжатели дела	210
Очередное злоключение	211
«Кровь и золото в каждом словечке»	214
Митяй и Милашка	215
Тьма казацкая	217
Долина целебных ключей	217
Путь в послушники	219
Без буйных потех	220
И удача может заблудиться	222
Возвращение на белый свет	223
Какая дума не дает покоя?	225
Свет из подземелья	226
Средневековые артисты	226
Веселые и устрашающие представления	227
Заново открытые	229
Ночные видения	230
Стихийные проникновения	232
«Тем живучей они становились»	233
Гетманский клад	234
Однажды в недобрый вечер	235

Необычное условие.....	237
Последний «выкрутас»	239
Попробуйте сами.....	241
Крылатый похититель.....	243
По примеру древнегреческих артистов	244
Обряд на Зверинецкой горе	245
«И во тьме рождается свет»	247

Серия «Тайны странствий»

Вадим Никласович Бурлак

ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО КИЕВА

Выпускающий редактор *М.И. Клим*

Корректор *И.А. Смирнова*

Технический редактор *С.В. Камышова*

Дизайнер обложки *И.А. Тарачков*

Компьютерная верстка: *В.В. Клепиков*

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва, а/я 30, «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 28.01.2011.
Формат издания 84 х 108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «QuantAntiquaC».
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 3000 экз. Тип. заказ №4117018

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

